

№ 6

Русская речь

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО
ЯЗЫКА
АКАДЕМИИ
НАУК
СССР

1969

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

ОСНОВАН В 1967 ГОДУ
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

В номере

- М. М. Мехти-Заде. Язык братства 3
П. М. Фесуненко. Научно-популярный стиль В. И. Ленина 5

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Е. А. Маймин. Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» и «1 января» 13
А. А. Илюшин. Глаголы жеста у Ф. М. Достоевского 20
Н. К. Петрова. Речевая характеристика Иудушки Головлева 25
М. М. Орлов. «Лучше сказать...» 30
М. С. Гуреева. Просторечие в «Поэме о разных точках зрения» Р. Рождественского 32

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- Н. М. Громова. Девушки, девочки, девчонки 36
Г. И. Петровичева. Почему датчанин не даниец 40
В. И. Чернов. 25 рублей за одно слово 43
Спор о русских именах (письма в редакцию) 45
А. Ч. Козаржевский. Курс мастерства устной речи 48

ГРАММАТИКА

- Ю. М. Костинский. Подлежащее — в родительном падеже? 50

ЯЗЫК ГАЗЕТЫ

- С. В. Каравашкова. Редактор и друг начинающего автора 60
Республиканские, краевые, областные 65

РЕЧЬ В КИНО

Ю. А. Кузнецов. Автор говорит со зрителем	71
Г. К. Самвелян. Речь в «языке кино»	74
Т. Ф. Дельская. Сценарий	76

ШКОЛА

О. А. Черепанова. Готовятся стать языковедами	80
Е. С. Клебанов. Сочинения с суффиксами	82
Т. П. Одинцова, В. В. Одинцов. Листая учебник	85
В. П. Ощепкова. О словах понятных и непонятных	86
Учебник родного языка (письма в редакцию)	88

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ

Г. Ф. Одинцов. Фарис в «Трех пальмах» М. Ю. Лермонтова	94
В. С. Филиппов. Музыкальные инструменты на Руси	97
И. Н. Шмелева. Играя в карты	100
В. А. Долотов. Почва	102
Е. С. Отин. На-гора	104

ГОРОДА РОССИИ

Н. И. Андреева-Васина. Опочка	106
---	-----

ПРОЧИТАЙТЕ ДЕТЯМ

Елена Благинина. Из разных книг	107
---	-----

КОНСУЛЬТАЦИИ

Словарь начинающего филолога	108
Ю. А. Степанов. Страничка логопеда. Косноязычие	110

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Письма читателей о русском языке	112
Что читали древние?	29,35,49
Указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» за 1969 год	124

На обложке: Ф. М. Достоевский. «Преступление и наказание»
Гравюра Ю. И. Космыгина

*При перепечатке
ссылка на журнал «Русская речь»
обязательна*

Хроника

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

24—29 ноября в столице Азербайджана проходит Всесоюзная научно-методическая конференция, посвященная преподаванию русского языка в национальной школе. В ней принимают участие деятели науки и просвещения из всех братских республик Советского Союза; руководящие работники органов народного

образования, преподаватели вузов, учителя, ученые-методисты и языковеды.

Изучение языка русского народа — первого среди равных в нашей многонациональной стране — занимает важное место в программах средней школы. И конференция в Баку призвана содействовать повышению уровня школьного преподавания, развитию советской методической науки. Содержательна и разнообразна ее программа: 65 докла-

(Продолжение на стр. 10)

ЯЗЫК БРАТСТВА

Министр просвещения Азербайджанской ССР
М. М. МЕХТИ-ЗАДЕ

В начале нашего века В. И. Ленин, готовя партию и народ к социалистической революции, говорил о необходимости развития просвещения и культуры для народов России на их родном языке. Свободное развитие языка, как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин,— залог национальной свободы.

Повсеместное обучение миллионов детей в Советском Союзе на их родном языке — одно из величайших завоеваний социалистической революции, осуществление ленинской национальной политики Коммунистической партии. В то же время вся история развития просвещения и культуры в республиках Советского Союза подтвердила правильность мысли В. И. Ленина о том, что русский язык завоеует в России всеобщее признание.

При социализме усиливается обмен духовными богатствами; достижения одного народа делаются достоянием всех других народов Советского Союза. Это ведет к формированию будущей единой общечеловеческой культуры коммунистического общества. Во всем этом велика роль русского языка.

Якутский поэт С. Данилов в стихотворении «Мой русский язык» правильно сказал:

Я ко всем наукам ключ имею,
Я со всей вселенною знаком —
Это потому, что я владею
Русским всеохватным языком.

Дело Ленина, дело Октябрьской революции и коммунизма всегда было интернациональным.

За годы Советской власти в Азербайджане произошла подлинная культурная революция. Во всем этом выдающуюся роль сыграла русская культура, русский язык, бескорыстная братская помощь великого русского народа.

Азербайджанский народ глубоко понимает и ценит значение русской культуры, русского языка для развития своей культуры, своего языка. Это издавна хорошо сознавали и выдающиеся сыны азербайджанского народа. В годы царизма, вопреки противодействию мусульманского духовенства, они призывали молодежь обучаться в русских школах, глубоко изучать русский язык в интересах общения с русской и мировой культурой в интересах развития своей национальной культуры.

После победы Советской власти в Азербайджане, когда получила полное разрешение проблема обучения на родном языке, видные государственные и партийные деятели Азербайджана и Закавказья особенно подчеркивали значение изучения русского языка азербайджанской молодежью.

На протяжении всех 50 лет, прошедших со дня установления Советской власти в республике, вопросы улучшения преподавания русского языка не сходили с повестки дня партийных съездов, совещаний, конференций, съез-

дов учителей. Замечательный народный поэт Азербайджана Самед Вургун со всей четкостью выразил отношение азербайджанского народа к изучению русского языка: «Наши дети, наша молодежь должны, как свой родной язык, изучать язык великого русского народа, язык Октября, язык Ленина».

Русский язык раскрыл перед нашей молодежью и всем народом бесценную сокровищницу великой русской и советской литературы — творения Пушкина и Лермонтова, Тургенева и Некрасова, Толстого и Чехова, Горького и Маяковского, Фадеева, Шолохова и других выдающихся писателей.

Русский язык дает возможность юношам и девушкам республики продолжать свое образование в прославленных университетах и институтах Москвы и Ленинграда. Не удивительна поэтому горячая любовь азербайджанских учащихся к русскому языку. «Я азербайджанка и учусь на родном языке, — пишет в своем сочинении ученица Тальской средней школы № 1 Закавказского района Фаарида Омарова. — Родной язык дорог мне. Наравне с моим родным языком я люблю и изучаю русский язык, язык гениального вождя и учителя Владимира Ильича Ленина. Я с большим увлечением читаю замечательные произведения русских писателей, передо мной раскрываются все богатства и красота русского языка, языка нашего старшего брата — великого русского народа».

Не менее важную роль играет русский язык в коммунистическом воспитании молодежи, вооружении ее идейным богатством марксизма-ленинизма. «Учиться коммунизму» — вот основная задача молодежи, указанная ей Лениным. И в выполнении ее особенно велико значение изучения русского языка.

Трудно переоценить значение школы, роль учителя русского языка. Источники, которыми он пользуется, весьма разнообразны. Здесь и учебные тексты, и произведения русских писателей, и живой материал газет и журналов на русском языке, и произведения кино, и театральные постановки, и передачи по радио и телевидению.

Особую роль играет система внеклассных и внешкольных мероприятий, в частности кружковая работа по русскому языку, внеклассное чтение русских книг. Приохотить детей к чтению — это значит открыть для них постоянный источник приобретения знаний, самообразования.

В воспитании учащихся особую роль играют такие мероприятия, как фестивали на русском языке, утренники и вечера, дни русского языка и недели русской книги, переписка со школьниками других республик.

В последнее время все многогранная работа по обучению и воспитанию учащихся средствами русского языка и русской литературы протекает под знаком всесторонней подготовки к празднованию 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия Советского Азербайджана. Все работники народного просвещения нашей республики встречают эти славные даты новыми трудовыми успехами.

Работники просвещения Азербайджана приветствуют собравшихся в нашей столице участников Всесоюзной конференции, посвященной актуальным проблемам обучения русскому языку учащихся национальной школы. Можно с уверенностью сказать, что широкое обсуждение вопросов преподавания русского языка и решения, принятые конференцией, окажут благотворное влияние на развитие нашей педагогической науки и школьного образования.

Научно-популярный стиль

В. И. Ленина

«Максимум марксизма — максимум популярности и простоты» — таков важнейший принцип ленинского стиля в науке, публицистике, пропаганде. Он положен и в основу ленинской теории и практики научно-популярной литературы.

В трудах В. И. Ленина получили подлинно научное развитие задачи и методы популяризации. Ленин сформулировал основные требования к популярной книге с точки зрения ее содержания, построения, стиля, языка. Популярная литература несет в массы политические и научные знания. Это неотъемлемая часть партийной публицистики. В основе ленинской оценки ее лежат требования научности, идейности, правдивости, страстности и простоты.

Научно-популярные произведения В. И. Ленин учит рассматривать в единстве их содержания и формы. Идейное содержание Ленин считает ведущим началом, но именно в форме, в стиле, в языке содержание находит конкретное выражение. Сочетание идейности и простоты определяет основу стиля популярных работ.

В. И. Ленин учил говорить массам только правду, какой бы горькой она ни была, обучая их побеждать все и всякие трудности. В этом сила научно-популярного произведения — в его правдивости.

Ясность как основная черта публицистической пропаганды определяет и самый отбор материала и приемы его изложения. В популярном произведении необходимо применять наиболее действенные методы подачи материала, широко использовать идейно-эмоциональные и выразительные средства воздействия на читателя.

В. И. Ленин учил различать подлинную популярность и дурное популярирование. Популяризация в ее марксистском понимании очень далека

от вульгаризации. «Популярный писатель подводит читателя к глубокой мысли, к глубокому учению, исходя из самых простых и общеизвестных данных, указывая при помощи несложных рассуждений или удачно выбранных примеров главные выводы из этих данных, наталкивая думающего читателя на дальнейшие и дальнейшие вопросы» (Полное собрание сочинений. Т. 5, стр. 358). Истинный популяризатор не «подлаживается» к читателю, а ведет с ним серьезную беседу.

В статье «Первый шаг» (1915) Владимир Ильич писал: «Популяризация — вещь полезная, бесспорно. Но если мы хотим добиваться ясности мысли рабочего класса, если мы придаем значение систематической, упорной пропаганде, то надо точно и полно устанавливать те принципы, которые должны быть популяризуемы» (т. 27, стр. 38).

Понятие популярности стиля уточняется и конкретизируется в зависимости от характера читательской аудитории. В статье «Попытное направление в русской социал-демократии» (1899) Ленин выделял три основные группы читателей рабочей печати. Первую составляют передовые рабочие и рабочая интеллигенция, вторую — широкий слой средних рабочих, третью — масса низших слоев пролетариата.

По мнению В. И. Ленина, партийная публицистика должна стоять на уровне передовых рабочих, следить за всеми тактическими, политическими и теоретическими вопросами коммунистического движения.

Читатели из средних слоев рабочих могут не понять некоторых теоретических или практических вопросов. Из этого вовсе не следует, что такие статьи или брошюры должны снижаться до уровня массы читателей. Напротив, рабочая печать должна поднимать их уровень действительными приемами разъяснения и убеждения.

Для низших, по их культурному уровню, слоев рабочего класса партийная печать может быть вовсе или почти вовсе недоступна. Но из этого только следует, что на такие слои действуют иные средства агитации и пропаганды: брошюры и статьи, написанные наиболее популярно. В них должны быть учтены особенности места, профессии и т. д. и использованы наиболее активные средства разъяснения, убеждения, идейно-эмоционального воздействия.

О сущности популярного изложения В. И. Ленин неоднократно говорил и после Великой Октябрьской социалистической революции. Например, в «Тезисах о производственной пропаганде» (1920) он отмечает, что наша печать «должна быть популярной, в смысле доступности миллионам, но отнюдь не впадать в популярничанье. Не опускаться до неразвитого читателя, а неуклонно — с очень осторожной постепенностью — поднимать его развитие» (т. 42, стр. 15).

Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно более наглядно и твердо запечатлеваемой. А повлиять на данную аудиторию можно только посредством учета ее подготовленности и психологии восприятия, посредством строгого отбора фактического материала, стройной композиции действенных приемов изложения его.

Выбор формы изложения В. И. Ленин ставил в зависимость не только от характера аудитории читателей, но и от особенностей и содержания публицистического произведения. Об этом он говорит в письме молодому литератору В. М. Каспарову, приславшему в редакцию журнала «Просвещение» статью по национальному вопросу: «Дорогой товарищ! Получил и прочел Вашу статью. Тема, по-моему, взята хорошо и разработана верно, — но недостаточно литературно отделана. Есть много чересчур — как бы это сказать? — „агитации“, не подходящей к статье по теоретическому вопросу. Либо Вам самим, по-моему, следует переделать, либо мы попробуем» (т. 48, стр. 197).

Требования В. И. Ленина к стилю изложения нашли отражение и в его многочисленных высказываниях и замечаниях.

Каким же должен быть язык научного-популярных работ — составной части партийной публицистики?

В. И. Ленин считал, что каждый популярный автор по-своему использует языковые средства, имеет свой речевой стиль. Владимир Ильич говорил: «Не грех бы поменьше бояться того, что автор... **выразится по-своему**» (т. 6, стр. 443). Только при этом условии можно сохранить краски ярко и живо написанной вещи.

В работе «Аграрный вопрос и „критики Маркса“» (1901) Владимир Ильич советовал никогда не забывать о том, что члены боевой партии «должны и в ученых своих трудах не опускаться из виду читателя-рабочего, должны стараться писать **просто**, без тех ненужных ухищрений слога, без тех внешних признаков „учености“, которые так пленяют декадентов и титулованных представителей официальной науки» (т. 5, стр. 148).

Простота, четкость и ясность стиля зависят в первую очередь от правильного словоупотребления и сжатости слога. Поэтому В. И. Ленин настойчиво советовал писать: «...ясно, отчетливо, без уверток...» (т. 23, стр. 237), «...чрезвычайно ясно, кратко и точно, по-марксистски...» (т. 41, стр. 96). Таким образом, совет «писать по-марксистски», в понимании Владимира Ильича, относится не только к содержанию, идейным качествам работы, но и к ее форме, речевому стилю.

В. И. Ленин требовал в каждом отдельном случае с большим вниманием и осторожностью выбирать речевые средства. Каждый пропагандист «должен уметь говорить просто и ясно, доступным массе языком, отбросив решительно прочь тяжелую артиллерию мудреных терминов, иностранных слов, заученных, готовых, но непонятных еще массе, незнакомых ей лозунгов, определений, заключений» (т. 14, стр. 92).

Недостатком стиля В. И. Ленин считал многословие, которое неизбежно ведет к пустой фразе, фразерству во многих его видах, в том числе и к революционному фразерству.

В. И. Ленин решительно выступает и против «красот» слога. В статье

«Удержат ли большевики государственную власть?», высказываясь по поводу декларации, оглашенной Мартовым на Демократическом совещании, Владимир Ильич пишет: «Это сказано немножко чересчур красиво, т. е. вычурность выражений прикрывает здесь недостаток ясности политической мысли» (т. 34, стр. 304).

Предлагая выбрасывать «плохие "красоты" слога», В. И. Ленин ставит в заслугу партийному литератору истинную красоту языка, его силу и выразительность. С этой целью он рекомендует учиться умело использовать образные средства языка. В письме в редакцию «Правды» 8 сентября 1912 года Владимир Ильич советует цитировать отрывки из художественной литературы. Для читателей «это было бы уместно, интересно, да и получилось бы освещение поставленных вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом» (т. 48, стр. 89). Большое значение имеют и крылатые слова, пословицы, поговорки, которые «с удивительной меткостью выражают сущность довольно сложных явлений» (т. 25, стр. 138).

В. И. Ленин решительно возражал против безучастно-объективистского тона. Писать надо страстно, эмоционально, «без „человеческих эмоций“ никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» (т. 25, стр. 112). Не следует бояться и оправданной резкости. «Без „гнева“ писать о вредном — значит, скучно писать» (т. 48, стр. 78). Партийный публицист должен уметь вести действенную, наступательную полемику, используя для этой цели наиболее подходящие к данному случаю средства языка.

Блестящим образцом применения требований В. И. Ленина к научно-популярной литературе является стиль его собственных массово-политических брошюр.

Высокому идейному содержанию массово-политических работ В. И. Ленина соответствует композиционная их стройность, четкость формулировок, строгая, логически последовательная аргументация, подкрепленная убедительными фактами, примерами.

Композиционной стройности своих брошюр В. И. Ленин уделял большое внимание. Исключительно тщательно он составлял план работы. Например, план брошюры «К деревенской бедноте» имеет четыре варианта. Названию первой главы во всех четырех вариантах даны различные формулировки. В первом варианте она названа «Рабочая борьба в городах, о которой слышали уже очень многие», во втором — «Рабочая борьба в городах. Борьба против правительства», в третьем — «Рабочая борьба в городах». Однако ни один из этих вариантов не удовлетворил автора, и в четвертом варианте первая глава получила название «Борьба городских рабочих». Эта формулировка, наиболее полно выражающая замысел Ленина, и дана в качестве названия первой главы брошюры «К деревенской бедноте».

Вторая глава в первом варианте имела заголовок: «Чего хотят рабочие? (С.-д. партия. Социализм)». Во втором была оставлена лишь первая часть формулировки: «Чего хотят рабочие?». Но оба эти варианта Ленин забраковал ввиду того, что они не выражали политического замысла. В этой главе он хотел рассказать о том, что борьбу городских рабочих, о которой должна идти речь, возглавляют социал-демократы, имеющие ясную политическую программу, основанную на научном фундаменте революционной теории. Поэтому в окончательном варианте В. И. Ленин дал этой главе название «Чего хотят социал-демократы?».

Название третьей главы дано по четвертому варианту плана: «Богатство и нищета, собственники и рабочие в деревне».

Четвертая глава названа «Куда идти среднему крестьянину? На сторону собственников и богатых или на сторону рабочих и неимущих?». Эта формулировка появилась во втором варианте плана.

В брошюре «К деревенской бедноте» семь глав. И расположены они в такой последовательности, которая дает возможность наиболее убедительно и доходчиво осветить вопросы, волновавшие деревенского читателя того времени. Разрабатывая тему брошюры, В. И. Ленин составил не только общий план, но и продумал

каждую главу в отдельности, наметив основные вопросы и положения, которые должны быть раскрыты.

Излагая материал, Ленин словно беседует со своим читателем. Вот начало этой брошюры:

Многие крестьяне уже слышали, вероятно, о рабочих волнениях в городах. Некоторые сами бывали в столицах и на фабриках и видывали тамошние бунты, как их называет полиция. Другие знают рабочих, которые участвовали в волнениях и были высланы начальством в деревни. Третьим попадали в руки рабочие листки и книжки о рабочей борьбе. Четвертые просто слышали рассказы бывалых людей о том, что делается в городах (т. 7, стр. 131).

Далее В. И. Ленин простыми и ясными словами пишет о борьбе рабочих с капиталистами, о том, что рабочие борются за улучшение экономических и бытовых условий. Он показывает, что возглавляет рабочий класс его партия, что рабочий класс не ограничивается экономической борьбой, его конечная цель — социализм. Рассказав о социализме, за торжество которого борется рабочий класс, Владимир Ильич в последующих абзацах показывает, что делает эта партия.

Так Ленин подходит вместе с читателем к концу первой главы — «Борьба городских рабочих». Она уже натолкнула читателей на серьезные размышления. И вот последняя, заключительная фраза первой главы. В ней итог сказанного раньше и переход к дальнейшему:

Деревенской бедноте надо ясно понять, кто такие эти социал-демократы, чего они хотят, и как следует действовать по деревням, чтобы помочь им завоевать для народа счастье (стр. 133).

Название следующих шести глав точно соответствует их содержанию. Они показывают последовательное развитие идей, переход от простого к более сложному. Каждая глава разъясняет какое-либо положение партийной программы, проект которой дан в приложении.

План брошюры, ее зачин, изложение и концовка показывают, к какому методическому приему прибег в данном случае В. И. Ленин. Он полагал,

что брошюра даст читателю общее представление о программе партии, подготовит его к изучению самой программы. Это может оказаться трудным, но «пусть всякий человек обдумает и обсудит всю программу социал-демократов, пусть у каждого будет постоянно в памяти все то, чего хотят социал-демократы, и что они думают об освобождении всего рабочего народа» (стр. 201).

Стиль брошюры помогает логичнее и выразительнее раскрыть ее содержание. Вопросно-ответная форма, сочетаясь со спокойным повествованием, усиливает эмоциональное воздействие текста, приближает изложение к активному диалогу автора с читателями.

Как же это может быть? Богатства и роскоши становится все больше, а те миллионы и миллионы, которые своим трудом создают все богатства, остаются все-таки в бедности и нищете? Крестьяне умирают от голода, рабочие бродят без работы, — а из России торговцы вывозят за границу миллионы пудов хлеба, фабрики и заводы стоят, потому что некуда девать товары, негде сбывать их? (стр. 141).

Иногда изложение принимает вид цепи самостоятельных предложений с прямой речью, отчетливой, короткой, как афоризм:

Но рабочие не сдаются. Они продолжают борьбу. Они говорят: никакие преследования, ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни смерть не устроят нас. Наше дело правое. Мы боремся за свободу и счастье всех, кто трудится. Мы боремся за избавление от насилия, от угнетения, от нищеты десятков и сотен миллионов народа (стр. 133).

Анафора («мы боремся», «мы боремся»), градация («ни тюрьмы, ни ссылка, ни каторга, ни смерть»; «от насилия, от угнетения, от нищеты») эмоционально обогащают изложение. В публицистическом произведении все яснее звучит страстная речь оратора, народного трибуна.

Произведение построено на конкретных, хорошо знакомых крестьянину фактах. Они положены в основу

многих сравнений, делающих ленинские положения особенно наглядными.

Язык брошюры В. И. Ленина богат образными выражениями, сравнениями, поговорками. Царское правительство пляшет под дудку крупных землевладельцев. Царские чиновники стоят над безгласным народом, как темный лес. Крестьяне связаны царизмом по рукам и по ногам, а помещик из бедняка веревки вьет. Раз бедняк вошел в долги,— значит накиннул на себя петлю.

Действенным стилистическим приемом популяризации в брошюре «К деревенской бедноте» являются повторения. Их цель — облегчить читателю восприятие идей партии, ее программы. В. И. Ленин повторяет отдельные положения, целые мысли. Повторения эти логически и стилистически связаны с перечислением. Уже в первом абзаце — мы его приводили в начале — вслед за перечислением изложены основные требования рабочих.

Они хотят, чтобы мастерские были устроены лучше, чтобы машины защищались особыми приспособлениями и не увечили работающих, чтобы дети их могли ходить в школы, чтобы больным оказывали как следует помощь в больницах, чтобы жилища рабочих были человеческими домами, а не собачьими конурами (стр. 131).

Целесообразно повторяются и однотипные вопросы, на которые Ленин дает читателю один ответ:

Кто работает на постройке железных дорог? кого грабят подрядчики? кто ходит на рубку и сплав леса? кто служит в батраках? кто занимается поденщиной? кто исполняет черные работы в городах и на пристанях? «Это все,— отвечает на свои вопросы Ленин,— деревенская беднота. Это все — безлошадные и однолошадные крестьяне. Это все — деревенские пролетарии и полупролетарии» (стр. 156).

В брошюре «К деревенской бедноте» нет ни одного абзаца без тех или иных повторений. И все они глубоко продуманы, подчинены главной задаче: разъяснить крестьянам партийную программу.

Стремление поднять культурный уровень читателя особенно отчетливо отразилось и в приемах упрощения и разъяснения новых политических понятий. Научные термины, введенные с соблюдением строгой меры, подсказанной глубоким знанием психологии читателя, являются частью тех необходимых слов, без которых не может обойтись научно-популярное изложение. Заботясь о том, чтобы научные термины были поняты крестьянским читателем, В. И. Ленин прибегает к целесообразным способам разъяснения: прямое толкование понятия или незаметное его разъяснение.

Прямым способом разъяснения В. И. Ленин пользуется, определяя основные политические понятия: социалистическое общество, социализм, партия рабочего класса и др.

Это новое, лучшее общество называется социалистическим обществом. Учение о нем называется социализмом. Союзы рабочих для борьбы за это лучшее устройство общества называются партиями социал-демократов (стр. 132).

При препозитивном способе разъяснения русское слово (словосочетание) предшествует поставленному в скобках или без скобок иноязычному термину. Например: «Политическая свобода означает право народа выбирать своих гласных (депутатов) в Государственную думу (парламент)» (стр. 134—135). Такой способ отличается краткостью и обеспечивает понимание слова. Однако В. И. Ленин учитывает, что при помощи одиночного разъяснения трудно запомнить непонятое слово и поэтому повторно объясняет его, например: «гласные (депутаты)», «государственная дума (парламент)» — трижды на трех смежных страницах (стр. 136—138).

В. И. Ленин применяет также и способ постпозитивного разъяснения, т. е. вслед за непонятым термином: «Мирское соединение тесно сплачивает крестьян; организация (то есть объединение, союз) мирского крестьянства колоссальна (то есть огромна, необъятна)» (стр. 148).

Иногда считают, что простота изложения зависит исключительно от широкого использования разных типов простых предложений. Однако на-

блюдения над стилем брошюр В. И. Ленина показывают, что он достигает максимума популярности и простоты мастерским использованием всего богатства синтаксических средств, в том числе и сложных предложений. В брошюре «К деревенской бедноте» всего синтаксических конструкций, отделенных точками, вопросительными и восклицательными знаками,—1801. Из них 704 — сложные предложения. Но все они отличаются структурной четкостью и логической стройностью, что, несомненно, облегчает восприятие читаемого.

В работах, адресованных более подготовленным читателям, Ленин также применяет действенные средства публицистической популяризации. Брошюра «Задачи русских социал-демократов» (1897) обращена к более подготовленной партийной аудитории. Однако Владимир Ильич и здесь считает нужным разъяснить более сложные политические понятия, дав им глубокие определения. Речь этой брошюры, как и многих других, популярна, проста, доказательна и убедительна. Она образна, полемична, наступательна.

Итак, еще в конце прошлого века В. И. Ленин разработал те литературные формы и средства популяриза-

ции, которые он особенно широко применял в послеоктябрьской публицистике, обращенной к миллионной читательской аудитории.

Вершиной ленинского популярного стиля являются брошюры «Очередные задачи Советской власти» (1918) и «Великий почин» (1919), в которых мастерски сочетаются глубокая научность, доступность и публицистическая страстность изложения. Доступность, понятность и простота изложения есть та цель, к которой В. И. Ленин стремился во всех своих произведениях — от популярных, массовых до философских, теоретических.

Чтобы творчески развивать ленинские традиции популярного стиля, надо внимательно изучить требования В. И. Ленина к научно-популярной литературе, его богатейший опыт в создании массово-политических брошюр. Интенсивное изучение этого наследия Владимира Ильича не может не наложить отпечатка и на стиль автора. Оно будет укреплять и поддерживать особую диалектическую выразительность и четкость не только содержания, мысли, но и формы, стиля, языка.

П. М. ФЕСУНЕНКО,
доцент Киевского пединститута
имени А. М. Горького

Хроника

РУССКИЙ ЯЗЫК В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

(Окончание. Начало см. на стр. 2)

дов заслушиваются на пленарных и секционных заседаниях. Выделены пять секций, на которых обсуждаются проблемы содержания и методов обучения русскому языку в начальных, в IV—VIII и в старших классах национальной школы; вопросы подготовки учителей русского языка; задачи использования технических средств и методов программированного обучения русскому языку в национальной школе.

Участники конференции принимают обоснованные научно-методиче-

ские рекомендации, которые будут полезны учителям, составителям учебников и методических пособий. Впервые на обсуждение такого представительного собрания ученых и педагогов вынесены нормативные документы, которые во многом будут определять дальнейшее развитие школы.

Успех конференции подготовлен большой организационной работой органов просвещения страны и Академии педагогических наук СССР, публикациями материалов в «Учительской газете» и в других центральных и республиканских печатных изданиях.

Учителя-словесники проводят в жизнь принцип воспитывающего обучения, прививают детям на уроках русского языка чувство советского патриотизма, любви к своей Родине — союзу свободных народов. На

конференции в Баку как важнейший обсуждается вопрос о воплощении ленинских идей дружбы народов в строгости национальной школы.

Вместе с русским языком школьники всех национальностей СССР овладевают богатствами русской литературы, знакомятся с историей и искусством, познают духовную культуру нашего народа. Воспитанию подрастающего поколения в самом процессе обучения учителя русского языка уделяют много внимания. Большую помощь в этом им оказывает методическая наука. Учитывая влияние ситуации общения и придавая первостепенное значение содержанию речи, ученые рекомендуют пользоваться современными методами речевого обучения на синтаксической основе. Этому способствует распространенное теперь в наших республиках массовое двуязычие, повсеместное использование русского языка в производственной, бытовой и иных сферах общения.

На уроках русского языка школьники не просто изучают грамматику, а практически овладевают русским языком в речи. Этому служат целенаправленные речевые упражнения, ознакомление с образцами художественной речи, применение технических средств и методов программированного обучения.

Подробно на конференции в Баку рассматривается вопрос о роли родного языка школьников в обучении русскому языку. Среди методистов, преподавателей иностранных языков и русского как второго языка до недавнего времени было распространено мнение о необходимости полностью игнорировать знание детьми родного языка, даже «бороться» с родным языком. Но так ли уж хороша эта нехитрая метода учителей образца французских мусье и немецких бонн позапрошлого и прошлого веков?

На страницах журнала «Русский язык в национальной школе» в 1957—1958 годах проходила большая дискуссия по этому вопросу. Общим ее выводом было указание на необходимость применять сопоставительный метод на уроках русского языка. При этом конкретные случаи сопоставлений определяются отдельно

для каждой национальной школы — с учетом особенностей родного языка детей, отличий его от русского языка.

Современная методика преподавания русского языка в национальной школе рекомендует последовательную семантизацию речевых навыков, то есть практическое овладение всеми способами выражения понятий, принятыми в русском языке. Знание школьниками родного языка, особенно в начале обучения, становится необходимым подспорьем при изучении языка русского. Такой метод преподавания способствует и общему языковому развитию учащихся.

Представляется в этой связи необходимым вспомнить слова замечательного русского языковеда А. А. Потебни о том, что «даже в школе переводы с иностранных языков на отечественный [равно как и с русского на родной язык школьников.— В. Д.], при соблюдении некоторых условий, оказываются могущественным средством укрепления учащихся в духе и преданиях родного языка и возбуждения самостоятельного творчества на этом языке. Упомянутые условия состоят, с одной стороны, в том, чтобы ознакомление учащихся с иностранными языками начиналось лишь тогда, когда они достаточно укрепились в знании своего; с другой стороны, в том, чтобы язык учеников был для учителя родной и чтобы учитель в состоянии был требовать от переводов точности и согласия с требованиями отечественного языка» (Мысль и язык. 3-е изд. Харьков, 1913, стр. 201).

Влиянию двуязычия на преподавание русского языка посвящены не только теоретические доклады участников конференции, но и сообщения об опыте использования родного языка детей, накопленном в школах разных республик, о такой действительной форме интернационального воспитания, как работа в школах параллельными языками преподавания. Не обходит своим вниманием наша методическая наука и совершенствование способов преподавания русского языка в классах многонациональным составом учащихся.

Подробно обсуждают ученые и педагоги содержание и методику

устного курса русского языка в подготовительном классе национальной школы.

На заседаниях всех секций конференции рассматривается вопрос об оценках знаний учащихся. Это связано с общим устремлением советской педагогической науки вооружить учителя таким важным рабочим инструментом, как тонко разработанная система оценок, должная поощрить детей к овладению знаниями.

Участники конференции подчеркивают необходимость готовить в педагогических училищах и вузах страны учителей, активно владеющих как русским языком, так и языком своих учеников, образованных педагогов, способных применить самые современные методы обучения.

В школе введены новые программы и факультативные дисциплины. Это требует от учителя более глубоких знаний по специальности. И в новом учебном плане педагогических институтов, проект которого подготовлен Министерством просвещения СССР, предусмотрено увеличить количество часов на изучение специальных предметов.

Некоторые работники вузов недооценивают важности изучения истории русского языка. Но ведь для того, чтобы по-настоящему разобраться в современном языке, надо хорошо знать его историю. Новый учебный план подготовки учителей русского языка и литературы в нерусской средней школе ориентирует на серьезное изучение в педагогических институтах национальных республик не только курса современного русского языка, но и общего языкознания, старославянского языка, исторической грамматики и истории русского литературного языка. Новый предмет, необходимый будущим учителям, — лингвистическое комментирование художественного текста. Важные для национальных педагогических вузов нововведения включают курс сопоставительной грамматики языка республики и русского языка. Кроме того, вся программа подготовки учителя-словесника строится с учетом особенностей национальной республики.

Учебная практика студентов предусматривает знакомство с литера-

турными музеями и архивами страны, поездки в диалектологические, фольклорные и этнографические экспедиции. Она хорошо дополняет обычную педагогическую практику.

Научно-методические рекомендации, принимаемые на конференции в Баку, касаются не только совершенствования способов преподавания и воспитания школьников. Они укрепляют связь обучения с развитием науки о русском языке. Обновление самого содержания курса русского языка надлежит совершить именно теперь, вместе с общим изменением школьных программ, созданием новых учебников. В большинстве случаев учителя русского языка в национальных республиках пользуются пока ухудшенными копиями уже устаревших учебников для русской школы (см.: «Русская речь», 1969, № 2—4).

Институт национальных школ АПН СССР разработал и предложил для обсуждения участникам конференции подробные рекомендации по составлению новых учебников. Выпускники средней национальной школы должны научиться правильно говорить, писать и читать по-русски — таковы требования программ. И в соответствии с этими требованиями в самое ближайшее время будут заменены главные в системе пособий по русскому языку книги — учебники русского языка. Они на деле должны стать учебниками языка, а не только грамматики.

Новые учебники русского языка в национальных республиках создаются как практические пособия, всей системой своих упражнений, текстов для чтения, правил и рисунков решающие задачу научить школьника владеть русским языком в его устно-разговорной и письменно-книжной формах.

Решения Всесоюзной научно-методической конференции будут способствовать улучшению преподавания русского языка в школах всех республик Советского Союза. С материалами конференции можно ознакомиться подробно: издательство «Просвещение» публикует тезисы докладов и сборник материалов конференции.

В. Я. ДЕРЯГИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

«ДУМА» И «1 ЯНВАРЯ»

Всякий сравнительный анализ предполагает в том, что сравнивается, не только черты различия, но и известного рода общность.

Сходство между «Думой» и «1 января» не только в том, что оба эти произведения принадлежат к лучшим поэтическим созданиям Лермонтова. Стихотворения эти похожи и тем, что одинаково относятся к сатирическому жанру: если, конечно, понимать сатиру не только в узком значении слова. Белинский писал о «Думе»: «Если под „сатирю“ должно разуметь не невинное зубоскальство веселеньких остроумцев, а громы негодования, грозу духа, оскорбленного позором общества, — то „Дума“ Лермонтова есть сатира, и сатира есть законный род поэзии» (Стихотворения М. Лермонтова).

О стихотворении «1 января» он писал: «Вот пьеса, означенная рубрикою „1 января“: читая ее, мы опять входим в совершенно новый мир, хотя и застаем в ней все ту же думу, то же сердце, словом — ту же личность, как и в прежних...» (там же).

Белинский недаром в стихотворении «1 января» видит «ту же думу». Оба стихотворения явно близки по настроению, по своему обличительному пафосу: оба направлены против лжи современной Лермонтову общественной жизни.

Общая направленность и настрой стихотворений косвенно подтверждаются и сходными чертами в ритмическом рисунке стихов. И «Дума» и «1 января» написаны в основном стихами шестистопного ямба, размера, который в XVIII веке обслуживал высокие поэтические жанры, а в поэзии XIX века использовался главным образом в лирических стихотворениях, передающих высокое содержание и исполненных высокой мысли (вспомним стихи Пушкина: «Памятник», «Желание славы», «Поэту», «Из Пиндемонти», «Когда за городом задумчив я брожу...» и т. д.). При этом в обоих стихотворениях шестистоп-

ЯЗЫК
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ные ямбы чередуются со стихами меньшей длины: в «Думе» — стихами пятистопного ямба, в «1 января» — ямба четырехстопного.

Из двух сравниваемых лирических пьес более ранняя (написана в 1838 году) — «Дума». Это название очень точно определяет особенность содержания стихотворения (оно в основе своей представляет раздумья поэта и результаты этих раздумий) и указывает на характер лирического повествования, в котором самый процесс мышления определяет его течение и его тональность.

Стихотворение Лермонтова 1840 года, которое начинается словами «Как часто пестрою толпою окружен...», собственно названия не имеет. Над ним стоит лишь обозначение точной даты создания — «1-е января». «Дневниковый» характер стихотворения, самая тесная связь его с живым переживанием, с состоянием духа поэта в данный, конкретный момент не вызывает никаких сомнений. Датируя стихотворение, как обычно датируют дневниковую запись, сам поэт как будто предупреждает читателя о наличии такой связи.

«1 января» уже с первого чтения производит самое сильное впечатление. Оно порождено чувством непосредственным и сильным и так же непосредственно и сильно действует на чувства читателя.

«Дума», основанная на пафосе мысли, действует прежде всего на разум читателя, а потом уже на чувство. Она предполагает и требует обдуманного, медленного чтения, с глубоким проникновением и в мысль поэта, и в строгую логику мысли. Чем больше «Думу» читаешь, тем больше раскрывается ее содержание. Секрет эстетического наслаждения, которое доставляет это стихотворение, заключается в постепенном приобщении к мысли поэта — мысли не только глубокой, но и страстной, потрясенной. В стихотворении «Дума» по сравнению со стихотворением «1 января» меньше непосредственности, но зато больше обобщения: больше обобщающей, мыслительной силы.

● «1 января» отчетливо делится на три смысловых части: первая — картина великосветского бала, «толпы», вторая — картина, связанная с воспоминаниями, резко контрастная по смыслу и по настроению первой; третья — итог, новое возвращение поэта в чуждый мир и новый, еще более сильный, чем в первой части, взрыв боли и негодования.

Первая часть стихотворения, уже по начальному своему положению, дает смысловой и эмоциональный ключ ко всему последующему:

Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,

Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки,—
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.

Перед нами две строфы. Но синтаксически все эти двенадцать стихов — один сложный период, где сильная концентрация придаточных предложений и обособленных оборотов создает впечатление страстной речи задыхающегося от гнева человека. Вся первая часть стихотворения воспринимается как напряженный и нерасчленимый в своем эмоциональном единстве поток мыслей и чувств.

Светлый мир воспоминаний становится темой второй части стихотворения. Соответственно меняется и характер повествования. Контрастным по отношению к первым двум шестистишиям оказывается не только содержание изображенных картин, но и тон рассказа, его настроение. Речь делается более напевной. Чаще встречаются замедляющие поэтическое повествование лексические повторы: «Лечу я вольной, вольной птицей»; повторяющиеся союзы, которые сообщают поэтической речи известную долю музыкальности: «...И вижу я себя ребенком, и кругом родные все места: высокий барский дом и сад с разрушенной теплицей...».

Контрастны по окраске и слова в двух первых частях стихотворения. При этом бросается в глаза обилие — особенно в первой части — резко экспрессивных эпитетов. Это связано с общей особенностью стихотворения: с его преимущественным пафосом, пафосом чувства. Эпитеты больше всего помогают выявить лирическое начало в художественной речи, ибо прежде всего в них выражается авторское отношение к вещам. Слово *шепот* само по себе звучит нейтрально. Но *дикий шепот* — это уже далеко не безразличное понятие. В этом сочетании названо не только явление, но и отношение к нему автора, дана авторская оценка. То же можно сказать и о *пестрой толпе*, и о *холодных руках*.

В первых двух шестистишиях все эпитеты — как и вообще все слова — преимущественно одинаковой эмоционально-стилевой окраски: негативные. В совокупности они вызывают ощущение чего-то недоброго, нравственно отталкивающего. *Пеструю, дикий, затверженный, бездушные, холодные, бестрепетные* — все это эпитеты, близкие не по прямому своему значению, а по чувству, которое с ними связывается. И то, что они воздействуют в одном направлении, то, наконец, что они встречаются в большом количестве на сравнительно малом пространстве поэтического текста — это и делает особенно опутимым для читателя авторский гнев и авторское отрицание.

Единственный эпитет, который выпадает из общего настроения первой части, находится в заключающем ее стихе: «Погибших лет

святые звуки». Он появляется как бы для того, чтобы переключить поэтический рассказ из одного плана в другой. *Святые звуки* — это и резко окрашенный «сигнал» о переключении, и своеобразный эмоциональный ключ к теме и настроению второй части.

Во второй части стихотворения «1 января» слова лишены однотонности, более разнообразны по колориту. Здесь встречаются эпитеты с положительной стилистической окраской: *вольная* птица, *родные* места, *робкие* шаги и т. д. Светлый колорит в словах становится заметным особенно там, где картина-воспоминание, нарисованная поэтом, достигает своей кульминации, где ее контрастность всему тому, о чем говорилось в первой части, делается предельно резкой и подчеркнутой:

И странная тоска теснит уж грудь мою:
Я думаю об ней, я плачу и люблю,
Люблю мечты моей созданье
С глазами полными лазурного огня,
С улыбкой розовой, как молодого дня
За рощей первое сиянье.

И в смысле и в своем настроении эти слова по контрасту соотносятся с «бездушными образами людей», с «затверженными речами», со стянутыми «приличьем» масками, с «блеском и суетой» ненавистного поэту света.

Контраст в языке и композиции произведения — это выражение авторской боли и любви, великой радости и великого негодования. Он встречается чаще всего там, где есть сильное чувство.

Третья часть стихотворения вырастает из контрастности двух первых, и в эмоциональном отношении это самая сильная часть:

Когда ж, опомнившись, обман я узнаю,
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их,
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..

Здесь не столько слова точны в своих значениях, сколько чувства точны. Словесные сочетания, слова и обороты, взятые отдельно, могут показаться весьма приблизительными, но в общем контексте они оказываются достаточно точными и поразительно сильными. Именно таково выражение, которым заключается стихотворение: «...И дерзко бросить им в глаза железный стих, облитый горечью и злостью!..».

Лермонтовское слово, слова, которыми написаны его стихотворения (и финал стихотворения «1 января» — наглядный тому пример), богаты смыслом чаще всего не сами по себе, не каждое в отдельности, а в тесной эмоциональной связи друг с другом. У Лермонтова в большей степени, чем у других поэтов (чем, например,

у Пушкина), смысловая единица стиха — фраза, а не слово. При этом фраза, в которой почти равнозначными стилистическими элементами являются и прямое ее содержание, и интонация, и эмоциональная окраска слов.

Как уже говорилось, стихотворение «Дума» в отличие от «1 января» относится к жанру философской лирики. Оно все пронизано пафосом мысли, как «1 января» — пафосом чувства. И это во многом определяет особенности композиции и языка стихотворения.

Стихотворение «Дума» построено по законам рациональной логики. Здесь мы не встретим резких эмоциональных подъёмов и падений, контрастных противопоставлений частей стихотворения, неожиданных поворотов. Все поэтическое повествование ведется в форме размышления, оно основано на постепенном и последовательном раскрытии исходной мысли. В стихотворении связываются между собой не столько образы-картины, сколько понятия и основанные на этих понятиях суждения. Они находятся между собой в причинно-следственной зависимости.

«Дума» начинается словами: «Печально я гляжу на наше поколенье!». Это исходный тезис, заметно окрашенный эмоционально. Но он требует дальнейшего разъяснения: чем именно вызван такой взгляд на современное поколенье? Суждение, заключенное в следующих стихах, дает прямой ответ на этот естественно возникший в сознании читателя вопрос:

Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.

В конце первого четверостишия «Думы», в завершающей части исходного суждения, сказано самое важное для последующего развития темы. «Бездействие» поколения — главный упрек Лермонтова современникам.

Первое четверостишие «Думы» построено по принципу внутренней смысловой градации: поэтическая мысль в нем не только постепенно раскрывалась, но и усиливалась эмоционально. Вместе с тем четверостишие по своей внутренней конструкции очень близко к строго логическому умозаключению: с исходным тезисом, его развитием и разъяснением, с конечным, итоговым выводом. В соответствии с четким движением мысли оказывается и прозрачная синтаксическая структура этой строфы, состоящей из простых предложений, соединенных между собой сочинительной связью. На том же принципе логического развертывания мысли построены и другие строфы. Они уточняют и конкретизируют основную мысль поэта — о трагическом бездействии поколения. Причем по мере углубления и конкретизации мысль поэта все больше насыщается чувством, страстью, находя для своего выражения самые сильные слова. Голос поэта становится все более взволнованным, но волне-

ние это порождается мыслью, ибо сама мысль поэта в своем движении и в своих выводах не может не вызывать этой, как говорил Белинский, «бури чувств», «могущества огненного слова»:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы.
Так тощий плод, до времени созрелый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глаз,
Висит между цветов, пришлец осиротелый,
И час их красоты — его паденья час!

Эти стихи тоже о бездействии поколения, но здесь речь идет о внутреннем бездействии, о бездействии души. Мысль получает новый поворот. Вместе с тем по-новому звучат и слова поэта. Стихотворение «Дума» представляет собой своеобразные вариации на очень важную социальную и философскую тему, с постепенным обогащением темы существенными добавочными смыслами и усилением ее эмоционального звучания. Все эмоциональное в этом стихотворении как бы вторично, оно подчиняется логике мысли, но от этого оно не становится малозначимым и в художественном отношении малодейственным. В финале стихотворения мы это особенно ощущаем. Пафос трагической мысли поэта и пафос трагического, потрясенного чувства звучит здесь с одинаковой силой:

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.

«Дума» Лермонтова и построением и стилем отчасти напоминает произведения ораторского искусства. Если стихотворение «1 января» требует от образцового читателя прямого сочувствия и родственного воображения, то «Дума» требует еще дополнительно родственного интеллекта и как произведение ораторское предполагает в читателе способность к встречной работе мысли. Это относится, в частности, к характерной для языка стихотворения иронической манере, когда казалось бы нейтральные или даже положительно окрашенные слова обретают в контексте едва ли не противоположный смысл. Авторская ирония в «Думе» — ирония горькая и одновременно страстная — встречается неоднократно. Но ирония всегда в большей или меньшей степени рассчитана на читателя мыслящего, способного разглядеть за видимостью слов их истинный смысл.

Второе четверостишие «Думы» начинается словами: «Богаты мы, едва из колыбели, ошибками отцов и поздним их умом...». Это

сказано у Лермонтова не прямо и не может действовать непосредственно; для понимания настоящего смысла слов от читателя требуется известная предварительная работа ума. Поэт говорит о «богатстве», но на деле богатство оказывается своей противоположностью, оказывается крайней бедностью духа, поскольку оно основано на ошибках и запоздалых озарениях. Вот этот настоящий, очень тревожный смысл слов поэта должен быть понят читателем, и понят с помощью некоторого напряжения мысли. И так не в одном только этом случае.

В «Думе», как уже говорилось, нет соединения композиционных частей по принципу контраста, как это наблюдается в стихотворении «1 января». В «Думе» встречаются контрасты иного рода.

На основе контрастной связи соединяются в «Думе» не части художественного целого, а слова-понятия. Это характерный ораторский прием, он заостряет мысль, делает суждение более законченным по форме, включая в него как бы две крайние, противоположные точки мысли. Приведу примеры таких контрастных сопоставлений слов-понятий: под бременем познания и сомнения; добру и злу; и ненавидим мы, и любим мы случайно; ничем не жертвуя ни злобе, ни любви; и царствует в душе какой-то холод тайный, когда огонь кипит в крови и т. д. Здесь мы видим и общеязыковые антонимы (добро и зло), и слова, которые антонимичны именно в данном поэтическом контексте (познание — сомнение). Пристрастие Лермонтова в этом стихотворении к языковой антитезе не вызывает сомнений. Вместе с тем речевая антитеза делает стихотворение не только страстно-внушающим, но и обобщенно-афористическим. Всякий афоризм — это суждение, запечатленное в образе. Это выражение мысли одновременно и очень конкретное и предельно обобщенное. Именно поэтому оно может быть легко применимо к разным обстоятельствам и случаям.

Афористический склад мысли вообще очень характерен для этого стихотворения. Недаром многие выражения из «Думы» давно уже вошли в число русских фразеологизмов, сделались крылатыми: «Печально я гляжу на наше поколение»; «К добру и злу постыдно равнодушны»; «Мы иссушили ум наукою бесплодной» и т. д.

«Дума» Лермонтова — стихотворение высоких социальных и философских раздумий, высокой мысли и высокой боли. «Высоким», стилистически приподнятым, внебытовым является и поэтический словарь стихотворения. В нем абсолютно преобладают слова книжные, притом такие, которые характеризуют преимущественно речь философа, размышляющего над общественными проблемами: поколение, грядущее, время познания и сомнения, добро и зло, поприще, борьба, рабы, счастье, слава, плодovitая мысль и т. д. Этот стилистически высокий язык, необыденные, насыщенные философской мыслью слова настраивают читателя на высокий лад и вызывают его на серьезные размышления.

Е. А. МАЙМИН
Псков

ГЛАГОЛЫ

Ж Е С Т А

У Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Множество диалогов в прозаических произведениях повествовательного жанра может быть представлено в виде следующей несложной схемы:

—,— сказал он.

—,— ответила она.

То есть прямая речь, заключающая в себе какую-то реплику, какое-то высказывание персонажа, и авторская речь, поясняющая, что данное высказывание принадлежит тому или иному персонажу. Разумеется, авторская речь может находиться не только после, но и до прямой, и внутри нее, или вовсе отсутствовать, если из контекста понятно, кто именно из собеседников произнес такую-то фразу.

За крайне редкими исключениями, авторская речь не обходится без глагола. Самые обычные примеры: сказал, спросил, ответил, проговорил, вымолвил и т. д. Такие глаголы составляют особую семантическую группу, их иногда называют глаголами речи (*verba dicendi*). К ним тесно примыкают глаголы, по своему прямому значению относящиеся к иным семантическим группам, но пригодные и для обозначения речи: прибавил, заметил, продолжал, заключил, согласился и др.

Глаголов речи и примыкающих к ним глаголов достаточно много в языке, и если писатель, воссоздавая диалог, разумно использует это богатство, то его не приходится упрекать в ограниченности словарного запаса, в стилистической монотонности. Однако употребление этих глаголов, как правило, не способствует эмоциональной выразительности текста, порой производит впечатление протокольной сухости.

Здесь, впрочем, необходимо оговориться. Писатель может быть намеренно скупым на всякого рода средства художественной выразительности и как раз благодаря этому добиваться нужного ему художественного эффекта. Например, реплики в диалогах сопровождаются постоянными *сказал он, сказала она* — и ничего кроме этого! Привычно звучат похвалы рисунку, выполненному «несколькими скупыми штрихами» (это выражение даже стало штампом). Те же достоинства могут отличать и литературное произведение.

Тем более очевидно и объяснимо стремление к обогащению словарного запаса, его разнообразию, к повышенной выразительности повествования. Легко понять писателя, который избегает «скупых» слов *сказал, ответил*, не говоря уж о частых повторениях таких слов. Сами по себе они кажутся бесцветными. Допустим, герой что-то «сказал»; этого мало — важно знать, как он сказал: «сказал шепотом», «сказал так, словно мяукнул». Но в этих случаях предпочтительнее, пожалуй, такие конструкции: «.....,— прошептал он», «.....,— мяукнул он». Это один из способов насытить прозу образными выражениями, чтобы она не была «гола как-то» (выражение Льва Толстого, писавшего о пушкинской прозе). Стилистически нейтральному глаголу речи предпочитается эмоционально окрашенный, экспрессивный.

Все эти особенности вполне характерны для русской реалистической прозы прошлого века. Они как бы сами собой разумеются, абсолютно соответствуют нормам литературного языка и существуют как непреложные, хотя и негласные правила, нарушение которых было бы равносильно недопустимому насилию над языком. И все-таки в русской литературе появился писатель, дерзнувший внести в оформление диалога нечто совершенно необычное, принципиально новое. Это был Достоевский. Вот некоторые примеры: — По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? — протянул ему руку Ставрогин.

— Нисколько,— воротился Кириллов, чтобы пожать руку.

— И вы уже смеетесь, о племя? — рванулся было Шатов.

— Да вот она, вся-то правда сидит! — указала вдруг Прасковья Ивановна пальцем на Марию Тимофеевну.

— ...но каковы же рифмы! — лез он ко мне со своею пьяною рожей.

— Стой! — уцепился он за мое пальто.

— Что с французского-то переводить? — опять скрючился Липутин.

Эти примеры взяты — почти наугад — из «Бесов». Подобными цитатами из романов и повестей Достоевского можно было бы наполнить объемистое исследование, посвященное его стилю.

Авторская речь в диалогах Достоевского часто включает в себя не глагол речи (как у других писателей), а глагол движения. Здесь даже лучше, на наш взгляд, подошел бы другой термин: «глагол жеста», потому что понятие жеста в данном случае точнее, конкретнее. Речь идет ведь не вообще о движении, а о теле движении.

Предлагается понимать жест в самом широком смысле: движение не только руки, но и всего тела, и мимика лица.

Такая необыкновенная форма диалога сосуществует у Достоевского с привычной, традиционной. И далеко не сразу писатель выработал эту оригинальную форму. Не только в ранних своих повестях, но и в первую половину 60-х годов, будучи уже сформировавшимся художником, Достоевский строит диалоги по издавна установленным принципам. В то же время назревает переход к новому, неопробованному приему. Например, в рассказе «Скверный анекдот» (опубликован в 1862 году):

— Чиновника Пселдонимова, регистратора,— отвечал, выпрямившись, городской...

— Точно так, ваше превосходительство.— Городовой вытянулся окончательно.

Если бы Достоевскому случилось писать то же самое несколько лет спустя, то он скорее всего построил бы эти фразы иначе:

— Чиновника Пселдонимова, регистратора,— выпрямился городской...

— Точно так, ваше превосходительство,— окончательно вытянулся городской.

Но пока Достоевский не идет на этот стилистический риск. Глагол жеста как бы не решается встать там, где ему «не положено», вытеснить глагол речи. Он либо появляется в форме деепричастия, подчиняясь при этом «законной власти» — глаголу речи (не *выпрямился*, а *отвечал, выпрямившись*), либо — во второй фразе — обходится без глагола речи, но в такой конструкции, где это более или менее обычно. Ведь авторская речь в данном примере не срывается так тесно с прямой, как в приведенных ранее примерах из романа «Бесы». Она отделена от нее, дана сама по себе, и не случайно поэтому слово *городовой* начинается с заглавной буквы и стоит, как подлежащее в самостоятельном предложении, в самом начале: не «.....,— вытянулся городской», а «.....— Городовой вытянулся» (два предложения вместо одного).

Можно было бы отметить и другие переходные формы, когда глагол речи заменяется не глаголом жеста в собственном смысле, а многозначным глаголом, который может характеризовать ту или иную особенность речи, но в то же время передавать и психологическое состояние говорящего, и его внешнюю, «портретную» черту, и движение, жест. Такой, например, глагол, как *устыдиться*, — в конструкциях типа «.....,— устыдился он» — в равной степени может относиться и к стыдливой интонации говорящего, и к сконфуженному выражению его лица, и к смущенному, неловкому жесту. Или пример из «Преступления и наказания»:

— Как! — вспыхнула Дуня...

Здесь *вспыхнула* тоже передает и голос, и выражение лица (краска возмущения), и даже в какой-то мере жест. Таких переходных случаев много, и они разнохарактерны.

Но уже в «Преступлении и наказании» и тем более в последующих романах Достоевского интересующая нас стилистическая фигура с глаголом жеста в авторской речи встречается в чистом виде. Внешне эта находка писателя не кажется особенно значительной и яркой. Она, по всей вероятности, должна была восприниматься как нечто второстепенное, как частность на широком фоне общего художественного новаторства Достоевского, которому наша литература обязана слишком многими поразительными открытиями в самых разных областях поэтики.

Но и эта — сравнительно скромная — стилистическая новация Достоевского не осталась незамеченной его современниками. Тургенев, исключительно остро полемизировавший с Достоевским на протяжении многих лет, вложил в уста одного из героев романа «Новь» следующие слова:

Сочинять этакие штучки с «начинкой», да еще с новомодными оборотами: «Ах! я вас люблю! — *подскочила* [курсив здесь и далее Тургенева.— А. И.] она», «Мне все равно, — *почесался* он» — дело куда невеселое!

Эта выдержка носит явно пародийный характер, причем имеется в виду та самая стилистическая фигура, которую мы рассматриваем: *подскочила* — там, где, согласно общепринятым нормам, нужно было бы употребить *сказала* или *сказала, подскочив*; *почесался* — вместо *сказал, почесавшись*.

Сам Тургенев везде строго соблюдает эти нормы. Он считает допустимым писать так:

— Вот какого ты осетра заполучил! — твердил он, хихикая и топоча ногами.

— Сегодня нельзя, — возразил Нежданов и нахмурил брови.

Но он никогда не позволил бы себе «новомодные обороты» в духе Достоевского.

Легко представить себе, как можно было бы отредактировать Достоевского, исходя из норм традиционного для его времени оформления диалога. Глаголы жеста следовало бы везде заменить глаголами речи, а чтобы сохранить иллюзию движения, «сценичность» диалога, предполагаемый редактор воспользовался бы уточняющими, вспомогательными конструкциями, синтаксически неравноправными с глаголом речи. В результате получилось бы, по-видимому: «— Стой! — крикнул он, уцепившись...» (вместо: «— Стой! — уцепился он за мое пальто»).

Уместен вопрос: сохраняется ли при такой правке смысл, заключенный в первоначальном варианте? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо глубже понять природу стилистического приема, изобретенного Достоевским. Если пытаться охарактеризовать данный прием, оперируя понятиями и терминами, издавна закрепившимися в теоретико-литературном обиходе, то прежде всего в этой связи возникает представление о метафоре. В самом деле, выражения Достоевского, о которых идет речь, — метафорические. Здесь налицо перенесение признака одного действия на другое.

Вернемся к одному из наших примеров: «— Послушайте,— вско-чил он». Если бы тут было не *вскочил*, а *сказал* или *вскричал*, то мы не имели бы никаких оснований говорить о метафоре: любое слово можно сказать или выкрикнуть, значения в данном случае прямые. Но «— Послушайте,— вско-чил» — уже своего рода метафора.

У Достоевского в такого рода диалогах мы все время сталкиваемся с озвученным жестом. Кстати сказать, «жест звучит» — это ведь тоже метафора, и нам без нее не обойтись, потому что она объясняет метафорическую сущность рассматриваемых стилистических фигур. Так, если в конструкциях типа «.....,— сказал он» говорится, произносится, звучит слово, то в таких оборотах, как «.....,— вско-чил он» звучит уже не слово, а жест, «вскакивание». Звучание прямой речи нераздельно сливается с жестом авторской речи.

Нет надобности доказывать, что деме-тафоризация художественного текста не только лишает его чисто формальных украшений, но и существенно искажает смысл, содержание. Это очевидно. «Исправить» выражение «—,— вско-чил он», заменив его конструкцией «—,— сказал (крикнул) он, вско-чив», — значит устранить метафору, а следовательно, и нарушить смысл. Жест перестанет звучать, он будет лишь сопровождать звучащее слово, сам по себе безмолвный. Это уже совсем другое: жест и слово расчлняются, между ними хотя и сохраняется связь, но они уже не составляют единого целого, «слова-жеста».

Персонажи в диалогах Достоевского говорят-движутся словами-жестами. У других писателей иначе: речь вложена в уста персонажа, она как бы безотносительна к художественному пространству, а телодвижение, если оно при этом совершается, занимает часть пространства, то есть соотносится совсем с другой стихией. Вот почему употребление в диалогах Достоевского глаголов жеста вместо глаголов речи нельзя считать результатом простого синтаксического стяжения, неметафорического по своей природе.

Итак, интересующий нас прием Достоевского представляет собой не просто своеобразную стилистическую фигуру, но и является отголоском его художественной концепции человека, отличающейся от многих других. В этом плане мы сравнивали Достоевского с Тургеневым, но могли бы сравнить его с любым русским писателем XIX века и пришли бы к тем же результатам.

Если варианты «—,— вско-чил он» и «—,— крикнул он, вско-чив» могут при неглубоком восприятии произвести хотя бы ложное впечатление тождественности, то у Достоевского есть буквально неразложимые конструкции, в которых вообще немислима замена глаголов жеста глаголами речи (что опять-таки не позволяет видеть в таких стилистических оборотах обычные стяжения). Приведем примеры из «Бесов» и «Братьев Карамазовых»:

— Passons.

— Passons? — покорило Барбару Петровну.— Но в таком случае все.

— Завтра, в Москву! — перекошилось вдруг все лицо Катерины Ивановны...

В первом случае авторскую речь представляет безличная конструкция: «покоробило Варвару Петровну». Во втором — личное предложение, но грамматическим субъектом выступает не героиня, как обычно, а ее лицо. Ни то ни другое никак не ассоциируется с традиционными формами. Между тем конструкции такого типа естественно подготовлены предшествующими экспериментами Достоевского. Стилистическая фигура по существу та же, изменилась только ее «поза». Все дело в том, что легче, непринужденнее звучит «перекошилось ее лицо», чем «перекошила она (свое) лицо». Так же и конструкция «—,— опять скрючился Липутин» находится на грани с возможным вариантом «—,— опять скрючило Липутина», в котором безличный оборот вполне оправдан.

Ограничимся предложенными примерами и наблюдениями. Разумеется, сказано далеко не все, и потому хотелось бы назвать ряд проблем, возникающих в связи с поднятой темой.

Следовало бы, например, рассмотреть затронутую стилистическую особенность в сравнительно-историческом плане, привлекая данные из разных европейских литератур. Плодотворным было бы и обращение к художественному опыту русских последователей Достоевского, то есть выяснение дальнейшей судьбы «говорящего жеста». Полезна была бы лексико-семантическая и грамматическая характеристика (возможно — и внутренняя классификация) глаголов движения, употребляющихся в авторской речи. И, наконец, типологическое соотнесение данного приема с некоторыми другими, поиски интересных аналогий, совпадений и контрастов (например «говорящий жест» в эпическом произведении и авторская ремарка в драматическом).

А. А. ИЛЮШИН

Речевая характеристика Иудушки Головлева

Роман «Господа Головлевы» привлекает внимание исследователей как произведение по преимуществу социально-психологическое, раскрывающее душевные драмы и трагические коллизии нескольких поколений дворянской семьи, как жанр, в какой-то мере необычный для творческой манеры Салтыкова-Щедрина.

Между тем «Господа Головлевы» не выпадают из общей перспективы творческого развития писателя. В своих сатирических произведениях он исследовал и обличал общественные пороки, раскрывал несостоятельность принципов «государственности», «собственности», «семейственности» в современном ему обществе. И форму семейного романа Салтыков-Щедрин использовал для вы-

ражения острых общественно-философских и нравственно-психологических проблем.

Семейная хроника (ср. с «Семейной хроникой» С. Т. Аксакова) мало занимает автора. Его интересуют не «предания старины», а современная семейная драма, ее истоки и почва, сам процесс распада и гибели целого рода, различные формы растления человеческой личности. «Выморочность» дворянских родов как результат рабства во всех его проявлениях, психология и «деяния» человека-раба, мысль об обреченности зла — такова основная проблематика романа.

Главная сюжетная линия, подобно сквозному действию в драме, связана с историей рода, его обреченностью на вымирание. В связи с этим Порфирий все больше и больше выделяется как главный персонаж. Драматические коллизии первых глав романа постепенно сменяются психологической драмой, в которой раскрывается потрясающая история «умертвий» человеческих и процесс пробуждения совести, осознание своей вины Иудушкой, ибо он был «настоящей душой» семейного разрушения и гибели всех близких.

Современники Щедрина и исследователи его творчества считают тип Порфирия Головлева одним из выразительнейших в литературе. Центральный персонаж в романе раскрывается по векам: детство, жизнь в Головлеве, запой пустословия и пустомыслия, пробуждение совести — смерть. Характер Иудушки выявляется не через поступки и деяния, а через речь, жесты, мимику, линию поведения и оценку других персонажей. Автор как бы подводит итог каждому этапу, прибегая к определенным речевым приемам.

О детстве Порфирия читатель узнает из воспоминаний Арины Петровны, данных в форме внутреннего монолога: «И сама понять не могу, что у него за глаза такие, — рассуждала иногда она сама с собой: — взглянет — ну, словно вот петлю закидывает. Так вот и поливает ядом, так и подманивает!».

Обобщение автора саркастическое: «Порфирий Владимирович известен был в семействе под тремя именами: Иудушки, Кровопивошки и откровенного мальчика, каковые прозвища еще в детстве были ему даны Степкой-балбесом». В прозвищах выражена двойственность характера.

Рисуя зрелого человека, Щедрин мимоходом заметил, что Порфирий, «проведя более тридцати лет в тусклой атмосфере департамента, приобрел все привычки и вождения закоренелого чиновника...». В этот период мы видим Порфирия один раз, когда он приезжает решать участь Степана. Характер его раскрывается в стиле писем и в тех немногих репликах, которые он произносит.

Деньги столько-то и на такой-то срок, бесценный друг маменька, от доверенного вашего, крестьянина Ерофеева, получил, — уведомляя, например, Порфирий Владимирович: — а за присылку оных, для употребления на мое содержание, согласно вашему, милая маменька, соизволению, приношу чувствительнейшую благодарность и с неллицемерною сыновнею преданностью

целую ваши ручки... Знаю, милый дружок маменька, что вы несете непосильные тяготы ради нас, недостойных детей ваших; знаю, что мы очень часто своим поведением не оправдываем ваших материнских о нас попечений и, что всего хуже, по свойственному человекам заблуждению, даже забываем о сем, в чем и приношу вам искреннее сыновнее извинение, надеясь со временем от порока сего избавиться и быть в употреблении присылаемых вами, бесценный друг маменька, на содержание и прочие расходы денег осмотрительным.

Язык писем Порфирия — образец административно-канцелярской речи, имевшей широкое распространение и в газетной публицистике того времени и в быту (письма и некоторые речи Арины Петровны выдержаны в этом же стиле).

Тонко чувствуя все изменения и новшества языка, Щедрин замечал, что в публицистике появилось много «модных слов» и «небывалое обилие бесформенных общих фраз» и это в свою очередь влияло на административно-канцелярскую речь. Каждый деятель усвоил, что «пужно — не то, чтобы лгать, а так объясняться, чтобы никто ничего не понимал, а всякий бы облизывался».

Подобное «пакостное красноречие» определенного социального круга в совершенстве изучено Порфирием, что и нашло выражение в лексике и фразеологии его писем. Однако лганье, скрытое «бесформенными общими фразами», сразу почувствовала Арина Петровна: «Ишь ведь как пишет! Ишь как языком-то вертит! — восклицала она: — недаром Степка-балбес Иудушкой его прозвал! Ни одного-то ведь слова верного нет! Все-то он лжет!.. Ничего он этого не чувствует!».

По всем правилам риторики построена речь Иудушки в конце главы «Семейный суд». И речь автора, вклинивающаяся в диалог, уподобляется речи персонажа: «Хотя Порфирий Владимирович и отказался от суда над братом, но великодушные маменьки так поразило его, что он никак не решался скрыть от нее опасные последствия, которые влекла за собой сейчас высказанная мера».

Щедрин не только пародирует и высмеивает официально-канцелярское красноречие, одновременно он вскрывает мирозерцание персонажа, его социальную сущность и внутреннюю характерность.

Выйдя в отставку, Порфирий водворяется в Головлеве. Это уже сформировавшийся человек. В дальнейшем характер Иудушки не меняется, автор лишь показывает его с разных сторон. В Головлеве Порфирий разыгрывает роль добродетельного человека, благонамеренного столпа общества, примерного сына и отца. В речи его писатель по-прежнему пародирует официально-канцелярскую фразеологию (см. письмо сыну Петру или размышления Иудушки о хозяйстве, о тяжбах с соседями, мужиками), но в то же время вводится огромное количество слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: дружок, голубчик, лампадочка, маслице, хорошохонышко, смирнехонько и т. п.

Ханжеским речам соответствуют смиренные позы и движения героя. Но ничто не обманывает окружающих. Детей гнетет словесное жужжание Иудушки, Арина Петровна видит его «лицо, словно маслом подернутое, все проникнутое каким-то плотоядным внутренним сиянием»; Павел знает, что Иудушкины глаза «источают чарующий яд», что «голос его, словно змей, заползает в душу и парализует волю человека». Далее в публицистическом отступлении автор сам выносит приговор: Иудушка был «лицемер чисто русского пошиба, то есть просто человек, лишенный всякого нравственного мерила и не знающий иной истины, кроме той, которая значится в азбучных прописях. Он был невежественен без границ, сутяга, лгун, пустослов и, в довершение всего, боялся черта».

Поучения Порфирия Владимировича и его внутренние монологи обтекаемы, лишены логики, не представляют даже последовательного сцепления мыслей. «Запой пустословия и пустомыслия» — это набор фантастических видений. Воспроизводя фантастические бредни, Щедрин иногда использует стиль народного сказа, то есть своеобразной формы прозаической мерной речи. Так, Иудушке представляется, что идет он с мужиком Ильей по своим владениям.

Не торопясь, да богу помолясь, никем не видимые, через поля и овраги, через доли и луга, пробираются они на пустошь... Стоит перед ними леснице стена стеной, стоит, да только вершинами в вышине гудет... Озирается вор-мужиченко, прислушивается: не едет ли кто, потом выбирает подходящую березку, вынимает топор... А Иудушка все стоит, не шелохнется... Дрогнула березка, запаталася и вдрут, словно сноп, повалилась наземь.

Сказовые формы обычны в жанрах устного народного творчества при описании героев и их подвигов. Для Иудушки нелепые мечтания были своего рода высокой поэзией: он упивался мнимым могуществом, весь мир становился сценой для «подвигов» кровопийства. Идеи бесстыдного стяжательства, угнетения и нещадного ограбления мужика «на законных основаниях», подсознательно владевшие Иудушкой, доводятся Щедриным до логического предела и совершенной нелепости при помощи сатирической стилизации.

Показывая внутренний хаос и бред героя, Щедрин метафоризирует и гиперболизирует авторскую речь: «Прах наполняет» Иудушку, не находя истока; его «слова бесконечно тянулись одно за другим как густая слюна ... как это он не захлебнется?»; он «источал из себя целые массы словесного гноя»... и т. п.

Когда же начался процесс пробуждения совести, Иудушка почти замолчал. «Говорил мало, вынужденно, точно актер, с трудом припоминающий фразы из давнишних ролей. Вообще, был рассеян, как будто в голове его в это время шла совсем другая и очень важная работа». Серьезен тон авторского повествования, незаметно переходящий во внутренний монолог героя:

И вдруг ужасная правда осветила его совесть, но осветила поздно, без пользы, уже тогда, когда перед глазами стоял лишь бесповоротный и не-

поправимый факт. Вот он состарился, одичал, одной ногой в могиле стоит, а нет на свете существа, которое приблизилось бы к нему, «пожалело» бы его. Зачем он один? Зачем он видит кругом не только равнодушные, но и ненависть?..

В зависимости от поведения и внутренней эволюции Иудушки меняется характер его речей и рассуждений и одновременно меняется стиль авторского повествования. Использование различных языковых категорий и приемов в обрисовке и самораскрытии героя позволяло сказать очень много при предельной экономии художественных средств.

Речевая характеристика Иудушки, для которой Щедрин использовал столь разнообразные стилистические приемы, ярко отражает характерную для всего романа сложность языковой структуры. В «Господах Головлевых» переплетаются диалоги персонажей и речь автора, меняется речь основного героя, пародируются различные разговорные и литературные стили, но все это органически сливается в неповторимое единство. Все цементируется личностью автора, его идейной позицией и преобладающей, подчиняющей все речевые элементы формой эпического повествования, что и позволяет говорить о единстве языкового стиля романа «Господа Головлевы».

Н. К. ПЕТРОВА

Полезные сведения о романе «Господа Головлевы» и о языке М. Е. Салтыкова-Щедрина учитель найдет в следующих работах:

А. И. Ефимов. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.

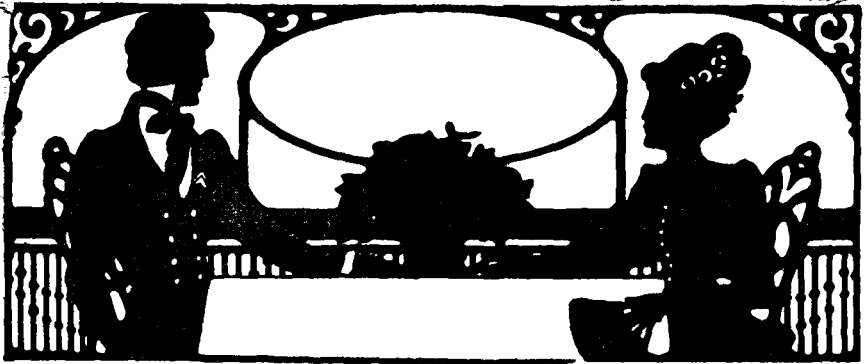
К. Н. Григорьян. Роман М. Е. Салтыкова-Щедрина «Господа Головлевы». М.—Л., 1962.

М. С. Горячкина. Сатира Салтыкова-Щедрина. М., 1965.

Дионисии цесарь, слоушата гоудыца, добра гоудоуца, шьтца емоу дарз дати капа злата. оутроу же выкшю, и приде гоудеца проситз шьтцанаго, шнз же шьтцкццц. ты кчера гоуда кззкеселилз ма еси пѣснями, а я такоже шьтцаналема кззкеселилз кццз, нынѣ же шьтце шьтз оушлю мою кеселие ткое, а шьтз тебе оупокане мое.

Царь Дионисий, слушая музыканта, хорошо играющего, пообещал ему подарить капъ [единица веса] золота. Утром пришел музыкант просить обещанного, царь же сказал: «Ты вчера, играя, возвеселил меня песнями, а я тебя обещанием тоже возвеселил; теперь же отошло от ушей моих веселье твое, а от тебя — надежда [получить обещанное].»

« Л У Ч Ш Е С К А З А Т Ь . . . »

Едва ли не все стилистические средства языка первоначально родились в обиходной речи. Они, конечно, продолжают возникать и в наше время. Скажем, известная манера уточнять употребляемые слова и выражения, перебирать их в процессе самой речи, так сказать, на глазах собеседника, чтобы остановиться на самом удачном, — такая манера перерождается уже в специальный стилистический прием. Любопытно проследить, как его использовал И. С. Тургенев. Мы не беремся утверждать, что прием изобретен самим Тургеневым, а не заимствован им у других писателей: это могут показать лишь более длительные разыскания. Представляется только, что с такой полнотой он нашел реализацию именно у Тургенева.

Рассмотрим пример из его сочинений: «Она очень горда... я не то хотела сказать... она очень дорожит своею независимостью» (Отцы и дети). Так изъясняется один из персонажей Тургенева. Совершенно очевидно, что в данном случае легко можно было обойтись без подбора, вернее без его описания. Автор мог «перебрать варианты» мысленно, а потом изложить только вторую часть приведенного высказывания, однако он этого не делает. Следовательно, перед нами специальное стилистическое построение.

Тургенев часто пользуется подбором слов как средством оформления диалогов персонажей. В большинстве случаев этот стилистический прием у писателя лексически обусловлен, связан с применением определенных слов, преимущественно глаголов речи: сказать, говорить и т. д. Он выражает обычно намерение персонажа изложить какую-нибудь мысль, а во второй части фразы отмечается, какую именно:

«Люди в вашем положении, я хочу сказать, с вашим состоянием, редко владеют этим даром» (Отцы и дети); «Валентина Михайловна хотела было сказать, перед богом (но запнулась и сказала: перед целым светом)» (Новь); «Думал об этой несчастной женщине (я чуть не сказал: девушке...)» (Фауст); «Почти стыдилась всякого — не скажу уж восторженного — всякого доверчивого чувства» (Переписка); «Повел меня в свой кабинет, я чуть было не сказал, в свою нору» (Несчастная); «Около каждого из нас же самих образуется... как бы

это сказать? образуется род стихии, которая потом разрушительно или спасительно действует на нас же» (Переписка); «Только я не нашла другого средства, чтобы возбудить в вас чувство... как бы это сказать? чувство... — Говорите прямо, Валентина Михайловна; не стесняйтесь, не бойтесь оскорбить меня.— Чувство приличия» (Новь).

Подбор слов часто применяется у Тургенева для уточнения, и тогда здесь выступают ремарки: «она (он) поправилась», «говоря точнее», «лучше сказать» и т. д.:

«Что это за привычка у детей (она поправилась!) — у молодых людей — не говорить прямо то, что они чувствуют?» (Первая любовь); «Конечно! — воскликнул он, — вы все, молодые девки... он поправился: — девицы... девицы» (Несчастная); «С этим разносчиком... ехало двое товарищей, или, говоря правильнее, двое работников» (Постоялый двор); «Эта Зоя или, говоря точнее, Зоя Никитична Мюллер, была миленькая» (Накануне); «Права она была весьма смиренного, или, лучше сказать, запуганного» (Муму); «Да-с, да-с, западник, я предан Европе, то есть, говоря точнее, я предан образованности» (Дым).

Особенно выразительны такие диалоги героев, в которых этот уточняющий прием дублируется:

«Я вас призвал... чтобы объясниться с вами, или, лучше сказать, с тем, чтобы потребовать от вас объяснений. Я вами недоволен, или, нет это слишком мало сказано: ваше поведение огорчает, оскорбляет меня» (Накануне); «Прощай! Прежде я прибавил бы: будь счастлив; теперь скажу тебе: старайся жить, оно не так легко, как кажется» (Фауст).

Иногда прием подбора слов применяется Тургеневым без какой-либо лексической обусловленности: писатель просто строит фразы с разрывами или с целой серией однородных членов, которые, однако, вполне определенно показывают, что говорящий выбирает слова или выражения:

«Он мог быть вполне откровенным с теми... с теми людьми, которые ...словом, с близкими ему людьми» (Отцы и дети); «Этот упрек часто направляется... падает... на молодых людей» (Отцы и дети); «Позвольте вас познакомить с моей... с моим... с моим номером первым, ха-ха-ха! с Сусанной Ивановной!» (Несчастная).

Иногда Тургенев заменяет нейтральное слово более выразительным специальным или в некоторых случаях областным:

«Мы поехали в лес, или, как у нас говорится, в „заказ“» (Бурмистр); «Поклонник Виотти, личный враг Наполеона, или, как он говорит, Бонапартишки» (Татьяна Борисовна и ее племянник); «Неудача, или, как говорится у нас, незадача моя, продолжалась» (Касьян с Красивой Мечи).

Некоторые каламбуры Тургенева по общему своему рисунку напоминают разбираемый нами прием подбора слов, так что эта фигура довольно глубоко внедряется в стиль писателя: «[Отец Базарова]: — Если даже что-нибудь вроде... заражения... — Пиэмии,— подсказал сын.— Ну да... вроде эпидемии.— Пиэмии,— сурово и отчетливо повторил Базаров.— Аль уж позабыл свои тетрадки» (Отцы и дети).

М. М. ОРЛОВ
Батуми

Просторечие в «Поэме о разных точках зрения» Р. Рождественского

«Поэма о разных точках зрения» Р. Рождественского — произведение противоречивое, спорное. Не все в нем равноценно; в поэме есть неудачные и просто слабые главы. Поэт не всегда достаточно четко высказывает свою точку зрения по острым проблемам, которые он затрагивает. Однако было бы неправильно видеть в этом произведении только недостатки.

Поэма сложна по содержанию и композиции. В ней есть сон и фантастика, экскурсы в прошлое и попытка заглянуть в будущее, извечный вопрос о смысле жизни и призыв к активной борьбе против угрозы ракетно-ядерной войны, обличение обывательщины и рассуждения о сложности и противоречивости духовного мира человека.

Поэма состоит из двенадцати глав или частей, которые сюжетно почти не связаны друг с другом. Семь глав представляют по форме монологи героев поэмы, одна — диалог, остальные главы поэмы — это авторская речь. Необходимо отметить, что литературных героев в обычном смысле слова в этом произведении нет. В поэме какие-то неизвестные лица высказывают свои точки зрения по различным вопросам общественной жизни или рассказывают о себе, о своих мыслях и чувствах. Автор не говорит, кто эти люди, чем они занимаются, что собой представляют. Только в монологах раскрывается их общественное лицо. Читатель о героях может судить лишь по тому, что они говорят и как говорят.

Язык поэмы отличается большим разнообразием. Естественно, что общепотребительная, нейтральная лексика преобладает в произведении. Своеобразие языку поэмы придает смелое соединение разностилевой лексики, обилие просторечных и жаргонных слов, широкое использование неологизмов и эмоционально-экспрессивных слов, ярко индивидуальная речь героев.

Элементы просторечия и жаргонизмы используются в поэме для характеристики персонажей, для выражения отношения автора к изображаемым событиям, людям, предметам, для усиления выразительности и эмоциональности поэтической речи, для придания поэме публицистического звучания. Смело вводя просторечные и жаргонные слова, Р. Рождественский осуждает представителей враждебного мира, чуждые нам взгляды и настроения, недостатки, имеющиеся в нашей жизни.

В открывающей поэму главе «Сон» некий «Я» рассказывает, что ему пришлось, будто «Академия серьезных наук» отменила вопросительный знак, решив, что «нет уже потребности в нем...». Эта реформа привела к целому ряду неожиданностей и нелепостей (растерялась «Мосгорсправка», не стало задумавшихся, врач не спрашивает: «Что болит?» и т. д.). Только природа не подчинилась реформе и различными способами стала напоминать о вопросительном знаке.

Уже в первой главе поэмы встречается немало просторечных слов. Поэма начинается так:

Я по улице иду —
удручен.

В магазинах

нет вопроса;

«Почем?»

Далее читатель узнает, что этот вопрос не возникает потому, что вопросительный знак отменен. Фраза «В магазинах нет вопроса: „Почем?“» неудачна. Герой поэмы, видимо, хотел сказать, что в магазинах не слышно вопроса: «Почем?». Но такой вопрос обычно в магазинах и не задают. «Почем?» — так спрашивают покупатели на рынках, где каждый продавец сам устанавливает цены. Слово *почем* до сих пор употребляется именно в таком смысле. Это значение отражают фразеологизмы «Почем фунт лиха», «Почем сотня гребешков», употребляющиеся с иронической экспрессией. В таком же смысле слово *почем* иногда встречается в публицистике. Например, статья В. Бодянского о работорговле в Саудовской Аравии («Азия и Африка сегодня», 1967, № 12), озаглавлена «Почем сегодня раб?».

В этой же главе поэмы есть и другие просторечные слова: *при параде*, он немножко... того; задается (автор поясняет, «значит мнит о себе»); плевать. Их употребление вполне оправдано. Выражение *при параде*, не отраженное в толковых словарях русского языка, возникло среди военнослужащих, и в военном быту оно означает парадную форму одежды. Впоследствии оно получило более широкое распространение и стало употребляться для обозначения праздничного наряда. 17-томный Словарь приводит переносное разговорное значение этого слова в формах: «в полном параде», «с парадом», «для парада».

В главе второй — «Несколько слов от автора» — поэт ставит вопрос, зачем живут люди (плохие и хорошие, рабы и «господины», дебилы и таланты, подонки и матроны...), ради чего они совершают благородные и низменные поступки, для чего существуют «запой и работа, крестины и аборт» и т. д. Автор ограничивается тем, что ставит эти вопросы и оставляет их без ответа. Р. Рождественский смело соединяет слова разных стилей с контрастным или противоположным значением. Этот прием позволяет поэту отразить противоречия в жизни общества, сказать о высоком и благородном, о подлом и низком в поступках людей. К сожалению, поэту иногда изменяет чувство меры, и тогда он спрашивает: «В театрах и сортирах. Зачем?». Среди многочисленных «Зачем?» есть вопрос, зачем люди стоят «на вахте и на стреме». Если слово *вахта* обозначает общественно-полезную трудовую или военную деятельность, то жаргонное выражение *стоять на стреме* характеризует действия преступника.

Необычно словоупотребление «в рабах и господинах», «для дяди», хотя смысл их понятен. (Обычно говорят: рабы и господа, работать на дядю.) Поэт говорит о людях «с авоськами, с моноклями», о людях «счастливых и минорных», о людях, которые горланят и которые горят.

В главе третьей — «Экскурс» — какой-то новый рассказчик вспоминает легенду о призвании варягов на Русь, говорит о беспорядках на земле в наши дни, взывает к новым варягам, но потом, опомнившись, посылает их «К чер-

тям!» и говорит, что «земля наша сильно людьми знаменита... Люби эту землю».

С помощью просторечной и жаргонной лексики поэт выражает свое отношение к современным империалистическим «варягам», которые мечтают поработить нашу страну. В поэме они названы не только суперменами, херстами и фордами, но и пронырами и рвачами, любителями легкой наживы. Им адресованы такие выражения: «К чертям!», «видали!!», «валитесь!». Здесь же: «быдло», «жратва», «ночная житуха».

Глава «Разговор со случайным знакомым» написана в форме диалога. В ней автор или неизвестный нам человек (определить это невозможно) говорит случайному знакомому о красоте природы. Собеседник, которому чуждо чувство прекрасного, отвечает короткими репликами: «Чо! Где? Ну?! Врешь!.. Ха!.. Брось!.. Псих!.. Ага!..». Прimitивно-просторечная лексика «случайного знакомого» убедительно показывает его крайнее духовное убожество.

Глава «Многоголосая обывательщина» — лучшая в поэме. Здесь удачно использован прием саморазоблачения персонажей. Перед нами коллективная исповедь обывателей, их мысли вслух. И хотя поэт не дает прямой оценки их речам, авторское отношение к ним выражено совершенно недвусмысленно — это гнев и презрение. Обыватели называют себя «млекопитающими», «жвачными», «людьми-агрегатами по переработке пицци на дерьмо». Они говорят: «Наши челюсти вкальывают», «пожрем», «сожрем», «орите», «вам не подфартило». Эти слова — средство саморазоблачения обывателей, которые считают себя хозяевами истории и мечтают править миром. Они издеваются над всем, что дорого честным людям, ослепывают все святое. В этой главе просторечная лексика хорошо использована для обнажения сущности обывательщины.

В шестой главе — «Снова несколько слов от автора» — поэт рисует фантастическую картину: после атомной войны на земле живым остается только один человек. Ему становится жутко в мертвой пустыне, он кричит: «Не надо-о! Чур! Чура!..». Поэт спрашивает: «Зачем кричишь, человек? Ведь ты молчал вчера». Поэт требует от всех людей гражданской активности в борьбе за мир, против угрозы ракетно-ядерной войны. Примечательно, что в уста единственного человека, уцелевшего после ракетно-ядерной войны в XXI веке, вложено устарелое разговорное заклятие *чур-чура!* Здесь же употреблено просторечное выражение *ты сам* в смысле 'ты один' («Ты сам — на двадцать первый век...»).

В главе «Пример для подражания» какой-то «биограф» рассказывает о том, как человека, имеющего слабости и недостатки, после смерти можно превратить в идеального героя, в «пример для подражания». Поэт высмеивает ложные авторитеты, фальшивые «примеры для подражания», возражает против превращения «рядовых бабников» после их смерти в «больших жизнелюбов». Глава насыщена разговорно-просторечными словами и выражениями: «бабники», «нет резона», «давай на спор», «сообразим пример для подражания» (вместо «создадим»), «вранье», «поди доказывай», твоя жена «немножечко не та...», «а мы пока что в теннисе не тянем». Интересно выражение «Возрадуйся, что ходишь в призовых!..», в котором торжественное *возрадуйся* сочетается с просторечием *ходишь* и с авторским неологизмом

в призовых. Широкое использование просторечно-разговорной лексики позволяет автору лучше раскрыть основную идею этой главы.

В главе «Городской романс» некто сравнивает свой духовный мир с городом, в котором, кроме центрального проспекта и красивых площадей, есть темные тупики и прокопченные окраины. Сниженная лексика представлена словами: охмуриют («города... охмуриют главной улицей»), муторно («Знаю, что идет реконструкция... Жаль, что муторно...»), успеи — добеги («Ты до площади успеи — добеги!»), донельзя («Невесомы они донельзя»).

В девятой главе — «Еще несколько слов от автора» — поэт снова возвращается к вопросу о смысле жизни. Он говорит, что его жжет и казнит единственно правильный вопрос: «Зачем живу?». Этот же вопрос «Зачем живешь?» поэт адресует всем людям. В главе употреблено просторечное слово *чертовой*. О земле, на которой живут люди, поэт говорит: «Надо жить на этой самой чертовой, ласковой, распаханной, кровавой». Здесь же встречается выражение *свагает за грудки*.

В десятой главе — «Ах, дети...» — говорится о том, как трудно быть поэтом. Некий поэт самокритично признается: «Уже умеем пить, как Есенин» и высказывает похвальное желание: «Еще б теперь писать, как Есенин». Этот безымянный поэт обращается к детям с призывом: «Ах, дети, не ходите в поэты!». Кроме выражения *ходить в поэты*, автор употребляет другие просторечно-разговорные слова и выражения: «не переча»; «зеленым пробавляемся зельем»; «И рыпаться стоит!».

Употребление в поэме жаргонной и разговорно-просторечной лексики за отдельными исключениями оправдано художественными задачами, которые ставит перед собой автор. Включение этого лексического пласта позволило обогатить язык поэмы и полнее раскрыть ее замысел.

Широкое и умелое использование разговорно-просторечных и жаргонных слов — характерная черта поэтического стиля Р. Рождественского.

М. С. ГУРЕЕВА

Курц цесаря, слышавк тако оуноши
панце много хоулы изрекоша на нь, и, оу-
троу выкшию, ксѣ покели привести предз са
и кзпроси перкаго, аце тако изглаголаша
м немз. унз же штѣѣца. тако рекохомз,
цесарю, и боле сихз выхомз изоракли, аце
выхомз боле имѣли кина.

Царь Кур, узнав, что юноши, выпивая, очень ругали его, приказал утром привести всех и спросил одного из них, так ли говорили они о нем. Юноша ответил: «Так, о царь, и еще больше наговорили бы, если бы больше было вина».

Культура речи

1

Девушки, девочки, девчонки

Есть в русском языке суффиксы, которые называются оценочными. Их значение чувствует каждый человек, практически владеющий русским языком, даже если он не изучал грамматики. И потому большого породистого пса не называют *собачонкой*, а нарядный головной убор — *шапчонкой*. Не называют оттого, что суффикс *-онк(а)* придает нарицательным существительным такой же оттенок презрения, пренебрежения, как суффикс *-к(а)* — именам собственным (Таня — Танька, Оля — Олька). «Стилистически сниженное, грубое, тождественное кличке, когда-то очень обидное имя с суффиксом *-к(а)* вступает в наше время в противоречие со всем тем, что делается для человека», — заметила Е. А. Акулова-Богородская («Русская речь», 1968, № 5). С автором нельзя не согласиться, и в то же время хочется обратить внимание еще на одно примечательное явление, которое широко распространилось в современной разговорной речи, а из нее проникло в художественную литературу, язык газет, в песни...

Вспомним песни тридцатых годов:

А ну-ка, *девушки*, а ну, красавицы,
Пускай поет о нас страна...

В. Лебедев-Кумач

Как много *девушек* хороших,
Как много ласковых имен...

В. Лебедев-Кумач

Пусть он вспомнит *девушку* простую,
Пусть услышит, как она поет...

М. Исаковский

Девушки пригожие
Тихой песней встретили...

Б. Ласкин

Наших *девушек* милее нет.
Наших молодцев смелее нет.

И. Добровольский

И несколько позже, уже во время войны:

На позицию *девушка* провожала бойца...

М. Исаковский

Итак, в те годы было распространено простое, хорошее русское слово *девушка*. Слово это звучало в живой беседе, в песне, в стихах. А вот названия кинофильмов тех лет: «Девушка с характером»; «Девушка спешит на свидание» и т. д.

Суффикс *-ушк(а)* в слове *девушка* утратил оценочное значение, но нет сомнения в том, что прежде эта форма слова была ласкательной (ср.: *травушка, муравушка, лапушка* и т. д.).

В послевоенные годы стали почему-то часто применять обращение *девочка*. Странно было слышать, когда к солидным и даже пожилым женщинам на улице, в трамвае, в столовой фамильярно обращались: «Девочки, послушайте!».

Затем на смену *девочкам* пришли... *девчонки*.

Вот отрывки из современных песен:

Стоят девчонки, стоят в сторонке,
Платочки в руках теребя,
Потому что на десять девчонок
По статистике девять ребят.

К. Рыжов

А у нас во дворе есть девчонка одна.
Среди шумных подруг неприметна она...

Л. Ошанин

Ты ведь многих девчонок красивой...

В. Жемчужников

У девчонки такие глаза —
Нету силы от них оторваться

М. Кравчук

Примеры неисчерпаемы. Все чаще стало появляться слово *девчонка* и в названиях кинофильмов: «Девчонок не берем»; «Девчонка, с которой я дружил» и т. п.

Слово становится общепринятым, встречается в любом стиле речи.

В «Комсомольской правде» оно употребляется в самых серьезных корреспонденциях, в заголовках, в письмах: «Письмо было написано так просто и так искренне, что покорило меня. Ну, вот, думаете вы, девчонка получает письмо с признанием, начинаются страдания...» (3 июля 1968); «Не думайте, что я зла на девчонок», — пишет в газету окончившая школу, взрослая серьезная девушка (20 марта 1968). В этом же номере была опубликована статья под заголовком «Живет на Урале девчонка...» (о девушке, которая вот уже шесть лет работает на заводе, победительница конкурса токарей, член райкома ВЛКСМ).

В газете «Львовская правда» (3 июня 1968) под заголовком «Девчонки из полков и рот» мы прочитали о женщинах-ветеранах войны (одна из них заведует кафедрой иностранных языков, другая — профессор-медик и т. д.). Уместно ли слово *девчонка* в данном и во многих других случаях? Стоит ли употреблять эту, по существу уничижительную форму так же широко и так же бездумно, как и имена с суффиксом *-к(а)*? Об этом правильно, как нам кажется, писал в свое время Н. Носов в «Комсомольской правде» (19 февраля 1967).

Конечно, было бы по меньшей мере странно возражать вообще против употребления слова *девчонки*. В определенном контексте, в соответствующей

щем стиле речи оно вполне уместно и очень выразительно, например, когда речь идет об озорных и веселых детях:

Первое сентября — первый день календаря,
Потому что в этот день
Все девчонки и мальчишки
Городов и деревень
Взяли сумки, взяли книжки,
Взяли завтраки под мышку
И помчались в первый раз
В класс!

С. Маршак

Да и не только к ребенку может быть отнесено слово *девчонка*. Сочетание «Дерзкая девчонка» (название кинофильма) вполне оправдано, хотя речь идет о взрослой девушке. Важно, чтобы форма слова отвечала сущности обозначаемого явления.

В русском литературном языке XIX века слова *девушка*, *девочка*, *девчонка* также широко употреблялись, но имели, конечно, другие оттенки значений и соотносились между собой не так, как в современном словоупотреблении. В зависимости от эпохи меняется экспрессивно-оценочная окраска слова.

Молодую русскую крестьянку Пушкин называет старинным поэтическим словом *дева*:

В избушке, распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Треплет лучинка перед ней.

А в наши дни устаревшая форма *дева* звучит уже подчеркнуто иронически:

— Я бы ей, мерзавке, глаза выпарапала,— сказала одна старая женщина (обычно весьма добродушная), когда услышала, как некая *дева* с искренним восторгом закричала подруге:

— Смотри, какие шикарные похороны!

Дева действительно была воплощением пошлости... (К. Чуковский. Живой как жизнь).

Однако, даже учитывая эти изменения в окраске слова, стоит все же поучиться у классиков тщательному отбору речевого материала.

Вот реплика разгневанной толстой дамы с бородавкой из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»:

— Эта княжна Лиговская пренесносная девчонка! Вообразите, толкнула меня и не извинилась, да еще обернулась и посмотрела на меня в лорнет...

Дама употребила уничижительную форму не случайно: она возмущена дерзостью молоденькой княжны. Грушницкий тоже один раз назвал княжну Мери девчонкой, но уже движимый чувством ревности и обиды:

— Я должен был этого ожидать от девчонки... от кокетки... Уж я отомщу!

Слово *девчонка* встречаем мы и у Пушкина. Так он называет легкомысленных провинциальных барышень, съехавшихся на бал к Лариным:

Какая радость: будет бал!
Девчонки прыгают заране...

Один раз слово *девчонка* употреблено автором и по отношению к Татьяне:

Кто б смел искать девчонки нежной
В сей величавой, в сей небрежной
Законодательнице зал?

Здесь форма, смягченная эпитетом *нежная*, используется поэтом для более резкого противопоставления прежней (очень молоденькой, робкой, простенькой) и новой (гордой, неприступной) Татьяны.

Героиня драмы «Русалка» с горечью вспоминает о своем прошлом, когда она была глупа, доверчива, наивна:

С той поры,
Как бросилась без памяти я в воду
Отчаянной и презренной девчонкой...

А в речи ее отца, грубоватого и ворчливого мельника, естественно звучит и слово *девки*:

Ох, то-то все вы, девки молодые,
Все глупы вы...

В форме несобственно-прямой речи передаются мысли Онегина о Татьяне:

Та *девочка*, которой он
Пренебрегал в смиренной доле,
Ужели с ним сейчас была
Так равнодушна, так смела?

Светские барышни у Пушкина названы *дэвицами*:

Дэвицы проходили типе
Пред ней по зале...

А включая в свой роман стилизацию народной песни, поэт использует то же слово, но уже с другим, фольклорным ударением:

Дэвицы, красавицы,
Душеньки, подруженьки,
Разыграйтесь, дэвицы,
Раагуляйтесь, милые!

Как видим, в каждом случае избирается наиболее выразительное слово с соответствующей стилистической окраской. Зачем же, забывая о языковом такте и чутье во имя слишком уж разбушевавшейся моды, употреблять всегда одну, притом уничижительную форму слова?

Н. М. ГРОМОВА, доцент Дрогобычского педагогического института

Уже давно замечена чрезвычайная пестрота в названиях жителей стран, городов, сел. Иногда говорящий становится в тупик: пензенец или пензяк, омичка или омчанка? Как назвать жительницу поселка Тисуль Кировской области? Почему *датчанин*, а не *данец*?

«Мы просто и удобно говорим,— пишет Л. Успенский,— пскович из Пскова, москвич из Москвы, костромич из Костромы. Но ни у меня, ни у вас „язык не повернется“ рассказать про своего „друга кинешмича“ или про „знакомую бугульмичку“, хотя, казалось бы, Кострома, Кинешма, Бугульма — слова чрезвычайно однотипные. Очевидно, что язык ощущает в них какую-то таинственную разницу: ведь *костромитянин* сказать тоже можно, а *бугульмитянина* или *кинешмитянина* я за всю мою жизнь не встретил ни одного» (Слово о словах).

Б. Тимофеев рассказывает: «Один читатель задал мне „ехидный“ вопрос: „А почему мы говорим *англичане* и *датчане*, а не *английцы* и *данийцы*“. Я ответил: „Потому же, почему мы говорим *бельгийцы* и *индийцы*, а не *бельгичане* и *индичане...*“» (Правильно ли мы говорим?).

Языковедческий анализ может объяснить причины того, почему мы пользуемся не одним — ведь так было бы «удобнее», а многими суффиксами при образовании названий для жителей различных мест, и почему мы избираем именно данный суффикс.

Одна из причин здесь кроется, как это отметил В. И. Абаев, в пестроте диалектной основы русского национального языка, а также в живом, постоянном процессе словообразования, несущем на себе отпечатки различных исторических эпох («Вопросы культуры речи». II. М., 1959). Существованию множества равнозначных суффиксов в наименованиях жителей способствовало и чрезвычайное разнообразие самих географических названий (топонимов). Тут названия на *-ов(о)*, *-ин(о)*: Ковров, Иваново, Калинин, Ленино; на *-ск*, *-ичи*, *-ец*, *-ица*, *-ка*: Свердловск, Белинич, Юрьево, Речица, Каховка, Игарка; на *-аны*, *-ище*, *-иха*: Булжаны, Городище, Голодаиха и многие другие.

При выборе того или иного суффикса большую роль играют фонетические особенности конца производящей основы топонима, характер ее морфологической структуры. Так, суффикс *-ец*, как показал анализ, наиболее часто присоединяется к бессуффиксной основе топонима, а также к топонимам на *-ов(-ев)*, *-ин*: Ленинград — ленинградец, Салехард — салехардец, Казань — казанец, Ростов — ростовец, Калинин — калининец. Названия на *-гец*, *-жец*, *-хец* (чикагец, ньюйоркец) совершенно негипичны, как и названия на *-чец*, *-жец*, *-шец* (пучежец — Пучеж, галичец — Галич). Но к первой группе легко присоединяются суффиксы *-овец*, *-инец*, ко второй — *-анин* (*-янин*): Артек — артековец, а не *артекец*, Калуга — калужа-

нии, а не *калузец* и даже не *калужец*, Галич — галичанин и т. д. От топонимов на *-ка* наиболее часты суффиксы *-ец, -овец, -инец*: Ольховка — ольховец, Каменная Балка — каменнобалковец, Аксарка — аксарковец, Алушка — алушкинец, Находка — находкинец и т. д., от топонимов на *-ец, -цы, -цк* (Трускавец, Стрельцы) — *-(ч)анин*: трускавчанин, стрельчанин.

Затруднено сочетание суффикса *-ец* с «короткими», малосложными основами на *-ск*: курец (Курск), велец (Вельск) и т. п. Таким топонимам «более по душе» суффиксы *-анин, -чанин*: курянин, вельчанин.

Выбор того или иного суффикса может зависеть от грамматического рода топонима, от стремления языка избежать омонимии, стечения групп согласных и других «неприятностей». Так, односложные основы топонимов — существительных женского рода (Шуя, Чита, Пенза и т. п.) дают названия лиц не на *-ец* или *-ин*, а на их производные: шуянин, читинец, пензенец. Ср. также: Тула — туляк, но не *тулец*. Суффиксы *-инец (-енец), -анец (-янец)* наиболее типичны от топонимов — имен существительных женского рода на *-а (-я)*, суффикс *-овец (-евец)* — от имен существительных мужского рода на *з, ж, х*: Алма-Ата — алмаатинец, Караганда — карагандинец, Ивня — ивнянец, Короча — корочанец, Буздяк — буздяковец, Синие Липяги — синелипяговец. Жители города Комсомольска-на-Амуре — комсомольчане, а не *комсомольцы* во избежание омонимии (комсомольцы — члены ВЛКСМ). Тяжеловесно звучат образования *чадырлунцы* (Чадыр-Лунга в Молдавии) или *суратгарцы* (Суратгарх в Индии) — мешает стечение групп согласных.

Факты свидетельствуют о том, что в ряде случаев мы можем говорить о норме словообразования и словоупотребления. Например, нормой от топонимов на *-ич, -ичи* будет образование при помощи суффикса *-анин* (Углич — угличанин, Боровичи — боровичанин), от топонимов на *-град, -город, -горск, -бад, -водск, -морск, -поль, -славль* — при помощи суффикса *-ец* (Волгоград — волгоградец, Новгород — новгородец, Беломорск — беломорец, Севастополь — севавтополец, Ярославль — ярославец, Ленинад — ленинабадец, Зеленогорск — зеленогорец). Так, топонимов на *-город* нами зафиксировано семь, и только одно название (да и то устарелое) — *новгородчанин* — имеет суффикс *-чанин*. От топонимов на *-град* (зафиксировано 11) нам не встретилось ни одного названия с каким-либо другим суффиксом, кроме *-ец*.

Непродуктивны в современном русском языке образования с суффиксами *-ич, -ак (як), -ук, -ач, -ник, -щик, -ай, -арь (-ар), -ит, -ат, -иат, -иот, -ят(а)*, а также названия бессуффиксные, имеющие разговорный характер и сниженную эмоциональную окраску. Некоторые из них воспринимаются не только как разговорные, но и как пренебрежительные: *австрияк* и австриец (Австрия), *ветлугай* и ветлужанин (Ветлуга), *островень* и островчанин (Остров), *санчурята* и санчурцы (Санчурск), разговорное *селигерник* (Селигер).

Наглядно процесс «устарения» суффикса *-ак (-як)* можно проследить на судьбе слова *пензяк*. В редакцию «Пензенской правды» обратилась читательница Н. М. Терентьева, чтобы узнать, как правильно говорить: *пензяк* или *пензенец*. Ей ответил заведующий кафедрой русского языка, доцент Пензенского пединститута А. Н. Назаров. Вот что он пишет:

Форма *пензяки* является исконной и, конечно, абсолютно правильной. Ее создал сам народ и создал по законам русского национального словообразования... Однако к нашему времени подобные об-

разования стали непродуктивными (то есть новые слова так больше не создаются)...

Слово *пензенцы* (и особенно *пензенец!*), конечно, более искусственное, лабораторное, что ли, но оно, видимо, более импонирует вкусу молодого поколения пензяков — пензенцев.

Должны ли мы безоговорочно поддерживать эту появившуюся вновь форму *пензенцы*? Совсем нет! Старая русская форма *пензяки* ничем не хуже. Вокруг этих форм сейчас, собственно, идет свободная борьба вкусов. Чем она кончится, покажет время... (27 ноября 1963).

Мы не можем, однако, согласиться с А. Н. Назаровым и счесть форму *пензенец* «искусственной, лабораторной». Она, как и *пензяк*, создана по закону русского словообразования с помощью суффикса *-енец*, более продуктивного и более распространенного теперь в названиях жителей по местности, чем суффикс *-ак* (*-як*).

Иное дело нерегулярные, единичные для современного русского литературного языка образования вроде: одессит (Одесса), элеат (Элей), азиат (Азия), француз (Франция), камчадал (Камчатка), киприот (Кипр), спартиат (Спарта), вачкас, выксунец (поселок Вача, г. Выкса Горьковской области).

Эти необычные названия явно выпадают из общих, уже установившихся правил.

«Тенденция к системе, — как это справедливо заметил Л. А. Булаховский, — в проведении словообразовательных элементов на каждом шагу наталкивается на препятствия, ее дезорганизующие» (Курс русского литературного языка. Т. 1. Киев, 1952).

В подтверждение своих слов Л. А. Булаховский приводит такой пример: «Если теперь мы от прилагательных на *-ивый*, *-ливый* образуем слова типа *счастливец*, *ленивец* и под. (ср. в диалектах *милостивец*), то от *красивый* подобное образование уже невозможно, так как старина оставила нам *красавец*, форму, восходящую к другой, ставшей теперь непродуктивной, основе *красав-а*, и мы уже не станем в угоду системе заменять ее новой, соответствующей новому кругу формальных ассоциаций, действующих в языке сейчас».

Точно так же мы не станем заменять в угоду системе названия *француз*, *камчадал*, *выксунец*, *одессит* и т. п. какими-то «типическими», более «правильными».

В. Песков («Комсомольская правда», 16 апреля 1968) испытал чувство гордости именно за *камчадалов* (не *камчатцев*), отказавшихся заменить название города Петропавловск-Камчатский на «Город Восход». Жителей Дании, если уж следовать системе, нужно бы назвать *данийцами* (ср.: австриец, австралиец, бельгиец) или *данцами* (ср.: голландец, финляндец, норвежец). Но мы по традиции (так говорили наши предки) называем их *датчанами*. И в этом есть свой резон! Оказывается, слово *датчанин*, как и прилагательное *датский*, произошло не от позднейшего корня *дан-* (откуда Дания), а от более древнего *дак-*, в котором *к* затем изменился в *т*.

Кандидат филологических наук
Г. И. ПЕТРОВИЧЕВА.
Глазов

Пятьдесят лет назад была опубликована пространный статья П. Д. Драганова о судьбе глагола *выглядит* («Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1909). Подводя итоги своим наблюдениям («а поиски мои, правда исподволь, простираются уже более 10 лет»), автор приходит к следующему выводу: «Можно было бы, как я смел бы думать, поощрить академическою премиею того знатока стиля новой русской литературы, который доказал бы цитатами, что пресловутое *выглядит* встречается так же и у Крылова, Новикова, Карамзина, Жуковского, Батюшкова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинского, Тургенева, Достоевского, Григоровича, Гончарова, гр. Л. Н. Толстого, гр. А. Толстого, А. Майкова, Полонского, Тютчева, Фета, Некрасова, Салтыкова-Щедрина или кого-либо из других писателей или литераторов до 40-х годов XIX века включительно». Кроме того, П. Д. Драганов обещает выплатить 25 рублей каждому, кто «ссыщет хоть одно *выглядит*» у классиков нашей литературы.

Почему же известный по тому времени филолог приложил так много сил и стараний, чтоб проследить употребление одного слова? Почему глагол *выглядит* кажется ему какофоническим, уродливым, безобразным? Почему, наконец, и некоторые современники П. Д. Драганова (В. И. Класовский, А. Д. Галахов, В. Долопчев, А. Г. Филонов, Я. К. Грот, П. П. Гнедич и др.) выступали против этого слова, считая его использование неправомерно русской речи? «Ярким доказательством последнего, — пишет П. Д. Драганов, — может служить знаменитая, прямо-таки невозможная форма Максима Горького *лошади выглядели уродливыми*».

Глагольная форма *выглядит* в значении «казаться каким, кем» представляет собой кальку немецкого *sieht aus*.

Широко это слово стало распространяться только к концу XIX века, хотя А. Греч отмечает его уже в 1839 году. П. Д. Драганов винит во всем «недоученных» петербургских писателей: «И. С. Тургенев в рассказе „Муму“ говорит: „Она была собою некрасива“. Теперь очень многие... сказали бы „Она некрасиво выглядела“». Фраза И. С. Тургенева и предполагаемый П. Д. Драгановым оборот при всей их близости в синтаксическом построении совершенно различны и несопоставимы: составное именное сказуемое с краткой формой прилагательного (была некрасива) и простое глагольное сказуемое, определяемое наречием (некрасиво выглядела).

В наши дни со связкой *был* можно образовать три конструкции: «Она была некрасива»; «Она была некрасивая»; «Она была некрасивой». Здесь разные формы прилагательного — краткая, полная именительного и полная творительного падежа. В первой трети XIX века чаще всего выступала краткая форма, именительный падеж употреблялся исключительно редко, творительный фактически не использовался.

В середине XIX века происходит активная перестройка именного сказуемого. Именительный падеж прилагательного теснит краткие формы, а след за ним появляется творительный падеж.

На преобразования в конструкциях с отвлеченной связкой, несомненно, повлияли изменения в сочетаниях со знаменательными связками, такими, как *стоять, лежать, сидеть, прийти*. Если в первой трети XIX века с ними употреблялись обычно краткие формы прилагательного (у А. С. Пушкина: «Гробовщик пришел домой пьян и сердит»; «Он сидел, шатаясь в седле, бледен и окровавлен»), то к концу XIX века чаще используются полные прилагательные. Сейчас в этих конструкциях кратких форм уже почти нет. Ср. невозможность замены полных прилагательных на краткие: «Он стоял в своих вздутых на коленях брючках, без пиджака, в застиранной рубашке, стоял бледный, и такой насвозь ясный, и чуть-чуть жалкий, и чуть-чуть похожий на бессмертных ребят гражданской войны» (Росляков. Один из нас); «Наконец вернулся хозяин и принес медовые пряники в бумажном куллке. Он вернулся ласковым и добрым» (Семенов. Кушаверо).

Но все-таки наиболее активны в XIX веке были другие конструкции сказуемого — с полузнаменательными глаголами-связками (казаться, считаться, сделаться). В современном русском языке с этими связками в большинстве случаев употребляется творительный падеж. Сейчас мы не скажем: «Она казалась (считалась, сделалась) некрасива или некрасивая». Здесь, несомненно, будет избрана такая форма: «Она казалась (считалась, сделалась) некрасивой».

После этих как будто бы не относящихся к теме рассуждений мы снова можем обратиться к глаголу *выглядит*. Он приобрел заимствованное значение 'казаться каким, кем' именно в период значительных изменений в системе сказуемого. Войдя в состав полузнаменательных связок, которые уже в то время сочетались с наиболее молодой формой русского сказуемого — творительным падежом, *выглядит* оказался весьма удобным грамматическим компонентом сказуемого, так как в отличие от отвлеченной и знаменательных связок не мог выступать в конструкциях с краткими прилагательными или прилагательными в именительном падеже: глагол *выглядит* требует творительного падежа: «Она выглядела некрасивой». Кроме того, в отличие от всех полузнаменательных связок он, сочетаясь с качественными наречиями, мог употребляться и в роли самостоятельного (простого) сказуемого. Использование глагола *выглядит* в этих сочетаниях (решительно отвергаемых П. Д. Драгановым) свидетельствует о его богатых выразительных возможностях, а не об уродливой «неправильности».

В наши дни этот глагол широко употребляется в разнообразных синтаксических построениях: «Анна, пригибаясь, то и дело заглядывала в окно на мелькающую улицу — отсюда, из автобуса, она выглядела сверкающей и оживленной» (Распутин. Встреча); «Был конец мая, стояло серое, без солнца, утро, и все выглядело матовым, без резких граней» (Боровиков. Зумара); «Если в деревне строится дом, то строительная, так сказать, площадка выглядит чисто по-деревенски: просто лежат на траве желтые сосновые бревна и валяются возле них желтые сосновые щепки» (Солоухин. Капля росы); «Сейчас я не помню, как выглядел идущий во главе стада гуртовщик» (Нагибин. Свидание с Грузией).

Эти примеры свидетельствуют о полном освоении глагола *выглядит* в современной русской литературной речи.

В. И. ЧЕРНОВ,
доцент Смоленского педагогического института

БОЛЬШЕ ИМЕН РАЗНЫХ
И БЛАГОЗВУЧАЩИХ

Как читатель «Русской речи» по возрасту я старый — мне под семьдесят, а по «стажу» — недавний: года два назад стал обращать на журнал пристальное внимание. Общее образование мое низшее; профессий на своем веку переменял немало: земледелец, плотник на стройках, каменщик, техник-химик, сотрудник редакций низовых газет; в годы гражданской и отечественной войн красноармеец, солдат; последние десять лет на пенсии.

Весьма приветствую дискуссию (разрешите применить такой термин), развернутую редакцией «Русской речи», о русских именах. Интересно меня эта тема, может быть, потому еще, что я незадачливым оказался по своему имени, довольно архаическому, — Ефрем, из-за чего претерпел немало неприятностей в жизни, особенно в молодости, как психологического, так и «технического» характера.

Родился я в крестьянской семье, в деревне бывшего Саранского уезда Пензенской губернии. Неграмотные матери тех времен не гадали по святцам, как мать гоголевского Акакия Акакиевича (та все-таки жила в столице), какое имя дать новорожденному, а всецело полагались на батюшку — попа. Меня крестили в день Ефрема Сирина (28 января старого стиля), потому и присвоили имя этого святого.

Среди моих сверстников и мужчин старшего возраста в нашей волости были тезки. Лет до пятнадцати я не ощущал неловкости за свое имя, ибо никто не папоминал, что оно некрасивое. В душе своей я до сих пор не считаю свое имя некрасивым: звучит оно довольно твердо. Живи я до сих пор в деревне, в родной крестьянской стихии, не ощутил бы ни разу неприятностей из-за имени. Но жизненные обстоятель-

ства рано привели меня в город. Здесь даже от людей одного со мной «низшего» ранга услышал, что так некрасиво мое имя. При новых знакомствах из-за этого приходил в смущение.

Молодость рано ушла, а с нею исчезла и неловкость за плохое имя. Но неотступно тянулись досадные «мелочи», порождаемые невнимательными канцелярскими работниками, какие и до сих пор еще есть. Они часто смешивали мое имя со сходным по звучанию — Ефим. Сколько документов при получении приходилось возвращать для переделки. А теперь претерпевают такие казусы мои дети, в их документах в графы отчества нередко вписывают — Ефимович, Ефимовна. Представляю себе, как чувствуют в жизни себя Пятычеты, Электрофины и другие носители вычурных имен.

Из вновь придуманных имен, правда, есть и неплохие, даже, пожалуй, хорошие. Мой покойный сосед Ефим одну из дочерей назвал Виленя, понятию из сочетания букв — В. И. Ленин. Ласкательно звали ее Виля, по достижении надлежащего возраста стали звать Виленя Ефимовна.

С суждениями В. А. Никонова трудно согласиться в той части, что «уменьшение количества употребительных имен — процесс здоровый», и далее: «Беспокоиться надо не о количестве имен, а об их качестве». Значительное уменьшение числа имен приведет к тому, что и самые красивые из них покажутся избыточными, не говоря уже о том, сколько создастся неудобств. Яркий пример привел в своей статье С. И. Зинин (о школьных классах и группах в детских садах, если там по десятку и более будет Сереж да Светлан). И таких примеров из самой жизни можно найти много.

Хочется, чтобы вопрос об именах, поднятый на страницах «Русской

речи», не сходил до положительного разрешения. В одном уверен: при выборе имени для ребенка многие родители пуждаются в подсказке.

Передо мной отрывной календарь, присланный из народной Польши. На каждом из его листков можно прочитать одно-два-три имени для девочки и мальчика. На мой взгляд, это разумно. В «Русской речи» говорилось и о том, что можно вывешивать списки имен в загсах. Думаю, что и это неплохо.

Е. М. Антонов

Березники Пермской области

Я люблю читать исторические романы, и мне очень нравятся древние русские имена: Лада, Пересвета, Дубрава. Но дочку свою я так не назвала. Почему? Скажу честно: не решилась. В настоящее время, когда люди имеют не только имя, но и фамилию и отчество, будет смешно звучать Пересвета Николаевна Бурцева или Дубрава Николаевна Бурцева. Вот поэтому я и назвала свою дочь Ольгой (тоже древнее имя). И думаю, что в этом причина (одна из причин) и того, почему сейчас мало употребляется древних русских имен, хотя в последние годы, как будто, возвращаются к старым именам, особенно для мальчиков: Ростислав, Ярослав, Денис и др.

А вторая причина уменьшения количества употребляемых имен в том, что называется «модой». Периодически то одно, то другое имя становится «модным». Хочешь не хочешь, а общество оказывает свое влияние на вкусы родителей, ищущих имя своему ребенку. Вот и появляются в классах по шесть Тань и Сереж, Галь и Володь.

У нас нет именословов. Но не в том беда, что количество наиболее употребительных имен сократилось. Трудно предположить, что родители знают всего несколько имен, из которых они и выбирают имя сыну или дочери. Мы, русские люди, знаем массу русских имен, но берем из них то, что нравится. Конечно, такое «нравится» не всегда действительно хорошее имя, но родителям нельзя приказать выбрать это, а не

то имя. Таких родителей, которые не разбираются, что хорошо, а что плохо, надо воспитывать. В первую очередь это дело работников загса. Я думаю, что у них должны быть именословы или хотя бы справочники имен, чтобы не появлялись Вечиславы и Владимеры или Вити и Оли вместо Викторов и Ольг. К сожалению, работники загсов зачастую равнодушно записывают любое имя, которое назовут родители, а другие, наоборот, отказываются записывать, так как оно им не нравится. Я знаю такой случай, когда в Москве в одном из загсов отказались записать девочку, которую отец хотел назвать Аленой, мотивируя тем, что такого имени нет. Вот теперь и растет Ольга, которую зовут Аленой...

Л. П. Бурцева

Москва

Когда у моего сына Марата в 1958 году родилась дочь, я предложила назвать ее Ниной. Почему? Я считала, что имя девочки должно хорошо сочетаться с отчеством. Поэтому в нем не должно быть р (Римма, Марина: послушайте, как это звучит). Затем, имя не должно быть длинным, например, Екатерина, Олимпиада и т. д.: ведь отчество и так в четыре слога. Наконец, Нина — имя не такое уж распространенное. В этом я убедилась, когда просматривала списки поступивших в I класс.

О. С. Славина

Москва

один из них оказался в полку

Я хотел бы поддержать мнение С. А. Числякова («Русская речь», 1969, № 3) о том, что уменьшение количества употребительных имен — процесс не совсем здоровый. Обилие тезок в одном коллективе часто приводит к различным неудобствам, а иногда и к курьезам. В центральном отделении зерносовхоза «Зилаирский» Башкирской АССР живут два Ивановых. Они оба работают комбайнерами, оба — Михаилы, оба — Ивановичи. Причем они одного года рождения. Из-за того, что у них все совпадает, произошел такой забав-

ный случай. Вместо одного механизатора в армию был призван другой, который и отслужил за тезку. Чтобы как-то отличить их друг от друга, одного называют Иванов-первый, другого — Иванов-второй. Конечно же, эта нумерация звучит как прозвище и если не унижает, то во всяком случае обижает людей.

Русский язык богат, велик и могуч. Это богатство нужно использовать во всех случаях и в полной мере.

Р. З. Утяев
Баймак
Башкирской АССР

ПОДАРИО ИМЯ

«Спор о русских именах». В 1969 году эта рубрика была у нас постоянной. Решительные споры, не всегда приемлемые предложения... Автор каждого нового материала старался повести читателей своей дорогой. Но, кажется, пути всех заметок и статей пересекались в одном пункте. Загс — здесь ребенок обретает и благозвучное Ярослав и удивительнейшее Винегрет...

И вот мы беседуем с Антониной Степановной Ласкиной. Она более двадцати лет работает в загсе Ленинского района Москвы. Антонина Степановна хорошо знакома с материалами о русских именах, опубликованными в журнале.

— Мы ежемесячно, — говорит она, — «нарекаем» до 400 малышей. У нас большой район и много рождается ребятшек. И, конечно, хочется, чтобы побольше было разных имен. Теперь, я замечаю, у людей просыпается тяга к старым русским именам — Денис, Егор и другим. Это, по-моему, хорошо. А если оставить десяток модных имен, получится обезличивание. Нет, я не могу согласиться с В. А. Никоновым.

— Но ведь большое количество имен неизбежно ведет к ошибкам.

— Это верно. Но ошибки ведь вообще неизбежны. В любом деле. И в нашем тоже. Побольше доверия к людям и поменьше буквоедства, тогда никакая ошибка не страшна. Если в метрике написано «Генадий», а в остальных документах обычное «Геннадий», неужели из-за этого нужно мытарить человека... Еще

мы стараемся устранить самую причину ошибок. Например, многие папы Вячеславы просят записать отчество своих дочек как *Вячеславна*. Мы этого не советуем делать: в других документах может легко пройти ошибка.

— А вообще родители часто просят у Вас совета?

— Бывает.

— И чем Вы руководствуетесь в таких случаях?

— В основном своим вкусом и опытом, некоторыми практическими навыками: распространено имя или нет, хорошо ли сочетается с отчеством... Нам остро необходим хороший справочник, с иллюстрациями из произведений художественной литературы, историческими ссылками, толкованиями имен. А то, что мы имеем, совершенно нас не удовлетворяет. «Справочник личных имен народов СССР» — это простой перечень имен. Я понимаю, хороший справочник издать трудно. Поэтому иллюстративные материалы о русских именах уже сейчас должны печатать журналы. И в первую очередь, по-моему, «Русская речь».

— Антонина Степановна, как Вы заметили, у нас в дискуссии много было говорено об именах-придумках. Вы часто сталкиваетесь с этим?

— Да нет, не очень. Но бывает конечно. Вот недавно выдали метрику девочке по имени... Изумруд.

— Изумруда?

— Нет, Изумруд... Как родителей ни отговаривали, ничего не вышло. Причем отец и мать русские, с вполне русскими именами и фамилией. Единственный способ «борьбы» в таких случаях — указать в графе об особых пометках, что имя дано ребенку по настоянию родителей. А ведь почти все такие истории кончаются одинаково.

— Одинаково?

— Да. Лет через 20 придет к нам Изумруд и попросит изменить имя.

— Вы сталкивались с такими случаями?

— Много раз. Например, в прошлом году к нам пришли две сестры — Анархия и Утопия...

— Антонина Степановна, Вы такой опытный специалист по именам. Не будете ли Вы так любезны ответить, как зовут Ваших детей?

— Охотно. Дочь зовут Наталья. А сына Володя — в честь Владимира Ильича Ленина... Раз уж речь зашла о семейных именах, скажу о своем. За все годы моей работы в загсе только двух или трех девочек назвали Антониной, Тоней. Почему так, я не знаю. Но это очень жаль.

— Вы следили за матерналами в нашем журнале о русских именах.

Они, по-Вашему, были полезны работникам загсов, молодым родителям?

— Несомненно. Во-первых, много новых интересных сведений. Во-вторых, «Русская речь» помогла разобраться в том, о чем давно уже думалось.

Беседу записал С. А. ИВАНОВ

5

Курс мастерства устной речи

На философском факультете Московского университета читается факультативный лекционный курс мастерства устной речи.

Половину семестра (часов 16) занимает обзор «Развитие красноречия за рубежом и в нашей стране». Далее рассматриваются вопросы, имеющие практическое значение для публичных выступлений. Прежде всего мы даем общедоступные упражнения по технике речи, студенты знакомятся с элементарными правилами гигиены голоса.

Разговор о культуре речи начинаем с характеристики языка как живого, развивающегося организма, анализируем причины языковых изменений. Здесь непременно следует сказать о единстве языковых нормативов в повседневной жизни и в ораторском обиходе, о том, как важно владеть речевой культурой. Развивая вопрос о произносительной норме, лектор говорит о сохраняющих силу и об устаревших правилах литературного, так называемого московского произношения, о типичных ошибках в ударении, о манерности произношения, неблагозвучии речи. Вслед за этим мы обычно рассказываем о наиболее распространенных грамматических нарушениях (в склонении количественных числительных, пропуск необходимого дополнения, неправомерности в предложном управлении и т. д.). Лексическая культура оратора трактуется главным образом

как свобода от канцелярских оборотов, словесных штампов, слов-паразитов, жаргонизмов — всего того, что засоряет нашу речь.

Стилистические приемы выразительности подаются тоже по этим трем основным направлениям: фонетическому, грамматическому и лексическому. Речь идет об интонации, логических ударениях и паузах, о синонимии форм и связей, о строе фразы, порядке слов, о синонимии слов, лексической несовместимости. В особый раздел выделено то, что в старых риториках называлось «цветами красноречия» — тропы и фигуры.

Беспорность и достаточность аргументов, типичность фактов, приводимых как аргументы, индукция, дедукция и аналогия в системе доказательств — все эти сведения из логики также находят определенное место в курсе.

На речах выдающихся ораторов мы показываем, как следует использовать литературные образы, пословицы, поговорки, крылатые слова и выражения; рассказываем студентам об эмоционально-экспрессивной окраске речи.

Известно, что с момента появления оратора начинается его психологическое воздействие на слушателей. Манера держаться, одежда, поза, жестикуляция, мимика — словом, весь облик говорящего находится под постоянным «наблюдением»

аудитории. Как мобилизовать и удерживать внимание слушателей, как исправлять в течение речи ошибки, как отвечать на вопросы, как пользоваться записями — эти и другие вопросы, конечно, не предполагают готовых рецептов, но возможные ответы на них лектор все же пытается дать, основываясь на собственном опыте и наблюдениях.

На зачете студенты выполняют упражнения по культуре речи, производят стилистический разбор какою-нибудь выступления, отвечают на вопрос по истории красноречия.

Курс мастерства устной речи в силу своей многоплановости довольно сложен. Будучи в основе своей языковым, он в то же время включает вопросы психологии, этики, эстетики, логики и даже физиологии, не говоря уже о том, что обзор развития красноречия невозможен без экскурсов, пусть самых кратких, в историю, философию, литературу, юриспруденцию, религию и т. д.

Программы и учебника пока нет. Отсутствие учебника не могут восполнить такие в своем роде ценные книги: известный «Спутник оратора», сборники под редакцией А. В. Толмачева «Об ораторском искусстве» и «Ораторы рабочего класса», предназначенные для пропагандистов брошюры, изданные «Знанием», пособия по технике речи для

актеров и дикторов, работы по русскому языку, стилистике, логике, психологии. Историческая часть курса иллюстрируется грамзаписями (правда, технически несовершенными) речей В. И. Ленина, А. В. Луначарского, Г. Димитрова и др. Технику и культуру речи приходится демонстрировать на записях литературно-драматического содержания.

Всероссийское театральное общество в 1963 году выпустило набор пластинок «Современное литературное произношение», однако этот набор громоздок для университетского обихода; кроме того, произносительные нормы, которых придерживаются актеры, особенно в речевых характеристиках персонажей прошлого, во многом не подходят к практике современной лекторской работы. Полезно было бы дополнить наш курс практическими занятиями, без которых многое воспринимается в значительной мере умозрительно.

Однако несмотря на трудности студенты относятся к новой дисциплине с интересом. После лекций и даже на зачетах нередко возникает дискуссия, и, нечего греха таить, лектору не всегда легко ответить на вопросы и возражения.

А. Ч. КОЗАРЖЕВСКИЙ,
доцент МГУ имени М. В. Ломоносова

Се имѣ пса красна и седмь тысяцъ златѣ
вздасть на немъ и штрѣза емоу хвоста.
нѣкомуу вопрошашю его. что ради тако
сѣткори; и рече. да быша о томъ молкшии
люди, а не ѡ мнѣ.

Некто имел красивого пса, семь тысяч золотом уплатил за него и отрезал ему хвост. Когда его спросили, для чего он это сделал, он ответил: «Чтобы люди говорили об этом, а не обо мне».

Подлежащее — в родительном падеже?

Подлежащее, как и всякий член предложения, имеет грамматическую форму. Прежде всего это его падеж. Из школьных и вузовских грамматик нам известно, что единственный падеж подлежащего — именительный. Это традиционная точка зрения. Ее придерживались А. А. Потебня, А. В. Попов, Е. Ф. Будде, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, И. И. Мещанинов, эту точку зрения разделяют В. В. Виноградов, Н. С. Поспелов, Н. Ю. Шведова и другие отечественные лингвисты.

Во второй половине XIX века некоторые русские грамматисты (В. В. Новаковский, В. А. Классовский, А. А. Антонов, В. Л. Филиппьев и др.) предприняли попытку связать с понятием подлежащего и некоторые косвенные падежи. Как пишет в своей книге «Из истории изучения русского синтаксиса» (М., 1958) академик В. В. Виноградов, мотивом критики номинативной теории было желание «примирить грамматическое разнообразие типов предложений, особенно односоставных, с логическим учением о двучленной структуре предложения».

Действительно, какую грамматическую информацию могут дать логические аргументы? В. В. Новаковский объединяет на основе логической соотносительности предложения «Мне хочется» и «Я хочу», «Громом убило» и «Гром убил». Косвенный падеж автор признает подлежащим. В. Л. Филиппьев сравнивает предложения «В богатом житье как в море» — «Богатое

житье как море» и сочетание *в богатом житье*, «опирающееся» на *богатое житье*, определяет как подлежащее. А. А. Потебня иронизировал над такого рода построениями: «Это все равно, как если бы сказать: вот палец счетом один, а вот свечка тоже одна, следовательно, что палец, что свечка — все едино...» (Из записок по русской грамматике. Харьков, 1888). В сопоставлении предложений «У меня есть будильник», «Я имею будильник», «Мне принадлежит (этот) будильник», «Мною приобретен (куплен) будильник», «Это — мой будильник» и т. п. обнаруживается лишь тождество или близость смысла, но в каждом отдельном случае субъектное значение — «я» — выражается другой формой, и роль этой формы в предложении меняется.

Между тем современное языковедение все чаще обращает внимание на конструкции, в которых косвенный падеж не соответствует нашим обычным представлениям о дополнении. Это славянские конструкции с родительным субъекта, имеющие количественное значение: «Воды прибавилось», «Забот много», «Веселья как у маленьких», «Снегу — ого-го!», украинское «Дров нам вистачить» (Дров нам хватит), «Людей на майдані побільшало» (Людей на площади стало больше), чешское «Naradilo sněhu» (Напало снега), польское «Przybyło nas» (Нашего полку прибыло). Здесь же рассматривают и отрицательные конструкции с родительным субъекта: «Дождя нет», «Веселья не получилось», «Новостей — никаких», украинское «Нема спокою» (Нет покоя), «Перешкод не Існує» (Препятствий не существует), чешское «Není lásky mezi lidmi» (Нет любви между людьми), польское «Nie ma nikogo w domu» (Нет никого дома).

Как о подлежащем говорят о родительном падеже в количественных и отрицательных конструкциях З. Клеменевич, В. Шмидлауэр, Я. Попела, Фр. Колечны, Р. Мразек, А. М. Мухин, Н. Д. Арутюнова. Главным членом предложения (хотя и не подлежащим) называют эту форму Н. Н. Дурново и В. Грабе,

Обращают на себя внимание некоторые особенности показанных конструкций, выделяющие их из группы традиционно односоставных предложений.

1. Если сравним предложения «Убытку нет» и «Мне не спится», то обнаружим, что форму субъекта (то есть «действующего лица») в первой из них нельзя отделить без нарушения целостности конструкции, в то время как во второй отделение ее не приводит к нарушению нормального, независимого функционирования конструкции: «Не спится». Следовательно, в первом случае субъектная форма входит в ядро предложения, во втором — находится на периферии и не может быть признана ядерным, главным членом предложения. Р. Якобсон, характеризуя падежи русского языка, указывал на периферийный характер родительного (также именительного и винительного) и периферийный — других падежей, что находит подтверждение и в рассматриваемых конструкциях.

2. Другим существенным обстоятельством является то, что в этих конструкциях не выражены отношения переходящего на предмет действия (объектные отношения), как это, казалось бы, должно быть в параллель формальной связи, по преимуществу — управлению: «Дел хватает», «Забот много», «Убытку нет». При определении роли словоформы в предложении в первую очередь следует учитывать передаваемые с ее участием отношения, то есть сделать ведущей функциональную характеристику сравнительно с формальной. В равной мере учесть и форму и функцию невозможно. С. О. Карцевский писал об асимметричности этих отношений: функция может быть выражена различными формами (сказуемое — глаголом, существительным и т. д.), форма в состоянии обслуживать различные функции (прилагательное выступает в роли определения, подлежащего, сказуемого).

Определенные основания для корректировки номинативной теории, согласно которой в славянских языках подлежащее может быть выражено только именительным паде-

жом, дает история осмысления подлежащего в европейской грамматической традиции.

Понятие о подлежащем и сам термин восходит к античной философской традиции. Подлежащее как член предложения и субъект как предмет мысли, реалья, им соответствующая, нередко отождествляются древнегреческими мыслителями. Синтаксис, как таковой, с категорией членов предложения еще не существует, он проглядывает через канву логических построений. Аристотель, выделяя логические понятия субъекта и предиката, закрепляет за ними определенные языковые формы, причем к выбору этих форм подходит весьма ограничительно. За субъектом строго закрепляется именительный падеж. Такой выбор обуславливается двумя факторами: мировоззренческой традицией, предписывающей опираться при умозрительных построениях лишь на исходную форму имени, и своеобразием древнегреческого синтаксиса: непродуктивность конструкций с субъектом в косвенном падеже, отсутствием отрицательных конструкций типа «Его нет дома».

Последующая грамматическая традиция в отношении разных языков с различной структурой ядра предложения утверждала неизменно одну и ту же форму подлежащего — именительный падеж. И если это решение было грамматическим для западноевропейских языков (здесь именительный падеж в выражении субъекта доминирует решающим образом), то его нельзя целиком и полностью адресовать славянским языкам, которые характеризует более свободное построение ядра предложения.

Добавим, что от логики грамматика отмежевалась сравнительно поздно (XIX век), и, следовательно, поздно были осмыслены собственно грамматические признаки именительного падежа как формы подлежащего, своей же первоначальной «грамматичностью» подлежащее обязано логике, аристотелевской схеме. Грамматическая точка зрения на природу подлежащего в европейской традиции сложилась не только в противо-

вес, но и в параллель логической точке зрения. И это следует учитывать при анализе синтаксических структур в славянских языках, в частности в русском.

Таким образом, родительный падеж в количественных и отрицательных конструкциях, будучи частью ядра предложения и носителем субъектного значения, сближается по своей роли с подлежащим, выраженным именительным падежом.

Группа количественных конструкций неоднородна. В ней можно выделить три основных вида.

Родительный падеж — личная форма глагола

Родительный падеж ставится при глаголах со значением нарастания или убывания: прибавить, прибавиться, убавиться, уменьшить, умножиться, накопиться (с приставками, выражающими количественное значение), набезжать, понаехать и др. (список этих глаголов ограничен): «Полку университетов прибывает!» («Неделя», 1968, № 46); «...прибавилось седян; пожалуй, и ума немножечко прибавилось» (Кожеников. Брат океана); «Кто знает: может, от бесед и поуменьшилось бы браконьеров, взяла бы верх хозяйская расчетливость людей» («Комсомольская правда», 13 марта 1968); «Народу набезжало, народу...» (Веселый. Россия, кровью умытая).

Некоторые из указанных глаголов сочетаются и с именительным падежом: «...Когда вода сильно прибавится, он за тобой и придет» (Пришвин. Корабельная роца); «У меня там дела подсобрались» («Правда», 2 июля 1968); «Выработка-то сразу убавилась» (Бажов. Тяжелая витушка). Для глаголов со значением достаточного количества или недостатка — (не)хватает, (не)достаёт — характерно сочетание исключительно с родительным падежом: «Школе хватает и своих забот» («Комсомольская правда»,

24 мая 1968); «— Нет, кроме шуток, мне всегда тебя неоставало» (Грекова. Летом в городе).

Количественное значение может выявляться не собственно глаголом, а конструкцией в целом: «— Что мы, свою бумагу будем портить, что ли?.. Тащите из халдейской — там этого добра имеется» (Белых и Паетелев. Республика Шкид). В диалектах и просторечии встречаются конструкции с формой *всякого* (значения слова допускает сдвиг: разномыслие — множественность): «У этой винной бочки, конечно, всякого бывало» (Бажов. Тяжелая витушка); «Сама руками-то как крышку над колодезцем подняла, а там и открылось богатства всякого» (Бажов. Синюшкин колодез).

Родительный падеж — неглагольная форма с количественным значением

Эта группа неоднородна по способу выражения сказуемого (наречие, имя, междометие и др.). Пожалуй, было бы неверно представить все возможности реализации этой структурной схемы как равнозначные, стоящие в одном ряду. Это не соответствовало бы иерархическому устройству языка, в котором одни формы, более регулярные, нейтральные, первичные по выполняемой роли в предложении, предпочитают другим — более случайным, стилистически мотивированным, вторичным. Эти последние можно представить как бы «опирающимися» на основные. (О регулярных реализациях как выражении ступенчатой, иерархической организации языка см. статью Н. Ю. Шведовой «Парадигматика простого предложения (опыт типологии)» в сборнике «Русский язык. Грамматические исследования». М., 1967). В соответствии со сказанным мы и подразделяем данные конструкции на ведущие и замещающие (или точнее — конструкции с замещенной формой).

Ведущие конструкции:

Родительный падеж — наречие: «Корма для птиц тут вдоволь» (Песков. Шаги по росе); «Доказательств предостаточно» («Строительная газета», 28 июля 1968); «Веснушек

у Боба Ужасно как много, И ясно, что это навек» (Инбер. О мальчике с веснушками).

Родительный падеж — имя существительное со значением меры, массы: «А кавунов в углу гора» (Кочнев. Чапаевские колоски); «Ведь достойных кандидатур — множество» («Советский спорт», 28 июля 1968).

Родительный падеж — имя числительное: «Бойцов было трое, врагов было двадцать» (Луговской. Баллада о пустыне); «...рек у нас — полтораста тысяч, озер — двести пятьдесят тысяч» («Комсомольская правда», 16 апреля 1968).

Показанные здесь формы сказуемого могут сочетаться: «...пахото-пригодных земель, по самым скромным подсчетам, не меньше двадцати тысяч гектаров» («Известия», 22 декабря 1968).

Родительный падеж — предложно-падежная группа. Сочетанием предлогов с именами выражается количественное значение в пространственных и временных показателях, любая приблизительность меры, распределительное значение: «...корабельных снастей по обоим берегам и на Волге-реке и на Оке, ни на много, ни на мало — на десятки верст» (Кочнев. Разбитая жизнь); «Добыча — два зайца. А радости — на полгода» (Песков. Шаги по росе); «И в этом году осадков будет около нормы...» («Известия», 25 сентября 1968); «— Родниковой, ледяной водицы по полведра бы на брата...» (Шолохов. Они сражались за Родину); «Фруктов было в избытке» («Комсомольская правда», 4 февраля 1968).

Предложение как грамматическая структура не существует в языке в единичном виде. Оно имеет систему форм — парадигму. В парадигме структура предложения как бы повращивается различными своими гранями, обнаруживая то одну модальность (отношение к действительности), то другую, а внутри реальной модальности (изъявительного наклонения) выявляются три формы времени (о парадигме предложения в этом понимании см. указанную работу Н. Ю. Шведовой). Парадигма неглагольной количественной структуры образуется при

помощи глагола *быть* (его модально-временных форм и некоторых частей): «Густо было там народу — Наших стриженных ребят...» (Твардовский. Василий Теркин); «И сена будет не меньше. И какого сена!» (Кожевников. Живая вода); «Забот такой фирме было бы вдвойне!» («Правда», 11 августа 1968); «Побольше бы таких работяг!» («Комсомольская правда», 30 апреля 1968).

Конструкции с замещенной формой:

Родительный падеж — сочетание родительного союза с родительным или именительным падежом, или с предложно-падежной группой: «А басмачей в этом пристанище — как муравьев в гнилом пне, как короедов в трухлявом душе...» (Кочнев. Несмываемые печати); «В Андоме у Андрея родня что полноводье» (Твердов. Как мы с Андреем Пыреем волков скипидарили); «Снегу — как на полюсе» (Инбер. Почти три года).

Родительный падеж — фразеологизованное сочетание: «Энергии у него хоть отбавляй» («Комсомольская правда», 11 января 1968); «Стартов — не счесть» [заголовок]; «На этих землях солнца больше чем достаточно» («Правда», 28 сентября 1968); «Лечь да растянуться — землячки-то, а живут... живут!» (Касаткин. На барках); «...у меня у самого благородства-те — пей не хочу было!» (Леонов. Барсуки).

Родительный падеж — предложение: «...уток весной — стреляй вверх, обязательно попадешь» (Песков. Шаги по росе); «Разговоров — на воз не покладешь, на паре не увезешь» (Веселый. Россия, кровью умытая); «Инструмента всякого — словно подняли клад из-под земли...» (Кочнев. От всей души).

Родительный падеж — междометие (междометное сочетание): «— Снегу-то нынче — ого-го! К урожаю, — произнес Макар» (Тропольский. Соседи); «...саботажу — во, хоть завались» (Веселый. Россия, кровью умытая); «...шатущего народу — ай сколь!» (Касаткин. На барках); «Книг-то эва сколь!» (Арамилов. На острове Лебяжьем).

Противопоставление ведущих и замещающих конструкций не сле-

дует проводить слишком жестко, так как иногда трудно обнаружить четкую границу между ними. Например: «Снегу — горы» и «Снегу — как на полосе».

Заметим, что об особой роли родительного падежа (близкой к роли подлежащего) можно говорить лишь в том случае, если сочетание количественной формы и падежа выражено расчлененно и не представляет собой тесной группы с общим значением существования: «Цветов — много» и «Много цветов». Ярким примером разграничения одночленной конструкции, обязательно опирающейся на словосочетательную связь, и двучленной конструкции, прежде всего предназначенной для выражения множественности, является построение предложений с числительными от 1 до 4: «Декораций — одна», «Яблок — два», «Путей — три» и т. п. Расхождение не ограничивается лишь указанными числительными. Маловероятно или невозможно определительное значение у количественной формы в конструкциях, где выражено замещение, ср.: «Веселья — как у маленьких», «Энергии — хоть отбавляй», «Снегу — эго-го!».

Родительный падеж — личная форма глагола — неглагольная форма с количественным значением

«Барахла накопилось невероятно много» (Грекова. Под фонарем). Этот вид можно представить как бы «скрещенным» из двух предыдущих: «Барахла накопилось + Барахла много» → «Барахла накопилось много», хотя на самом деле в речи такого механического сложения, конечно, не бывает. Количественная неглагольная форма здесь может быть отнесена как к сказуемому, так и к родительному падежу. Отнесение количественной формы к сказуемому облегчено рядоположенностью ее по отношению к глаголу (глагол обычно предшествует): «Монолитов выходит мало, больше идет в отходы» («Правда», 20 сентября 1968); «Книг по числу названий у нас издается в два с половиной раза больше, чем в Штатах...»

(«Комсомольская правда», 19 февраля 1968).

Определительная связь между неглагольным компонентом и родительным падежом вряд ли может быть обнаружена при регулярном замещении первого фразеологизмом, предложением, междометием: «Прятелей у меня тут объявилось — ни пройти, ни проехать» (Бажов. Тяжелая витушка); «Народищу подвалило — дверь ломят. Даже с улицы в окошки липнут» (Касаткин. Чудо).

В некоторых случаях лексическое значение сочетающихся форм препятствует тому, чтобы неглагольная форма была осмыслена как определение: «Времени прошло около часу...» (Пришвин. Корень жизни); маловероятно *Прошло около часу времени*, где в литературном языке последняя форма признается избыточной.

Вторая группа предложений, где родительный падеж близок по своей функции к подлежащему, — это отрицательные предложения. Родительный падеж прочно закрепился при сказуемом *нет*, при отрицательных местоимениях (никакого и др.) и регулярно употребляется при глаголах с отрицанием *не*. Отрицание в той или иной связи противопоставляется утверждению: «— Садись. Сахар есть, а хлеба нету» (Тендряков. За бегущим днем). Чтобы выразить отрицание, избирают различные — глагольные и неглагольные — формы, которые нередко следуют в одном ряду: «Обижены богом скопцы, что дрожат за престолы, За кресла, порфели... Ну как им не тошно от скуки! Для них никогда не бывало и нету простора. Они бы его у других отобрали, да коротки руки!» (Евтушенко. Присяга простору); «Таких соловьев больше нет, нет и не будет» (Веселый. Россия, кровью умытая); «Стандарта же в футболе нет и быть не должно» («Футбол — Хоккей», 1968, № 41).

Отрицательные структуры могут быть подразделены на неглагольные и глагольные.

Родительный падеж — отрицательная неглагольная форма наречного или именного типа («Убытку нет»; «Порядка — никакого»; «Земля — ни фута»; «Ребят — никого»; «Совести — ни-ни»)

Ведущая конструкция здесь — родительный падеж — отрицание *нет*: «Нету милой, нет любимой, никого я не любил» (Городецкий. Юхано). Компоненты конструкции, как и конструкция в целом, могут принимать различные определители (без них в некоторых случаях высказывание представляется незавершенным): «Эх, ячичница! Закуски нет полезней и прочней» (Твардовский. Василий Теркин).

Конструкция «родительный падеж — отрицание *нет*» легла в основу многочисленных фразеологизмов: «— Поди, от женихов отбою нет? — он за свое» (Кочнев. Люстра с огоньками); «Им бы не было износку Впредь до будущей войны» (Твардовский. Василий Теркин);

Парадигма неглагольной конструкции *убытку нет* строится модально-временными формами глагола *быть* и различными частитями. Изъявительное наклонение: «Женщин в Антарктиде не было. Но в том-то и дело, что женщины в Антарктиде не было! Мужчины, скучая по дому, давали женские имена белым пространствам» («Комсомольская правда», 16 апреля 1968); «Сегодня не будет поверки. Горнист не играет поход» (Лугвской. Курсацкая венгерка). Сослагательное наклонение: «Во всем этом не было бы ничего предосудительного» («Футбол — Хоккей», 1969. № 3). Условное наклонение: «Не будь благодетельных гор, наша фанзочка звизгась бы вместе с нами» (Пришвин. Корень жизни). Повелительное наклонение: «У меня чтоб не было медведей!» (Кожевников. Брат океана).

Другими конструкциями, реализующими общую схему «родительный падеж — неглагольная отрицательная форма», являются те, сказуемое которых выражено отрицательным местоимением или сочетанием существительного (предложно-падежной группы) с частицей *ни*: «Времечко идет, мы аж вспотеяли, а чуда — никакого!» (Касаткин. Чудо).

Родительный падеж — глагольная форма с отрицанием («Ответа не последовало»; «Ничего подобного не повторится»)

Можно говорить лишь об общей тенденции ставить имя в родительном падеже при глаголах с отрицанием: каких-либо строгих закономерностей для классов глаголов и имен установить не удалось.

В какой-то мере случайно постановка родительного падежа в одном из приведенных ниже отрицательных предложений в именительного в остальных: «У следователей подозрение пало на Тамару. И никакая другая версия уже не возникала. Глубокого анализа фактов не проводилось. Логическая связь их не устанавливалась» («Комсомольская правда», 14 апреля 1968). Прибегнем к несложному эксперименту — произведем замену падежей: родительный падеж поставим на место именительного, а именительный — на место родительного, наконец все предложения построим с именительным падежом или все с родительным. Каждый новый вариант даст нам ряд предложений, не выходящий за пределы нормы. У П. Бажова в совершенно одинаковом окружении в одной и той же конструкции варьируются родительный и именительный падежи: «Тут, дескать, привольно. Дождичком вымочит — солнышком высушит, а солнышка не случится — тоже не развалится» (Тяжелая витушка); «Тут, дескать, привольно: дождичком вымочит, солнышком высушит, а солнышко не случится — тоже не развалится» (У старого подника).

Исследование большого количества таких предложений позволит выявить некоторые закономерности в предпочтении того или другого падежа. Можно сказать, что определенные глаголы при отрицании предпочитают родительный падеж: волниться, возникать, выйти (в значении получить), говорить, делаться, иметься, наблюдаться, пахотиться, ожигаться, оказаться, оставаться, получаться, появляться, производиться, происходить, случаться, требоваться.

В отдельных случаях играют роль

стилистические соображения, например расподобление форм: «Несколько дней после этого он ждал ответа, но ответ не последовал» (Белых и Пантелеев. Республика Шкид). Именительному падежу отдается предпочтение при конкретном содержании имени и глагола: «Лодка не появлялась» (Панферов. Бруски); «...примус не зажегся, суп пригорал» (Грекова. Под фонарем). Ср. менее вероятное *Лодки не появлялось* и невозможное *Примуса не зажеглось*. Форма именительного падежа может быть обязана логическому ударению: «— Берите любую половину.— Половина

не потребуется, а треть возьму,— усмехнулся» (Кожевников. Слепой разведчик).

В этой статье мы показали конструкции с количественным и отрицательным значением, родительный падеж которых не соответствует обычным представлениям о дополнении. Отвечая на вопрос, поставленный в заголовке, можно сказать, что эта форма, входя в ядро предложения и выражая субъектное значение, сближается по своей грамматической роли с подлежащим, представляемым именительным падежом.

Ю. М. КОСТИНСКИЙ

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е

(Найдите ошибки и исправьте текст)

Очистим речку Петинку

Когда-то речка Петинка, что протекает по селу имени Бабушкина, была чудесным даром природы (1).

Прозрачная как стекло, вкусная вода, красивые чистые берега тщательно оберегались сельчанами от засорения и загрязнения (2). Приятно было посидеть на прибрежных камнях или зеленой траве около речки (3). А сколько радости было у ребятишек. Целыми днями, бывало, бродятся, ловят мелкую рыбешку, не опасаясь порезать о стекло руки или ноги (4).

В настоящее время как сама Петинка, так и ее берега превратились в место свалки разного мусора и нечистот (5).

Если бы работники санэпидстанции нашли время пройтись по берегу красивой когда-то речки от улицы Верхней Надречной до складов орска, сделали бы для себя соответствующие выводы (6). Но, к сожалению, никто, очевидно, не побывал там, или проходили мимо как посторонние наблюдатели (7).

Битым стеклом, консервными банками, старой обувью и разной рухлядью, вплоть до дохлых кошек и кур, завалены берега и сама река (8).

Вопрос благоустройства районного центра, которому уделяется немало внимания со стороны руководящих районных организаций, входит не только забота о хорошем состоянии дорог, тротуаров, посадка кустов и деревьев, но и санитарное состояние улиц и переулков (9).

Вода для питья в речке в настоящее время не пригодна, ею пользуются только для бытовых нужд. Приведением в надлежащий порядок берегов и самой речки надо серьезно заняться. Это лежит на совести уличных комитетов и самих граждан, повинных в вывозке мусора (10). А возглавить это дело должны сельский Совет и работники санитарного надзора (11).

(Газета «Знамя», 17 мая 1968,
Бабушкинский район Вологодской области)

(Ответы на стр. 58).

ПРОДАЮТ ИЛИ ПОКУПАЮТ?

Вслед за тавтологическим **Магазин по продаже...** (например **телевизоров**), которое «украшает» уличные вывески, естественно должно было появиться это название.

И оно появилось в Москве, на Чистых прудах.

«СОЗДАТЕЛИ АВТОРСКОЕ»
МЕСТО КОНТОРА
БАУМАДСКАЯ
ЗАГОТКОНТОРА

МАГАЗИН ПО СКУПКЕ

ИЗНОШЕННЫХ
ШЕРСТЯНЫХ,
ВЯЗАНЫХ И
ТРИКОТАЖНЫХ
ИЗДЕЛИЙ.

МАГАЗИН НАХОДИТСЯ ПО ДВОРЬ
ЧИСТОПРУДСКИМ ВЪЕЗДАМ, ДОМ 14

В сознании авторов столь многозначительных вывесок слово **магазин** стало, по-видимому, просто наименованием предприятия, принадлежащего торговому ведомству, в то время как в общем употреблении это только торговое предприятие, помещение для торговли (либо). Для обозначения предприятия, покупающего, скупающего что-либо, в русском языке есть слово **скупка**. Кстати, во дворе дома на Чистых прудах висит указатель (уже не столь официальный, как вывеска на улице): «Вход в скупку».

● Созданию названия способствовала, конечно, чрезвычайная активизация

примененной в нем конструкции: в современном русском «словосочетания с предлогом **по** + дательный падеж проявляют тенденцию стать универсальным средством выражения общей направленности, касательства» (Н. Ю. Шведова. Активные процессы в современном русском синтаксисе. М., 1966). Например, наряду с такими названиями, как: управление механизации; группа содействия; федерация хоккея; — сравнительно в недавнее время стали употребляться и вновь образуются преимущественно такие: Главное управление по заготовке и сбыту сельскохозяйственной продукции; комитет по координации; комиссия по распределению; сборная команда по футболу и т. п.

Жизнеспособность этой конструкции определяется тем, что она создает новые возможности для выражения оттенков смысла, для разграничения понятий.

Исследователи отмечают случаи «распределения обязанностей» между близкими, но все же разными по смыслу выражениями, например: лекция об истории города — цикл лекций по истории города. Здесь сочетание с предлогом **по** имеет значение общего касательства, оно менее конкретно, в то время как сочетание с **о(об)** обозначает охват всего предмета, оно более целенаправленно. Возникают совершенно одинаковые в смысле отношении обороты: план выпуска продукции — план по выпуску продукции.

Распространились, однако, и громоздкие сочетания, которые содержат лишние слова. Как правило, они применяются в официальных названиях учреждений и предприятий или в неофициальных, но употребляемых в отчетах, газетных информационных. Например: магазин по торговле товарами хозяйственного назначения; фабрика по производству обуви; мастерская по ремонту мебели; лаборатория по изготовлению... и т. п.

И вот широко распространившаяся теперь конструкция сыграла злую шутку с авторами объявления на Чистых прудах, соединившими в нем слова, противоположные по смыслу.

В. Д.

П Р А К Т И К У М П О С Т И Л И С Т И К Е
(Ответы. См. стр. 56)

Сначала несколько общих замечаний. Разговорные и даже просторечные слова и выражения соседствуют в заметке с выражениями из канцелярского стиля. Канцеляризм газетчикам вообще следует избегать (подробнее см. об этом: «Русская речь», 1969, № 3, 4, раздел «Язык газеты»).

Примером многословия может служить сообщение о том, что воду из Петинки используют «для бытовых нужд». Оно не усиливает, а скорее даже ослабляет критическую направленность статьи.

Если иметь в виду более широкую правку — текста как единого целого, то несомненно следовало бы несколько перестроить заметку. В трех местах (предложения 5, 8, 10) говорится о нынешней печальной судьбе речки. Эти фразы надо, видимо, свести в один абзац, убрав лишнее. Тогда заметка примет более стройный вид: «прошлое» Петинки, ее грустное настоящее, что следует предпринять. Отдельные замечания:

1. «...была чудесным даром природы» — ненужная, вступающая в противоречие со всем последующим изложением красивость. Напыщенный оборот следует заменить более спокойным.

2. «Прозрачная как стекло, вкусная вода» — неудачная расстановка слов во фразе. Не очень вяжутся и даже звучат достаточно неприятно стоящие рядом *как стекло вкусная*.оборот можно исправить так: «Вкусная, прозрачная как стекло вода». *Сельчанин* значит «сельский житель, крестьянин», а не «житель села», как понимает (и использует) это слово автор заметки.

«...от засорения и загрязнения» — смысловой повтор.

3. Глагол *бродятся* не употребляется в литературном языке. Следовало: бродят (ловят рыбу бреднем).

5. Фраза значительно выиграет, если удалить загромождающий ее оборот *как сами... так и* и официально-деловое в настоящее время. Выражение *место свалки мусора и нечистот* избыточно в смысловом отношении: *мусора и нечистот* — вполне достаточно одного из этих слов; однако дело даже не в этом, ведь слово *свалка* и так несет в себе достаточный отрицательный заряд. В облегченном виде фраза может выглядеть так: «Сейчас Петинка и ее берега превратились в настоящую свалку».

6. В главном предложении, стоящем после придаточного, ошибочно пропущено подлежащее — *они*.

7. «...никто, очевидно, не побывал там» — нет необходимых по смыслу слов. Конечно же, следует как-то ограничить это *никто* и написать, допустим: «никто из работников санэпидстанции». Нарушено согласование: «...никто не побывал там или проходили...». Неправильно употреблено устойчивое выражение, следует: «сторонние наблюдатели».

8. Куры и кошки причислены к «разной рухляди»; эту шутку сыграл с автором присоединительный оборот *вплоть до*. Вся заметка написана живым языком, и все же словечко *долгих* выглядит слишком разговорно.

9. В предложении явно нарушено согласование (следует, конечно: В вопрос благоустройства), но возможно, это просто опечатка. Тавтология: район-

ВОЗЬМИ ТО, НЕ ЗНАЮ ЧТО

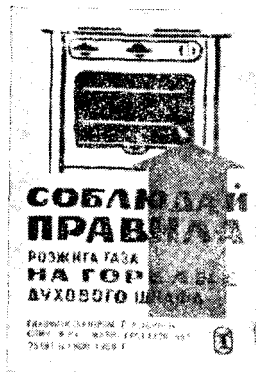
Москвич Л. Гаврилов прислал нам этикетку со спичечной коробки:

Читатель наш справедливо замечает, что рад бы воспользоваться добрым советом, да вот только не знает, откуда, собственно, грозит опасность. В самом деле, что же такое **шибер**? Вдруг на этот вопрос не ответишь. Пришлось покопаться в словарях и справочниках, побеседовать со специалистами. Ответ оказался простым: **шибер** — это по-русски «заслонка». Только шиберами называют заслонки у заводских печей и котельных установок. Но в предупреждении на этикетке употреблено не официальное **печь**, а обычное, «теплое» **печка**. Так вот **шибер** и **печка** — рядом эти два слова выглядят до-

вольно-таки неправдоподобно. И — чтобы уж покончить со стилистической — почему «**пользоваться печкой**», а не **топить**? **Печи топят** — это звучит по-русски!

Конечно, все мы знаем об инструкциях по технике безопасности, которые издают в основном для внутреннего пользования. В них видимо, уместно «**пользоваться печью**». Там, возможно, будет приемлема и такая надпись:

Но ведь речь идет о миллионных тиражах, которыми издаются наклейки на спичечные коробки!..

Как же будет выглядеть призыв о **шибере** после необходимых исправлений? — «При закрытой заслонке печь топить опасно». Но ведь дрова и не загорятся, если нет тяги. Тогда о какой опасности идет речь?

За разъяснениями можно обратиться на фабрику «Маяк».

С. И.

ного центра — районных организаций. Ошибка при употреблении союза *не только, но и*; у автора получилось: не только забота..., но и санитарное состояние. «Улиц и переулков» — избыточное сочетание, так как слово *улиц* употреблено здесь обобщенно «пространство между двумя параллельными рядами домов».

10. «...ловинных в вывозе мусора» — неверное словоупотребление, следует не *повинных в*, а *ответственных за*...

11. Неясность высказывания возникает из-за того, что не назван объект действия: вместо прямого обозначения оборот *это дело*.

Редактор и друг начинающего автора

Имя Марии Ильиничны Ульяновой, видного государственного и общественного деятеля, неразрывно связано с зарождением и развитием большевистской и советской печати. Она принимала участие в организации газеты «Искра», первого легального социал-демократического издания «Новая жизнь», помещала в них корреспонденции, информацию, подбирала материалы для ежедневной массовой рабочей газеты «Правда». После февральской революции, с марта 1917 года до весны 1929-го, Мария Ильинична беспрерывно занимала пост ответственного секретаря и члена редколлегии центрального органа партии. М. И. Ульянова была организатором журнала «Рабоче-крестьянский корреспондент».

Школу партийной журналистики М. И. Ульянова проходила под руководством В. И. Ленина. Выполняя указания Ленина, с первых дней деятельности в «Правде» Мария Ильинична стремилась создать вокруг газеты широкий авторский актив, привлечь способных начинающих писателей, поэтов. Огромный опыт работы с творческой молодежью, умение прислушиваться к ее запросам, мнениям, простота в общении, принципиальность завоевали Марии Ильиничне непререкаемый авторитет и большую любовь среди корреспондентов и журналистов. Многие писатели и журналисты, начавшие печататься в 20-е годы, в той или иной мере прошли правдистскую школу М. И. Ульяновой. Ее совет и доброе слово помогли им войти в большую литературу.

Писатель Д. Зорин вспоминает, что Мария Ильинична ни на один день не выпускала из поля зрения начинающих журналистов, интересовалась их материалами, написанными не только для «Правды».

Мария Ильинична была учителем строгим, но очень тактичным. Ее слова никогда не ущемляли самолюбия собеседника. Она так умела повести разговор, что допущенная ошибка становилась очевидной и правильный вывод напрашивался сам собой. Правдист Д. Ершов рассказывал, как внимательно Мария Ильинична правила его статьи, указывала на неточности в употреблении отдельных слов. Читая отчет о совещании рабкоров, она спрашивала: «Зачем вы так пишете: „Тов. Соколов в своем выступлении сказал“? Он ведь ничего не мог сказать в выступлении другого оратора. Нужны ли тут слова „в своем выступлении“? А в фразе „десять человек рабочих“ все взвесили! Какое слово лишнее!» (Д. Ершов. Большой друг рабселькоров).

Ценнейшие свойства умного воспитателя-ленинца отмечал у Марии Ильиничны Ульяновой и постоянный корреспондент «Правды» М. Максимов: «Подкупало и радовало то, что в ее письмах авторам не было никакого командования; нет, это были письма, полные товарищеского

такта, письма старших товарищей и младшим, с единственной целью — помочь ему в работе» («Дон», 1962, № 5).

Являясь секретарем центрального органа партии, Мария Ильинична в то же время заведовала в газете отделом «Рабочая жизнь». При всей своей занятости она находила время для общения с рабочими корреспондентами, в течение ряда лет сама готовила их письма для печати. Уходя из редакции, М. И. Ульянова часто брала эти материалы с собой: «Возьму с собой, почитаю после обеда, пока Ильич отдыхает» (С. Виноградская. Первые годы). Эти маленькие, не всегда гладко написанные заметки были дыханием самой жизни и Мария Ильинична не раз отмечала: «...какой яркий и своеобразный стиль, сколько огня и чувства!» [там же].

М. И. Ульянова создала при «Правде» кружок рабкоров, впоследствии возник клуб рабселькоров, названный ее именем, в котором корреспонденты из народа учились писать свои первые статьи, разбирали их тут же, на занятиях. Бывало, что заметка получалась неудачной, рабочий отказывался выполнять следующее задание, ссылаясь на неграмотность. Мария Ильинична подбадривала его теплым словом: «Не ваша вина, что вас не учили... При Советской власти все рабочие будут учиться, овладеют грамотой» (М. И. Ульянова — секретарь «Правды»).

Выступая на страницах «Правды», группа старых рабкорок рассказывала, как тепло и приветливо Мария Ильинична встречала работниц, внимательно разбирала их письма, исправляла, терпеливо учила женщин непривычному делу. При этом она неизменно повторяла, что форма изложения не должна смущать. Любой труженик сможет стать корреспондентом, лишь бы ему было о чем написать. А для этого М. И. Ульянова советовала тщательнее изучать, проверять факты, пристальнее всматриваться в их сущность. «Для нас важно не то, как написана корреспонденция, а то, о чем написана, что в ней содержится... В каждом письме приводите больше фактов, примеров, дословных выражений рабочих и проверенных цифр. Старайтесь каждый вопрос прощупать поглубже, послушать, что говорит об этом большинство рабочих...» [там же].

В качестве примера она часто приводила рабкора Спиридонова, статья которого печатались в «Правде» почти без правки. Опытный рабочий умел поднимать самые наболевшие темы, верно определить существо вопроса, тщательно проверял факты, излагал их просто, ясно. Это предопределяло деловой тон материалов, их доходчивость.

Редактируя заметки рабкоров, М. И. Ульянова строго следила за тем, чтобы в каждом публикуемом письме сохранялось его своеобразие, индивидуальный стиль автора, характерные выражения, существенные подробности. Это придавало материалам отдела «Рабочая жизнь» документальный характер, делало их более убедительными. Активный корреспондент газеты, руководитель одной из первых литературных коллегий в Москве И. Ломский рассказывал о том, как, желая помочь Марии Ильиничне, члены литколлегии стали сами исправлять поступающие статьи. Получив первую такую корреспонденцию, Мария

Ильинична пожурела за плохую правку, выхолащивание образности народной речи, просила присылать письма в их первоначальном виде. Мария Ильинична пыталась воссоздать достоверные картинки заводской жизни, о многих деталях справлялась по телефону, для уточнения сведений посылала на предприятия корреспондентов.

Как-то просматривая почту, Мария Ильинична прочла вслух ответ на запрос «Правды» из Харьковского отделения городского отдела коммунального хозяйства. Один из руководителей этого учреждения писал: «Никаких культурно-просветительных организаций в наших домах нет. Мы не можем заняться этим, ибо мы чисто эксплуатационная организация». «Язык-то какой! — говорила Мария Ильинична, обращаясь к своим помощникам. — Надеюсь, вы оставили эту фразу неприкосновенной, не поправили! Вот и хорошо! В ней он весь, как на ладони...» (Д. Ершов. Большой друг рабселькоров).

Сохраняя своеобразие материалов, М. И. Ульянова вместе с тем следила за точностью выражения мысли, тщательностью литературной отделки текста. Д. Ершов вспоминал о таком случае. Редакция получила письмо от работниц старого уральского завода. Начиналось оно гиперболически: «На нашем заводе не пьют только дымовая труба.» Были в заметке и другие явные преувеличения. В отделе «Рабочая жизнь» их удалили. Мария Ильинична согласилась с правкой: «Если оставить так, как написано, то читатели „Правды“ подумают, что и авторы письма, работающие на этом предприятии, пьянствуют. Надо ли бросать на них такую тень? Не о себе же они говорили...» Не уцелело и такое выражение: «Хотя сторожу около 80 лет, но он еще крепкий и смирный старик». «Не буйный, значит», — рассмеялась Мария Ильинична, подписывая отредактированное письмо в набор.

М. И. Ульянова учила своих товарищей четко выделять основную мысль статьи, заметки. Часто при работе над материалом формулировала ее в начале или выносила в заголовок. Такие корреспонденции скорее привлекали внимание читателей.

В начале лета 1928 года Мария Ильинична получила от группы крестьянок Мелитопольского округа Украины обращение к работникам обувных предприятий. «Мы просим вас изготовлять крепкую и удобную обувь, на низком каблучке, — писали сельские труженицы. — Обувь с высоким каблучком, какую вы нам даете, не позволяет свободно ходить, мы быстро устаем».

Мария Ильинична внимательно ознакомилась с обращением женщин и предложила озаглавить его словами, содержащимися в самой заметке: «Освободите нас от рабства моды!». 7 июня 1928 года обращение мелитопольских крестьянок вместе с письмом 229 башмачников Кимрского уезда Тверской губернии появилось в «Правде».

М. И. Ульянова радовалась каждому сообщению о вооружении предприятий новой техникой, облегчающей труд, об успехах социалистической промышленности. Такие корреспонденции и письма в «Правде» обычно подавались в центре полосы, набирались особым жирным шрифтом. Мария Ильинична требовала, чтобы такие материалы были выделены и живыми, запоминающимися заголовками. В январе 1927 го-

да в газету поступила заметка Н. Алексеевой о Родниковской фабрике, оснащенной новыми автоматическими ткацкими станками. Новинкой гордились, благодарили рабочих отечественного подмосковного завода имени Андрона Климова, изготовивших первоклассное оборудование. На фабрике станки нежно называли «Андронами Климовичами». Прочитав заметку, Мария Ильинична предложила озаглавить ее «Андроны Климовичи». В подзаголовке было обозначено: «Иваново-Вознесенская губерния, Родниковская фабрика» [Д. Ершов. Мария Ильинична Ульянова].

В годы гражданской войны «Правда» выходила на двух полосах. Один из ее редакторов в 1918 году Б. Волин вспоминал, как, давая задания журналистам, М. И. Ульянова просила писать короткие статьи строк по 50, разнообразить их тематику. Эти же задачи Мария Ильинична ставила позднее перед сотрудниками и рабкорами отдела «Рабочая жизнь». «Кое-кто из вас,— говорила она,— пишет, как бы вам сказать, много о малом. А надо бы наоборот — о многом сказать коротко. Это трудно, я знаю... надо терпеливо и упорно учиться...» [М. И. Ульянова — секретарь «Правды»].

Требуя простоты языка, Мария Ильинична сама писала доступно, понятно. Она всегда помнила слова В. И. Ленина, обращенные к партийным публицистам: «Искусство всякого пропагандиста и всякого агитатора в том и состоит, чтобы наилучшим образом повлиять на данную аудиторию, делая для нее известную истину возможно более убедительной, возможно легче усвояемой, возможно нагляднее и тверже запечатлеваемой» [В. И. Ленин, Полное собрание сочинений. Т. 21, стр. 21]. В своих мемуарах М. И. Ульянова использовала богатые выразительные возможности русского языка, вводила элементы поэтического синтаксиса. Они органически вплетались в ткань повествования, делали его легче воспринимаемым. Так в «Воспоминаниях о Владимире Ильиче» Мария Ильинична создает объемные образы: «В. И. Ленин был лабораторией революционной мысли»; употребляет приемы олицетворения: «...река поднимается из своих берегов, делается шире, а льдины несутся вниз по воде, набегая одна на другую, треща и образуя местами заторы»; находит удачные сравнения: «...без этой работы он чувствовал себя, как рыба, выброшенная на берег» [М. Ульянова. О Ленине.] Мария Ильинична широко пользуется лексикой различного стилистического звучания, соотносит книжный язык с просторечием, вводит в текст разговорную речь.

Текст воспоминаний легко читается и благодаря удачному введению прямой речи: «Владимир Ильич стоял всегда за предоставление детям наибольшей свободы и останавливал нас, когда замечал, что мы „одергиваем“ их: „Сиди спокойно, не вертись, не озоруй“»; словесных повторов: «Мы любили смотреть на эту картину, любили прогулки по Венцу»; параллелизм: «Ленин был большим человеком не только по своему уму, по той роли, которую он играл в нашей революции, по той огромной работе, которую он вел во имя освобождения...» [там же].

Насколько внимательно относилась М. И. Ульянова к языку своих произведений, свидетельствуют варианты статей, заметок, сохранив-

шихся и Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Создавая очерк о Марии Александровне Ульяновой, Мария Ильинична вносит в текст многочисленные добавления, исправления. Они помогают уточнить мысль, выразить ее ясно, отчетливо. Описывая жизнь Ленина в эмиграции, Мария Ильинична неточно сформулировала одно из предложений: «Для Владимира Ильича эта разлука [с матерью.— С. К.]— была очень тяжела, и он не раз высказывал желание чтобы она переехала за границу и поселилась вместе с ним». Фраза оказалась автору громоздкой, не совсем удачно выразившей смысл. После правки предложение выглядит так: «Владимир Ильич не раз строил планы о переезде матери за границу и высказывал желание, чтобы она поселилась вместе с ним» (ЦПА ИМЛ, ф. 14, оп. 1 ед. хр. 201, лист 97).

В черновом варианте очерка Мария Ильинична писала о Марии Александровне: «Иногда и ей за компанию с нами приходилось подвергаться аресту. Так было, например, в 1910 году. Мы жили тогда с матерью в Москве». Чувствуя некоторую неточность в изложении важных деталей, М. И. Ульянова в окончательном тексте исправляет абзац: «В 1910 году аресту пришлось подвергнуться и Марии Александровне. Мы жили тогда с матерью в Москве в меблированных комнатах» [там же, лист 107].

Множество поправок встречается на полях рукописи об Илье Николаевиче Ульянове. Рассказывая о его детстве и студенческих годах, Мария Ильинична напоминает, что образование юноше помог получить его старший брат Василий Николаевич. «Василий Николаевич,— писала она,— решил, что даст образование брату. И по окончании гимназии отправил его в Казань в университет, помогал ему и там. Но Илья Николаевич, с детства приученный к труду, стал сам содержать себя уроками. Василий Николаевич не имел своей семьи, личной жизни. Он всю жизнь отдал матери, сестрам и брату, успехам которого радовался, как успехам родного сына». Приведенный отрывок страдал некоторым многословием, содержал повторения, поэтому был подвергнут автором тщательной правке. В книге, опубликованной в 1931 году, он был существенно изменен: «Василию Николаевичу самому учиться не пришлось. Он решил, что даст образование брату: содержал его в гимназии, помогал ему в университете, радуясь успехам, как успехам родного сына» [там же, ед. хр. 190, лист 2]. Абзац выражал те же мысли, высказанные более сжато.

Большое внимание уделяла Мария Ильинична построению предложений, отыскивая наиболее удачный порядок слов. Первый вариант текста: «Много выдержки и педагогического такта проявляла наша мать в воспитании детей своих» — после переделки звучит логичнее: «В воспитании своих детей наша мать проявляла много выдержки и педагогического такта» [там же, ед. хр. 201, лист. 112].

Эти примеры кропотливого труда М. И. Ульяновой над языком своих произведений характерны для многих литераторов ленинской школы. Прошедшие большой путь в журналистике рядом с В. И. Лениным, они укрепляли и развивали лучшие традиции большевистской и со-

ветской печати, все теоретические знания и богатейший опыт передавали собратьям по перу. Помогая начинающим журналистам, М. И. Ульянова с большим тактом указывала на отдельные промахи в их первых произведениях советовала глубже всматриваться в сущность явлений, учиться у жизни, тщательно проверять факты. Редактируя статьи рабочих корреспондентов, Мария Ильинична пыталась сохранять индивидуальность стиля, своеобразие манеры подачи материала, требовала этого и от работников редакций. Она следила за точностью выражения мысли, учила писать кратко, доступно, образно. Изучение мастерства М. И. Ульяновой-редактора будет в значительной мере способствовать повышению профессионального уровня журналистов и в наши дни.

С. В. КАРАВАШКОВА,
преподаватель МГУ имени М. В. Ломоносова

Республиканские, краевые, областные

Сотрудники кафедр стилистики русского языка и редакционно-издательского дела факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова изучили язык и стиль 125 республиканских, городских и областных газет за 1967 год, выходящих на русском языке. Материалы исследования помогают сделать много интересных и важных для практики газетного дела выводов.

Краткий обзор материалов для журнала подготовил кандидат филологических наук Г. Я. Солганик.

Язык советских газет, в частности республиканских, краевых, областных, отвечает в целом своему назначению — в яркой, живой форме, просто и доступно запечатлеть достижения советского народа, строящего коммунизм, служить острым и эффективным средством партийной пропаганды и агитации, метко и гневно бичевать пороки и недостатки, тормозящие движение нашего общества. Слово газеты — коллективного пропагандиста, агитатора и организатора — должно быть ясным, точным и действенным.

Форма и содержание в газетных материалах, как и в любом другом словесном произведении, тесно взаимосвязаны. Важная, актуальная тема может быть дискредитирована неумелым ее раскрытием, вялыми языковыми средствами. Речевые штампы, многословие и другие недочеты стиля снижают публицистическое звучание злободневных по содержанию газетных материалов. Поэтому проблемы культуры газетной речи, несомненно, имеют острое политическое значение.

Анализ газет показывает, что культурно-языковой уровень нашей современной печати значительно вырос по сравнению с периодом 20-30-х годов, когда предпринимались первые попытки научного изучения языка газеты. В тот период основной была проблема литературности газетной речи: повышение грамотности работников печати и преодоление бедности их языка.

В условиях значительного культурного роста страны проблему языковой грамотности можно считать в целом решенной. Грамматические,

орфографические, пунктуационные ошибки, хотя и встречаются в газетах, но не носят систематического характера. Значительно обогатился словарь, расширился инвентарь речевых средств и приемов. Широко используется богатая русская фразеология. И все же забот об улучшении языка журналистов пока хватает. Теперь на первый план выдвигается не нормативная языковая грамотность, а высокий стилистический уровень, повышение действенности газетного языка с точки зрения влияния печати на массы. Это особенно важно в условиях острой идеологической борьбы и активности враждебной пропаганды.

По мере стабилизации языка возникает опасность нивелировки, равнения газетчиков на какой-то условный образец. В результате, из большого количества газет трудно выделить такие, которые имели бы собственное «языковое лицо». Можно отметить различие в уровне литературного мастерства, в приемах обработки и подачи материала, но в целом характер языка многих газет одинаков. И средний уровень газетной речи не всегда свободен от серости и безликости.

Во многих редакциях недостаточно занимаются языком газетных материалов, поисками свежих речевых средств, приемов, образов.

Проблема выразительности газетной речи может быть рассмотрена с нескольких сторон. Первая из них — богатство словаря, использование стилистически разнообразной лексики и фразеологии.

Передовая статья, корреспонденция — наиболее «трудные» с точки зрения выразительности, но вместе с тем и важнейшие газетные жанры. Тем отраднее, что во многих газетах из них изгнаны сухость и общие фразы. Так, привлекает внимание передовая статья «Тверже поступь» в «Советской Татарии» (8 октября). Язык этой статьи разнообразен, эмоционален.

Можно отметить живо, доходчиво написанные материалы «Ставропольской правды» — «На пути к заветной цели» и «Заводские кулинары» (15 декабря), очерк И. Казина «Конструктор» в газете «Челябинский рабочий» (3 января), корреспонденцию В. Степаненко «ВДНХ-67» в газете «Целиноградская правда» (23 декабря). Выделяются в языковом отношении талантливо написанные очерки В. Филимонова (газета «Советская Кубань»). Хорош фельетон В. Кормильцева «Мой лейтенант» в газете «Ленинская правда» (орган Карельского обкома и Петрозаводского горкома КПСС).

Но, к сожалению, часто в газетах встречаешься с бедностью речи, лексическим монотонном, тавтологией. Для многих журналистов «лошадь только лошадь», если воспользоваться словами К. И. Чуковского, а «не конь, не кляча, не вороной» и т. д.

Пишут, например: «Вместе решили они, как лучше, с пользой, использовать землю, чтобы вырастить на них хлеба»; «Особенно сложная обстановка сложилась на полях во время уборки».

Встречаются случаи назойливого повторения не только отдельных слов или выражений, но иногда и целых абзацев, что свидетельствует или о небрежности в работе редакции, или о беспомощности автора. Приведем два отрывка из одной и той же газеты (корреспонденции за 27 и 31 декабря):

На исходе 1967-й год, год полувекового юбилея Октября. Как всегда, в преддверии Нового года редакция обращается к своим друзьям-читателям за советом и помощью. Только при участии широкого круга рабочих и сельских корреспондентов, активистов, всех читателей мы сможем сделать газету еще боевitee, содержательнее, интереснее для самых различных слоев населения.

С проблемой лексической бедности тесно связана трафаретность, штампованность газетных материалов. Для многих журналистов некоторые особо излюбленные слова вытеснили все возможные их синонимы. Так, на все лады варьируется слово **рубeжи**: Рубежи кооператоров; Рубежи намечены крутые; Намечены новые рубежи; Уверенно идем к новым рубежам; Выйти на плановые рубежи; Высокие рубежи и т. д.

К таким же излюбленным оборотам относится, например, выражение **вести разговор**. Молодежная газета делится с читателями своими планами на 1968 год: «На четырех ее страницах должна найти отражение вся жизнь молодых иркутян-сибиряков — богатая, яркая, полная мужества и трудового героизма...». Значение такого программного выступления редакции очевидно. Однако, если принять его на веру, планы газеты сводятся к разговорам: «...мы и дальше будем вести разговор о высокой чести быть членом ВЛКСМ»; «...вожатые, учителя и педагоги — ведут большой, важный и интересный разговор...»; «Мы поговорим о том, что это — должность или профессия — советский офицер»; «...учителя, представители интеллигенции... ведут в газете разговор о времени, о своих товарищах по труду, о себе».

Этот пример достаточно убедительно показывает, как снижает звучание нужного и важного материала стилистическая небрежность.

Трафаретными могут быть не только некоторые обороты, словосочетания, но и целые материалы. В газетах часто выступают колхозники, рабочие, представители интеллигенции, но их язык работники редакций часто лишают индивидуальных примет, обезличивают. Вот типичное начало такого материала, к сожалению, часто повторяющееся: «Отмечая полувековой юбилей Советского государства, невольно задумываешься над тем, что принесли Октябрьская революция, социалистический строй литовскому крестьянину. По возрасту я ровесник Октября, и на моих глазах в сельской жизни произошли и происходят радостные перемены».

Нередко трафаретны, однообразны заголовки.

Слишком часто повторяются одни и те же слова: «Самое большое богатство — это братство» (заголовок рифмованный), «Великое братство», «Дружба, братство», «Праздник братства народов», «Великий праздник братства», «Доброе содружество», «Дружбой мы сдружены», «Нашей дружбе крепнуть!», «По маршрутам дружбы», «Их сдружил

корабль», «Праздник дружбы продолжается» и т. д. (все эти примеры из одной газеты).

В очерковых материалах, зарисовках нередко штампы портретных характеристик (широкие упрямые скулы; мохнатые нависшие брови; нависшие брови; упрямо сжатый рот и т. п.): «А если мимоходом речь коснется забавных моментов, Егор Макарович, хитровато щуря глаза под густыми бровями, весело, совсем по-юношески, засмеется. И сразу видишь перед собой человека с душой, распахнутой для всех».

Таким образом, однообразные штампы речи и композиции отдельных частей материала — серьезнейший недостаток, снижающий публицистическое звучание газетных выступлений, их влияние на читателей.

Образные средства — один из важнейших источников выразительности речи. Но пользоваться ими следует умело, осторожно. А нередко на газетной полосе встречаем одно и то же: черное, белое, зеленое (и т. д.) золото; голубые экраны; голубые корабли (комбайны); белая страда (уборка хлопка) и т. п. Особенно удручающее впечатление производят эти сомнительные образы в речи героев: «Дело все в том, что у нас началось раньше и дружнее раскрытие коробочек, — рассказывает председатель артели тов. Сафаров. — Это позволило начать „белую страду“ на пять дней раньше прошлогоднего»; «Хочу внести свой вклад в борьбу за большой таджикский хлопок. Я решил посвятить этому свой трудовой отпуск». Часто встречается нагромождение эпитетов: «В глухих раскидках спят в новогоднюю ночь в теплых берлогах сытые медведи».

Чрезмерное сгущение средств словесной выразительности делает текст тяжелым: «Из-за дряблых, жалостно свисших век смотрело неутешное горе. Это горе изожгло глаза, выцветило, истончило их, вышло скало в соленых слезах, осело в темных подглазных впадинах, sjалось в морщинках, скопилось светлыми крупками у переносицы».

Однако наиболее опасная тенденция в использовании образных средств — это ложная литературность, искусственная эмоциональность, что приводит нередко к фальши, слащавости, сентиментальности: «Это было в один из теплых дней на закате солнца. Вокруг, как в заколдованном царстве, стояла абсолютная тишина. Сидя на ступеньке деревянной длинной лестницы санатория, спускавшейся к Иртышу по крутому, заросшему травой и кустарником откосу, Галина Алексеевна устремила взгляд на окрестности загорода. По ее загоревшему, благородному, уже немолодому лицу скользил луч какой-то восторженности. Немного ссутулившись и подавшись всем корпусом вперед, она, казалось, хотела вспорхнуть и мчаться в беспредельную даль».

Манерность, вычурность стиля, стремление писать красиво проявляются, к сожалению, во многих газетах. Приведем еще один характерный отрывок: «Казалось, судьба этой хрупкой девушки, безжалостно брошенной в лавину страшных бед, решена, и она неизбежно погибнет, раздавленная этим слепым колесом нелепостей. Но совершается чудо!».

Создается впечатление, что образные средства языка нужны авторам для того только, чтобы сдобрить ими материал, насыщенный не-

понятными терминами, канцеляризмами, штампами. Конечно, есть и статьи, в которых метафоры, сравнения, эпитеты органично вплетаются в текст.

Выразительность газетного языка зависит не только от богатства лексики и фразеологии, употребления образных средств, но и от строя речи, ее синтаксиса. Бедность синтаксиса утомляет читателя не меньше, чем монотонность лексическая. Разнообразием синтаксического рисунка отличаются немногие газетные материалы. Можно назвать репортаж Г. Орловского и Л. Леонидова «В степи мое сердце». Авторы умело используют такие сравнительно редкие в практике журналистов средства поэтического синтаксиса, как анафора, повтор, антитеза.

Оживляет газетный материал использование присоединительных конструкций, свойственных разговорному стилю речи: «Да, газопровод — это испытание. Испытание приборов. Испытание техники. Испытание людей. Проверка на прочность» («Заря Востока»).

Разговорно-просторечные синтаксические конструкции, как и соответствующие лексико-фразеологические средства, можно использовать в качестве приема, оживляющего изложение. Однако нередко разговорно-просторечные словосочетания и предложения нарушают стилистические нормы: «Как-то в уборку приехал из района председатель»; «По уговору секретаря Алексей оформился заочно в техникум»; «По этому коллективу равняются остальные».

Многие авторы злоупотребляют сложными, громоздкими предложениями, понять которые довольно трудно: «Отставание этих районов объясняется несвоевременностью подготовки мастерских и в первую очередь помещений и станочного оборудования, недостатками в оснащении рабочих мест инструментом, приспособлениями, техническими условиями на ремонт, в обеспечении культурно-бытовых условий для рабочих».

Синтаксические средства русского языка очень разнообразны. Задача журналиста заключается в оправданном использовании той или иной конструкции, в умелом применении сравнительно редких оборотов. В арсенал языка журналистов должны войти и средства письменного, и разговорного, и поэтического синтаксиса. Все это многообразие приемов станет действенным оружием против сухости, вялости речи.

Важнейшие требования, предъявляемые к языку газеты как средству массовой коммуникации, — это ясность, доступность, простота изложения. Однако газетчики нередко еще злоупотребляют иноязычными словами, которые непонятны многим читателям. Часто ученые слова используются явно не к месту: «В спортивной ходьбе на 5 и 10 км доминировал Анатолий Третьяков»; «Надо еще иметь в виду, что дислоцированы магазины в Ашхабаде далеко не лучшим образом»; «Все тельчики имеют данные о происхождении, правильный экстерьер. Думаем, что из них тоже получатся хорошие коровы».

Узкоспециальная лексика нередко дана без всяких разъяснений: «Вот, например, Саша Мизгирев. Он изготавливает приспособления для холодной штамповки, делает проверку угольников, изучил шабровку и

притирку по плоскости»; «Для транспортировки зерна в верхний бункер применяются нории».

Многие материалы газет перегружены цифровыми данными. Это, конечно, затрудняет восприятие текста.

К неясности приводит столкновение в тексте слов, не сочетающихся друг с другом: «Богатейшая галерея конских портретов, а также жанровых охотничьих и батальных сцен поражает своей изумительной точностью»; «Поля будут заправлены сполна»; «Между собой геологи зовут его (месторождение) „Дружба“».

Нередки ошибки в использовании фразеологизмов: «Желает лучшего положение дел в ...организациях общества»; «На вес золота хранятся в кладовых семена клевера и тимофеевки».

Портит язык газеты многословие: «Перед весенней страдой соревнующиеся между собой коллективы посылают друг к другу общественные комиссии, чтобы взаимно проверить выполнение социалистических обязательств, указать на допущенные недоделки и промахи». В понятие **соревноваться** уже включено значение 'между собой'; невозможно указать на недоделки и промахи, которые не были «допущены».

«Прокладывая дорогу ускоренному воспроизводству поголовья овец, чабаны хозяйства преисполнены решимости быстрее двинуть вперед основную отрасль совхозного производства».

Злоупотребление словами и выражениями официально-делового стиля резко ухудшает качество языка газет, снижает его изобразительные возможности, делает его малодоступным: «Пивоваренный завод и фабрика „Аккорд“ скрыли от переписки имеющиеся в наличии дефицитные материалы»; «Кроме того, здесь... имеет место выплата штрафов за невыполнение договоров».

Широко распространен канцелярский предлог **против** в значении 'по сравнению': «...общезаводские потери от брака сокращены против 1960 года на 0,4%»; «В прошлом году прибыль от свиноводства составила 98,3 тысячи рублей против 139 тысяч рублей убытка».

Среди нарушений грамматических норм наиболее часты ошибки, связанные с выбором падежа: «Вот и дождались калужские любители футбола тот день, когда чемпионат страны пришел в наш город».

Встречаются ошибки в управлении (иногда связанные с подменой однокоренных слов): «Предстоит посеять 3000 гектаров ранних зерновых» (вместо: засеять... ранними зерновыми, или: посеять на 3000 гектарах... зерновых); «Все были взволнованы от радости»; «Около 40 тысяч рублей прибыли совхоз получил на производстве говядины».

Язык республиканских, краевых и областных газет в целом отвечает своему назначению. Здесь много ярких, боевых, интересных в языковом отношении материалов. Однако публицистическое воздействие газеты на читателя невелико, когда в редакции мало внимания уделяют поискам выразительных средств, приемов, которые оживляют материал. Без этого трудно рассчитывать на повышение читательского интереса к газете. Богатства русской речи — в лексике, фразеологии, морфологии, синтаксисе — надо использовать в полной мере.

Автор говорит со зрителем

Однажды А. П. Довженко заметил, что в фильме слово используется только в диалоге и что не следовало бы забывать о таком интересном и действенном приеме, как авторский голос в форме дикторского закадрового текста. Дальнейшая практика кинематографа подтвердила правоту Довженко: авторский голос стал полноправным средством киновыразительности. Казалось бы, он ничем не отличается от таких приемов, как монтаж, выбор и композиция материала. Но в то же время он непосредственно передает мысль создателя фильма, его точку зрения.

Закадровое слово, а также и весь словесный материал фильма, зависят от жанра произведения, от изобразительного ряда, наконец, от личности автора. И все-таки «голос от автора» имеет свои особенности.

В статье «Живое слово с экрана» («Русская речь», 1969, № 2) А. Е. Баляхин высказал верную мысль, что современный кинематограф должен «в большей степени, нежели книга, оснащать речь современными разговорными выражениями», что «слово экранное обладает гораздо меньшей нормативностью, чем слово печатное». Одна из интересных особенностей современного искусства, и советского, и вообще мирового, состоит в повышении роли авторского голоса в фильме и одновременно увеличении доли разговорного языка в авторском монологе. Но авторский голос упорнее, чем диалог, сопротивляется этой тенденции. Речь автора ближе к нормативной речи, более литературна. Часто именно поэтому авторский голос так явно и ощущается как прием искусственный.

Справедливо отметили В. И. Лукинский и Л. Н. Нехорошев («Русская речь», 1969, № 5), что среди кинематографических жанров легче всего впитывает в себя разговорную речь комедия. Именно в комедийных фильмах голос автора получает наибольшую свободу. Следуя давней, идущей от театра (а если заглянуть еще дальше, от балагана) традиции, автор играет роль комментатора или даже просто конференсье. Это дает ему возможность приблизить свою речь к разговорной. Комментарий в кинокомедии непосредственно обращен к зрителю. Авторский текст расцвечен остротами, каламбурами, просторечиями. Речевыми (и изобразительными, конечно) средствами создается тот определенный комедийный стиль, который условно можно назвать «низким» стилем. Одним из основных стилистических приемов авторского повество-

вания в комедийном фильме становится пародия, столкновение речевых пластов.

В комедии «Берегись автомобиля!» авторский текст — пародия на детектив. Пародируется интрига, серьезность событий. Авторский голос не просто серьезен, а порой и высокопарен. Комична серьезность, с какой голос за кадром излагает «захватывающие события» языком заурядного, серийного детектива. Но и в эту, в целом однородную, словесную ткань вклипывается разговорная речь, когда автор прерывает свой рассказ, чтобы передать мысли одного из героев — Максима Подберезовикова.

— Максим был вне себя. Воспоминания жгли его сердце.

Как ловко скрывал Деточкин интерес к розыску главаря. Лицемер! Как он угнал машину при помощи автокрана! Подлый выдумщик, вор, предатель, он предал самое дорогое — дружбу! И нет пощады такому человеку.

В фильме «Скверный анекдот» пародийные тона сменяются гротескными, а ирония уступает место сарказму и сатире. Создатели фильма имели в распоряжении прекрасный языковой материал рассказа Достоевского, и оставалось лишь отобрать из авторского повествования те реплики, которые соответствовали бы изобразительному ряду. Из огромного (по сравнению с возможностями экрана) материала авторы фильма взяли лишь характеристики главных героев. В сочетании со стоп-кадром эти своеобразные ремарки создали насыщенные портреты действующих лиц. Создатели фильма сохранили авторскую диалогическую интонацию, обращение к собеседнику (к кинозрителю) и передали в этих небольших вставках-монологгах богатство языка Достоевского, для которого характерны «резкие и неожиданные переходы от пародии к внутренней полемике, от полемики к скрытому диалогу, от скрытого диалога к стилизации успокоенных житейских тонов, от них опять к пародийному рассказу» (М. М. Бахтин. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1965).

Оба фильма, о которых шла речь, опирались на определенную традицию в оформлении авторской речи. В одном случае в основу авторского комментария были положены приемы юмористической литературы, в другом — гротескный и диалогический стиль прозы Достоевского.

Фильм «Обыкновенный фашизм» принадлежит к художественно-документальному жанру. Здесь сложилась своя традиция в способах использования авторского голоса. Во-первых, как фильм исторический, смонтированный из хроникальных материалов, «Обыкновенный фашизм» должен был сопровождаться лекцией. Во-вторых, по тем же причинам автор фильма должен был придерживаться точности при цитировании. Наконец, в-третьих, автору следовало, имея в виду исторический и политический характер картины, отдать предпочтение краскам публицистическим, отказаться от личных интонаций, сделать авторский голос «голосом истории». Но фильм во многих отношениях оказался новаторским.

Первое отступление от традиции в том, что авторский текст не был написан заранее, он был рассказан в процессе создания фильма. Это уже предполагало отступление от литературных норм и приближение к разговорному языку. Авторский голос передавал течение, становление мысли, со свойственными этому процессу отступлениями и паузами. Второй новостью было то, что текст за кадром произносил сам автор — Михаил Ромм. В «Обыкновенном фашизме» не стало традиционной фигуры посредника между автором и зрителем — диктора. Живой рассказ автора призвал зрителя к сотворчеству. Естественно, изменилась и языковая норма авторской речи. Легче всего проследить эти изменения при сравнении одинакового документального материала в фильмах разных эстетических систем.

В начале фильма показаны кадры фашистской хроники, широко использованные во многих документальных лентах: по дороге идут немецкие солдаты в запыленных гимнастерках, они весело улыбаются в объектив киноаппарата. В фильме А. Довженко «Битва за нашу Советскую Украину» эти кадры сопровождается следующий текст:

— Вот они — гитлеровские мерзавцы. Вот он, позор человечества. Смотрите, ненавидьте, презирайте проклятых убийц наших детей, растлителей наших сестер. Не забывайте и не прощайте ни одной материнской слезы.

А вот те же кадры в фильме Ромма, смонтированные с фотографиями, которые фашисты носили на память в карманах:

— Шли веселые ребята по нашей земле. Такие симпатичные, красивые, воспитанные. Работали (солдаты порют человека, лежащего на скамье) и отдыхали (солдат у патефона), и снова работали (офицер надевает петлю на шею девушке).

В одном случае — «высокий», гневный и патетический тон судьбы, призыв. В другом — горькая ирония, переходящая в сарказм.

Ирония — постоянный элемент авторского голоса в «Обыкновенном фашизме». С помощью иронического комментария автор пробуждает в зрителе критический взгляд на события, вскрывает античеловечность фашизма, не только показывая его злодеяния, но и выводя на свет его напыщенность, театральность, мещанскую ограниченность. Этот прием стилистического снижения последовательно используется и в цитатах:

— Гитлер как-то сказал: «Мне нужны люди с крепкими кулаками, которых не остановят принципы, если нужно укокошить кого-нибудь... А если они сопрут при случае часы, — добавил Гитлер, — ну, что ж, не беда».

Авторская речь в фильме пересыпана междометиями, вводными словами, повторами, которые не только замедляют повествование, но придают рассказу характер незавершенности, особую форму задушевного разговора со зрителем. Контакт со зрителем ненавязчив. Где-то в середине эпизода, незаметно, как бы проходя, брошена фраза «нам с вами» или «вы думаете». И только вспомнив весь фильм, убеждаешься, что автор ни на минуту не покидал

вас: останавливал («Вы думаете, это очередной парад? Нет, это Гитлер посещает выставку скульптуры и живописи»), выделял какой-нибудь особенно важный момент («Вот это Гесс идет»), непосредственно обращался к нам с призывом («Поглядим на детей третьего рейха»). Авторский текст в фильме «Обыкновенный фашизм» обладает двумя отличительными чертами: максимальной приближенностью к современному разговорному языку и непосредственной обращенностью рассказа к зрителю.

Авторский голос давно утратил роль простой информации. Он стал полноправным и разнообразным по своей стилистике приемом оформления словесного материала в кинематографе. Его приближенность к живому разговорному слову может быть различной (скажем, стихотворный комментарий будет достаточно отдален от разговорной речи). В этих заметках речь шла лишь о кинокартинах одного типа: о фильмах, отразивших характерное для современного искусства стремление сделать зрителя «соавтором» произведения.

Ю. А. КУЗНЕЦОВ
Ленинград

Речь в «языке кино»

Речь в кино и «язык кино» — эти понятия соотносятся как частное и общее, многообразное, широкое. «Язык кино», как известно, складывается из множества разнородных элементов, среди которых немаловажную роль играет речь.

Будучи одной из форм употребления языка, речь кинофильма в значительной мере становится объектом языкознания. Кинофильм стал таким же языковым памятником эпохи, как и произведение художественной литературы: его также в любом случае можно «перечитать». Будущий историк русского литературного языка вправе искать в нем отражение произносительных и других норм языка нашей эпохи. Нам кажется, наряду со «стилистикой кино», сугубо кинематографической наукой, должна существовать «стилистика речи в кинематографии» как особый раздел «общей искусствоведческой стилистики» (по классификации академика В. В. Виноградова).

Являясь мощными средствами идейного и эстетического воспитания, кино и художественная литература одновременно пропагандируют языковые нормы эпохи.

Речь в художественной литературе имеет письменную форму и лишь приблизительно отражает произношение, в кино же, наоборот, звучит живая речь эпохи со всеми свойственными ей особенностями; письменная речь здесь выступает в качестве иллюстраций редко. Слово в художественной литературе — единственный материал для лепки образа, выражения идейного содержания, реализации сюжета.

Речь в озвученных фильмах — одно из важнейших средств раскрытия характера, но далеко не единственное. В неозвученном кино нет приема речевой характеристики. Это вызывает потребность в других средствах, способных «заменить» собою речь в раскрытии образа персонажа. Такими сред-

ствами могут стать тонкое мастерство актера, использование единственно нужных и уместных движений, выразительных, но естественных ситуаций.

В отличие от речи в художественной литературе в кино налицо только диалогическая речь (не считая случаев применения «закадрового» голоса автора). Как и в художественной литературе, диалогической речи в кино свойственны некоторые характерные черты. В отличие от авторской речи в ней могут преобладать элементы разговорного языка. Но не все, что может выступать в «разговоре» представителей разных прослоек общества, должно квалифицироваться как язык разговорный. И под предлогом того, что сферой применения разговорного языка является устный диалог, не следует насыщать речь персонажей фильмов «вольностями»: за искаженные русские слова, за «сочную» брань современный зритель ни сценариста, ни режиссера новатором не назовет. Логика здесь проста: тот, кто и по сей день употребляет в своей речи *геперича*, такое словоупотребление в кинофильме примет за должное, а других им не рассмешишь. Ведь это избитый, изношенный и крайне наивный прием, давно осужденный классиками русской литературы.

Борьба за чистоту и правильность русской речи — святая обязанность кинематографа. А. П. Чехов в письме к Ал. П. Чехову предупреждал: «Берегись изысканного языка. Язык должен быть прост и изыскан. Лакеи должны говорить просто, без *пуцай* и *геперича*». Читая мудрые слова непревзойденного в русской литературе стилиста, невольно удивляешься, почему наши крестьяне и молодежь все еще с экрана произносят *пуцай* и *геперича*.

Искусство не может восприниматься всеми с одинаковой глубиной, но в отличие от науки оно как бы дает возможность зрителю и читателю «домыслить», восполнить своим воображением недосказанное. Однако независимо от уровня культуры зрителя или читателя автор каждого законченного художественного произведения должен добиться того, чтобы основное его содержание всеми воспринималось одинаково.

На экранах часто можно видеть и безмерно «говорливые» фильмы. Речь в таких фильмах утомительна: она как бы берет основную функцию актеров на себя. Мысль в нескончаемом потоке «жует» и раздробляется, умерщвляется «секрет» искусства, зритель чувствует, что ему не доверяют, у него исчезает напряжение, и в итоге он с нетерпением ждет конца фильма.

Речь в кино должна быть сдержанной, компактной и эмоциональной. Обращаться с речью кое-как, небрежно — значит мыслить небрежно и кое-как. Говорить много — еще не значит сказать многое. Кинофильм, как и любое произведение искусства, должен учить думать, мыслить и «домыслить», но это не значит, что можно возложить на зрителя обязанность «создания собственного текста». В таком случае, кинофильм может иметь столько «текстов», столько толкований, сколько зрителей.

Не совсем понятна мысль А. Е. Балихина о том, что «слово экранное обладает гораздо меньшей нормативностью, чем слово печатное». А. Е. Балихин пишет: «Несправедливо было бы предположить, что зритель станет копировать плоскую речь персонажей, возьмет на вооружение их избитые остроумия или неумеренную ругань». А. Е. Балихин пытается узаконить неписанную норму языка, не предусмотренную ни одним кодексом. Он утверждает, что в кинематографии допустимо «несколько более вольное» обращение с языком, чем в художественной литературе. С этим нельзя согласиться.

Советские кинематографисты ведут непримиримую борьбу против рецидивов натурализма. Нужны ли нашему зрителю избытые остроты, плоская речь и неумеренная ругань? На наш взгляд, от такой «защитительной» речи кинокритика откажется вдумчивый режиссер и сценарист.

Находясь на правильном пути развития, наша кинематография должна бороться против часто повторяющихся «образов-эталонов», фальшивых, неубедительных, доведенных до схемы, в которой искусственность формы застилает собою живое движение человеческой души.

Г. К. САМВЕЛЯН,
доцент Ереванского педагогического института
имени В. Я. Брюсова

Сценарий

Возраст кино — почти семь десятков лет. Киносценарий как литературная основа фильма появился значительно позже. Первые фильмы снимались без сценариев.

Сценарий двадцатых годов — это контурные обозначения внешности героя и его действий, это надпись-пояснение и надпись-диалог, вмонтированные в фильм. Сценарий сегодня — самостоятельный литературный жанр. Он развивается по законам двух родов искусства — кино и литературы.

Как новый жанр литературы киносценарий представляет собою очень богатый, разнообразный, живой материал для общезыковедческих и стилистических исследований. Своеобразие сценария состоит в том, что в нем как бы сосуществуют два текста — диалог (или монолог) героев и описательный текст. Они сильно отличаются друг от друга и лексикой и формами синтаксиса.

Описательный текст — основа зрительного ряда фильма. Этим определяется точность, конкретность и наглядность его стиля и языка. Для него характерны нейтральная лексика, глаголы направленного действия, преимущественно совершенного вида, существительные предметного значения, прилагательные, описывающие цвет и звук и т. п. Предложения простые, двусоставные, мало-распространенные, грамматически прозрачные по своему строению. Изучение этого речевого пласта дает основание говорить о его известной

лексической и синтаксической ограниченности.

Диалогу присущи все признаки разговорной речи с ее беглостью, недоговоренностью, экспрессивностью. Мы встречаем формы обращения, разговорную и просторечную лексику, эллипсисы, обусловленные ситуацией на экране, своеобразный синтаксис.

Эти два столь различных речевых потока имеют и черты общности. Целостность сценария определяется содержанием произведения и — в очень большой степени — индивидуальной языковой и стилистической позицией автора.

«Образ автора — это внутренний стержень, вокруг которого группируется вся стилистическая система произведения» (В. В. Виноградов. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. М., 1963).

Образ автора большей частью не находит непосредственного воплощения в фильме (исключая случаи, когда в фильм вводится текст «от автора»). За тем, что происходит на экране, автор наблюдает как бы со стороны, его позиция сливается с позицией кинокамеры. Чем обособленнее позиция автора, тем спокойнее, нейтральнее его речь. Он лишь называет и коротко комментирует то, что происходит на экране. Чем ближе автор к своим героям, тем эмоциональнее его речь. Как одна из разновидностей образа автора выступает осложненный образ автора-зрителя. Тогда в сценарии появляется авторское «мы»:

Таня, стоявшая невдалеке, слушала этот разговор и смотрела на председателя восхищенно и грустно... И точно так же смотрела на него с другой стороны Стешка — и такой мы ее еще не видали... («Отчий дом»).

Уже первые прохожие попадают навстречу. Вот показался молодой солдат с чемоданом в руках. Переглянулись. Переглянулись и разошлись. А мы пойдем за солдатом. Он спешит, его торопливый шаг гулко отдается в тишине улиц («Мне двадцать лет»).

Иногда автор позволяет себе приблизиться к герою, показать, что на какой-то момент его действия, его мысли и ощущения совпадают с действиями и мыслями героя. Тогда по-

являются в сценарии формы несобственно-прямой речи: Сергей, герой фильма «Мне двадцать лет», впервые увидев Аню, незаметно следует за ней:

Вокруг бурлит уличная толпа, и девушки нигде нет. Она пропала, растворилась в сутолоке.

Что теперь делать? Эх, идиот!..

Вот она..! Пьет газировку!

Идет по улице.

Покупает банку овощных консервов с лотка.

Просматривает у газетного киоска журнал мод.

Неслышно шевелит губами за стеклом автоматной будки.

Идет дальше.

Сергей неотступно следовал за ней в сутолоке московских улиц, не отставая и не приближаясь.

Отрывок начинается с авторской речи, содержащей совершенно нейтральное сообщение. Но уже следующее предложение выражает нарастающее ощущение потери. Слова *пропала, растворилась* принадлежат и авторам и Сергею. Третье предложение — включение очень эмоциональной внутренней речи Сергея. Затем снова речь автора и героя (Вот она!.. Пьет газировку!). Но эти два восклицательных предложения в большей мере принадлежат герою, выражая его чувство радости. В по-

следующих предложениях ощущения героя отодвигаются на задний план, автор и Сергей уже спокойнее констатируют действия Ани (просматривает, покупает, идет), и, наконец, появляется чисто авторское — «Сергей неотступно следовал за ней...».

В сценарии Г. Полонского «Дождим до понедельника» несобственно-прямая речь, более экспрессивная, очень близка к внутреннему монологу. Элемент авторского восприятия здесь обнаруживается из широкого контекста:

Молоденькая учительница английского языка ошеломлена и напугана ужасно. *Сорвали урок! Совсем озверели от восторга, их теперь не унять, не перекричать. Весь авторитет — коту под хвост!* В глазах у нее стояли слезы.

Наблюдая поток авторской речи в целом, мы можем проследить индивидуальную авторскую языковую тенденцию. Так, особенность сцена-

рия Б. Метальникова «Отчий дом» — простонародный, несколько архаичный колорит языка автора:

И засверкала, заискрилась разными цветами доселе одноцветная белая роса на траве.

Могучие, разлапистые ветлы свешивались над водой, созерцая свое отражение.

Пиршество достигло уже той стадии, когда забывают о его виновниках и всяк развлекается как хочет и умеет.

Кто-то, входя последним, шмякнул об порог старый горшок, разлетевшийся вдребезги.

Три! — встревает Наталья Авдеевна. — Вернулась.

М. Худиев, Г. Шпаликов, Г. Полонский, как и некоторые другие авторы фильмов о современном молодом поколении, тяготеют к разговорной манере молодежи:

И только теперь, поняв всю радость, неожиданно свалившуюся на нее, она рванулась от двери, обхватила сына руками, всем лицом прижалась к нему («Мне двадцать лет»).

За домами, на заросшем травой пустыре, подростки и совсем взрослые парни гоняют в футбол (там же).

На поле удивленно оглянулись, а он, приняв мяч на голову, ткнул его в землю и неожиданно повел его прямо к воротам (там же).

Они едва успели перемахнуть через невысокую чугунную ограду (там же).

Несмотря на то, что и в описательном тексте встречаются в той или иной мере элементы разговорной речи, в целом здесь преобладает нейтральный стиль литературного языка. Диалог — вот та часть сценария, где очень широко и свободно в различных художественных целях используются разговорные и просторечные слова, формы слов, фразеологические

сочетания. Они служат для речевой характеристики героев, выступают как приметы места и времени. Разговорные слова придают речи ту или иную стилистическую окраску.

Так, разговорно-просторечные, несколько устаревшие слова и фразеологические обороты свойственны героям фильма «Отчий дом», коренным жителям деревни:

Совсем моя девка сомлела.

Ну, спи безбоязно... у нас тут лихих людей нету.

Повиниться я хочу...

Подмога дюжистая!

Что же ты вырядилась, ровно на гулянку собралась?

Топором невзначай тюкнул.

Парное молоко самое полезительное...

А на людях нечего языком боронить...

На этом фоне выделяется литературно-правильная, «городская» речь Тани. Но у нее, девушки очень современной по внешнему облику, нет в лексиконе ни одного слова из молодежного жаргона. Поэтому ее литературно-нейтральная речь лишь выделяется на фоне речи простонародной, но не диссоциирует с ней. Таким об-

разом выдерживается стилистическая цельность произведения.

В сценариях «Мне двадцать лет» и «Доживем до понедельника» разговорные слова и формы — по большей части приметы современного стиля речи. Ср. частое употребление в нашей повседневной речи таких слов и выражений, как:

Лезь, а то прозвеем.

Деликатничаете, да?

Вымоталась за день.

Мы тут все закисло.

...Разговаривать на равных... («Мне двадцать лет»).

Разговорная лексика применяется и для индивидуализации речи персонажей: неожиданное сочетание в воспоминаниях матери Сергея («Мне двадцать лет»): «Но зато уж потом я напугалась вдоволь». По Словарию Ожегова, *вдоволь* 'до полного удовлетворения, вполне достаточно'. В данном же контексте значение слова скорее отрицательное — в той ситуации героине было страшно до слез.

В диалогах иногда встречаются слова, стоящие на грани литературного употребления, в той или иной степени приближающиеся к арго и вульгаризмам. Случаи употребления таких слов требуют внимательного, дифференцированного анализа. Оценка целесообразности, даже неизбежности употребления таких слов зависит от идейно-художественных задач, которые поставил перед собой автор, от того, в чьи уста вложено слово, в какой степени оно понятно для всех поколений говорящих. Мо-

Сергей молчал.

Ну, что ты? — спросила Аня. — Что с тобой? Чем ты недоволен? Ты можешь мне сказать?

— Могу. — Сергей сдвинул брови. — Не понимаю, зачем тебе это нужно — устраивать весь этот спектакль — уходить вечером с громкими декларациями, чтобы на рассвете вернуться и сказать: «С добрым утром!». Ты кто? Взрослый человек?

— Тебе это не нравится?

— Не нравится! Я считаю: или — или. Или вообще не стоит трепаться («Мне двадцать лет»).

Другое дело, когда слова и выражения такого рода выступают без какой-либо конкретной смысловой и стилистической задачи, а только для «оживления» языка или придания речи индивидуальности. Например, совершенно несвойственное учителю Мельникову, герою фильма «Доживем до понедельника» и диссонирующее со всей ситуацией выражение *не кот начинал*: «„Двадцать лет в школе — это цифра, Светлана Михайловна, это не кот начинал“, — произ-

нодежь часто употребляет слова, которые кажутся неприемлемыми в устах человека среднего возраста. Такой человек никогда не ответит: «нормально» (допустим, на вопрос «как отдохнули?»). Но вот в сценарии Г. Полонского находим: «Надо бы дать, — сказал второй мальчик. — Он нормально спросил, как человек». Правомерно ли здесь употребление этого слова в значении 'вежливо, товарищески'? Думаю, что да. И не только потому, что оно характерно сегодня для подростков. Контекстуальное значение слова соприкасается с основным лексическим значением ('соответствующий норме, обычный').

Не вызывает возражений употребление вульгаризмов в речи с пренебрежительной окраской. Вполне приемлемо употребление слова *трепать* в контексте, где речь идет о том, что дела, поступки человека должны соответствовать его словам:

нес он с уважением» (!). Или в речи директора школы: «Вкальвает за себя и за других», «кто-нибудь почесался, вспомнил?», «жрать хочется» и т. д.

Употребление такого рода слов в передаче разговорной речи должно быть мотивировано, иначе (кто может ручаться?) не перейдут ли слова — приметы нашего времени в приметы дурного вкуса, не окажутся ли они сорняками?

Т. Ф. ДЕЛЬСКАЯ

ШКОЛА

Школа № 27 Ленинграда (директор А. А. Мордвинов) — специализированная гуманитарная школа. Два девятых класса и два десятых занимаются по расширенной филологической программе. Здесь собраны ребята, проявляющие интерес к филологии. В дальнейшем они, видимо, изберут ее своей специальностью.

В соответствии с программой количество часов, отведенных на литературу, значительно увеличено и составляет в девятых классах — 7, а в десятых — 6 часов в неделю. Для девятых классов предусмотрен курс русского языка, рассчитанный на 64 часа. В планировании и проведении этого курса принимают участие пре-

подаватели кафедры русского языка Ленинградского государственного университета имени А. А. Жданова. В 1968/1969 учебном году было признано целесообразным половину времени посвятить подготовке школьников к сочинениям (уроки ведет учитель Д. Н. Мурин). 32 часа отводится для работы по программе, значительно отличающейся от обычной. Она предусматривает расширение лингвистического кругозора учащегося (уроки ведет ассистент кафедры русского языка ЛГУ О. А. Черепанова). Редакция полагает, что публикуемая статья будет полезна всем учителям-словесникам и родителям, чьи дети склонны к занятиям филологией.

Готовятся стать языковедами

Задачи преподавания сделали необходимым построить программу, далекую по своему материалу от школьного курса. Она включает элементы сравнительно-исторического языкознания, истории русского литературного языка, сведения по лексикологии, диалектологии, стилистике.

Материал сравнительно-исторического характера воспринимается школьниками с большим интересом. Даже при обычном школьном уровне подготовки учащиеся смогли проанализировать отрывок из «Напитанской дочки» Пушкина, переведенный на болгарский, польский и чешский языки, обнаружить близость корней, подобрать родственные русские слова. Полезным оказался и сравнительный анализ группы слов славянских

языков, обозначающих некоторые основные понятия. Так, сравнивая русское *нога*, украинское *нога*, белорусское *нага*, польское *noga*, чешское *noha*, болгарское *крак*, сербское *нога*, учащиеся отметили, что слово *крак* не абсолютно чуждо русскому языку и родственно с нашим *окорок*.

После знакомства с местом русского языка среди других славянских языков логическая последовательность построения курса предполагает краткий очерк истории русского литературного языка. Сравнительный анализ отрывков из «Слова о полку Игореве», «Русской Правды» и «Моления Давида Заточника» помогает вскрыть специфику жанрово-стилистических разновидностей литературного языка эпохи Киевской

Руси. Языковое различие этих произведений удается установить, если сравнить отрывки с точки зрения их лексического состава, образной системы.

Синтаксическое построение отрывка из «Русской Правды», насыщенного условными конструкциями, инфинитивными предложениями со значением долженствования, употребление слов в строго номинативном значении, обилие социальных и юридических терминов (*правда* 'свод законов', *титул* 'должностное лицо при князе', *гридь* 'княжеский воин', *голова* 'убитый человек и под.) — все это позволяет показать учащимся образцы делового языка старшего периода.

Основная задача при чтении отрывка из «Слова о полку Игореве» — вскрыть ярко художественный характер замечательного произведения. Материал для этого дают богатый словарь отрывка, поэтические тропы. С интересом воспринимаются учащимися дополнительные сведения лексико-этимологического характера, например связь древнерусского *шеломя* (холм) с современным *шлем*, употребление слова *мъгла* в значении 'туман', сохраненное современными диалектами. Знакомство учащихся с проблематикой изучения «Слова о полку Игореве», с задачами еще не завершенного текстологического анализа памятника побуждают школьников к более глубокому изучению истории русского языка.

В курсе истории русского литературного языка, на который отводится 6—8 часов, школьники читают отрывки из произведения Петровской эпохи «Юности честное зерцало», из сочинений М. В. Ломоносова, проводят комментированное чтение стихотворений Пушкина. При ана-

лизе текстов основное внимание приходится обращать, конечно, на лексические и стилистические моменты, так как факты исторической фонетики, морфологии и синтаксиса школьникам неизвестны.

Заключает курс лекция, посвященная основным тенденциям развития современного литературного языка, в первую очередь его лексике. Эта тема означает переход к ознакомлению с основными разделами современной русистики и к занятиям в некоторых ее областях (лексикологии, словообразовании, стилистике).

Существенным моментом курса русского языка мы считаем работу над небольшими самостоятельными сочинениями реферативного или даже исследовательского характера, которые ребята должны написать к концу учебного года. Круг тем, предлагаемых для работы, обусловлен в первую очередь наличием доступной школьникам литературы. Это известные книги Л. Успенского, Б. Казанского, Б. Тимофеева и некоторые другие.

В основном темы сочинений связаны с проблематикой журнала «Русская речь», так как это издание доступно школьникам (некоторые из них — даже подписчики журнала). Темы для самостоятельной работы построены таким образом, чтобы школьник прочитал в журнале соответствующие материалы и затем или ограничился реферированием или дополнил их своими наблюдениями. Так построена, например, тема «О названиях новых наук». Знакомство со статьей К. А. Логиновой (1967, № 4) и другими заметками о терминологии и новых словах дает учащимся достаточный материал для сочинения и вместе с тем не исключает творческого развития темы. На основе материа-

лов «Русской речи» построены и темы: «О названиях лиц по месту жительства в современном русском языке», «Языковые причины возникновения словесных курьезов», «Сложносокращенные слова в современном русском языке» и др.

Для реферирования выбраны те материалы журнала, которые имеют в первую очередь познавательное значение, а именно: «Старинный русский календарь» (с привлечением заметок, помещенных в журнале «Наука и жизнь»), «Выдающиеся советские лингвисты» (о С. И. Ожегове, С. П. Обнорском и др.), «Старые книги» и «Из истории книг» (о Лаврентьевской летописи, об Азбуконниках) и под. Статьи и заметки из «Русской речи» используются также для составления вопросов по культуре речи, которые мы включаем почти в каждое домашнее задание.

Составители программы полагают, что интересным и полезным для школьников будет языковой анализ ряда литературных произведений. Поэтому ученикам предложено исследовать иноязычную лексику в «Евгений Онегине» Пушкина, фра-

зологию Грибоедова в комедии «Горе от ума», прилагательные, обозначающие цвет в пейзажах Тургенева, способы речевой характеристики персонажей в «Мертвых душах» Гоголя и т. д. Как материал для самостоятельной работы выбраны не только произведения, предусмотренные программой IX класса, но и новейшие публикации наших литературных журналов. Например, школьники хорошо справились с анализом элементов городского просторечия в повести В. Лихоносова «На улице Широкой» («Новый мир», 1968, № 8). Кроме всего прочего, такая работа побуждает учащихся внимательнее вслушиваться в речь окружающих, делать собственные наблюдения и обобщения.

Занятия по расширенной филологической программе проводились первый год. Некоторые вопросы еще не решены. Однако уже сейчас можно сказать, что материал курса доступен, интересен и полезен школьникам девятого класса.

О. А. ЧЕРЕПАНОВА
Ленинград

Сочинения с суффиксами

Л ю с я Л. (5 класс московской школы № 130).

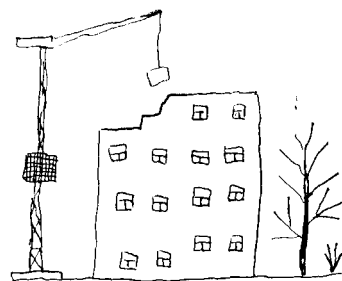
Суффикс в слове *листки* живет по соседству с корнем и окончанием. Корень — хозяин дома. Суффикс *-ик-* живет у него временно. В слове *листки* суффикс *-ик-* говорит, что листья маленькие. Он вносит в слово *лист* добавочное, уменьшительно-ласкательное значение.

Н а д я У. (5 класс московской школы № 753).

Жили-были суффиксы Ик, Ишк, Иц. Жили они за корнем, как и все остальные суффиксы. Ик был очень ласковый, Ишк всегда говорил обо всех с насмешкой, Иц был очень маленький, и ему все казалось большим.

Вот пошли они на работу. Работали они в тетради, им нужно было образовывать слова. В тетради было написано: «маленький

дом». «Домик», — писал Ик. «Большой дом». «Домище», — писал Ищ. «Старый, дряхлый дом». «Домишко», — писал Ишк. Но тут они придумались. На следующей строчке было сказано, что нужно одним словом назвать человека, который имеет дело с камнем. В это время суффикс Щик рядом с ними образовывал слово *бетонщик*. Ик догадался и позвал на помощь суффикс Щик, и тот написал слово *каменщик*, крупно выделив свое имя. Суффиксы Ик, Ишк, Ищ, Щик были очень довольны, что так хорошо закончили работу, и все вместе пошли домой.

Дома их всех ждал вкусный торт.
 — Тортик! — закричал Ик.
 — Тортишко, — промолвил Ишк.
 — Тортище, — сказал Ищ.
 — Тортильщик, — сказали они все вместе и засмеялись, потому что это было неправильно.

Сочинения на лингвистическую тему, конечно, с различной долей фантазии и неравноценные по своим художественным достоинствам, написали пятиклассники ряда школ Москвы и Арзамаса после изучения по специальным методическим разработкам темы «Состав слова и словообразование». На уроках, которые проходили в форме путешествия внутрь слова, ученики вновь открыли как будто уже известные им из начальной школы части слова: корень, приставку, суффикс и окончание. Оказалось, что каждая из этих частей имеет в слове какое-то значение. Его можно обнаружить, если подобрать слова с той же частью (для суффиксов: *летчик*, *разведчик*, *резчик* и т. д.) или сравнить слово с тем, от которого оно образовано (волейболистка — волейболист — волейбол). И части слова ожили и заговорили. Суффиксы открыли ученикам самое общее лексическое значение непонятных слов (*маринист*, *биатлонист* обозначают людей ...); помогли образовать новые слова (прибор, которым можно что-либо измерить — измеритель); показали, что с их помощью можно выразить свое отношение к сказанному (эмоционально-оценочные суффиксы). Так реализовалось положение новой программы по русскому языку об изучении значимых частей слова.

Изучается суффиксальное словообразование существительных. Ребята в окружающей их жизни ищут примеры.

Суффиксы лица...

О ля К. (арзамасская школа № 7).

Стройка дома

В строительстве дома участвует много рабочих. К месту стройки подвозят строительные материалы, устанавливают подъемный

кран, а затем экскаваторщик роет котлован. С помощью подъемного крана, которым управляет крановщик, укладывают фундамент. Затем каменщики возводят стены, а кровельщики покрывают дом жестью.

В это время внутри дома ведутся отделочные работы. Штукатуры штукатурят стены, маляры белят потолок и красят стены, плотники укладывают пол, газовщики проводят газопровод и устанавливают газовые плиты и колонки, водопроводчики ведут к дому водопровод и устанавливают в квартирах батареи парового отопления. Этими работами руководит прораб и его помощники.

В новый дом въезжают новоселы.

Г а л я А. (арзамасская школа № 7).

На железной дороге

На железной дороге работают стрелочники, машинисты, помощники машинистов, слесари, автоматчики, связисты, дефектоскописты, экипировщики, дежурные по станции.

Стрелочники приготавливают маршрут для приема и отправления поездов. Машинисты водят поезда, производят маневровую работу, а помощники машинистов поддерживают нормальное давление пара в котле и следят за чистотой тепловоза. Связисты обеспечивают радио-телефонную связь. Дефектоскописты проверяют детали, чтобы в них не было трещин. Экипировщики экипируют тепловозы маслом, соляркой, водой.

Мой папа тоже работает на железной дороге. Он маневровый диспетчер.

Расширяется речевой кругозор учащихся, пытливой всматриваются они в как будто знакомые слова и вдруг открывают, что *токарь* — это рабочий, который *точит* детали так же, как *пахарь* — это тот, кто *пашет* землю. Свободнее используют пятиклассники эти слова в речи.

Суффиксы субъективной оценки...

В е р а Б. (арзамасская школа № 7).

Моя сестренка

У меня есть сестренка Оля. Ей три годика. Она ходит в детский садик. Там ей нравится. Вечером, когда за ней приходишь, она не хочет уходить. Она очень любит смотреть книжечки, каждый день мы читаем их. Особенно она любит рисовать. Оля часто говорит: «Вера, возьми меня в школу, там много карандашиков». Оля знает много стихов, сказочек и детских песенок.

Творческие занятия по новой программе в школе значительно расширяют языковедческий кругозор учащихся. Растет их интерес к родной речи.

Е. С. КЛЕБАНОВ,
аспирант МГПИ имени В. И. Ленина

Листая учебник

В. Белов в статье «Чистота, толкающая к убожеству» («Русская речь», 1969, № 2) обратил внимание на толкование слов в учебнике «Родная литература» для V класса. Он отметил, что слова *кожемяка*, *промеж нас* и др. не требуют пояснений, что неправоммерно объявлять *ветер с полюдья* устарелым, а *супругие* искаженным, как это делают составители учебника.

Нельзя не согласиться с писателем. Но надо добавить, что дело с пояснениями обстоит хуже. Не большая беда, что объяснены те слова, которые ребятам понятны. Хуже то, что многие объяснения неверны, неточны или малопонятны детям.

Например, слово *облучок* толкуется так: «то же, что и козлы; передок экипажа, на котором сидят кучер, ямщик». Но это не так, облучок и козлы — разные вещи. «У русских саней, телег, в отличие от европейских повозок, нет и никогда не было специального сидения для кучера. Облучком (отсюда уменьшительное — облучок) и сейчас в деревнях называют жердь, которая крепится по верхнему краю борта саней или телеги» (В. Я. Дерягин. — «Лексикографический сборник». Вып. V. М., 1962).

Рассказ И. С. Тургенева «Муму». Читают ребята, как Степан по приказу барыни схватил собаку, пока Герасим относил дрова, «сел на первого попавшегося извозчика и поскакал в Охотный ряд». Что такое *Охотный ряд*? Ребята не знают. И вот сноска, а в ней буквально следующее: «Охотный ряд — ныне проспект Маркса, одна из центральных улиц в Москве; до революции в Охотном ряду находился рынок».

Совершенно очевидно, что к этому слову был необходим реальный комментарий. Следовало рассказать, какой именно рынок был в Охотном ряду, тогда стало бы ясно, почему именно туда отвезли Муму.

О слове *мисс* сказано: «это слово ставится перед именем или фамилией английских и американских деву-

шек». Это ровно ничего не объясняет, если не сказать, что это форма вежливого обращения.

О слове *пороша*: «мелкий снег в виде крупы». А вот в «Родной литературе» для VII класса к тому же слову (из того же текста — «Капитанской дочки» А. С. Пушкина) дается такое пояснение: «только что выпавший снег».

Но неужели надо рабски переписывать толковые словари? Неужели нельзя разнообразить примечания? Что такое *пороша*?

Порошею называется каждый новый снег, выпавший с вечера или даже в ночь, но переставший к утру: он точно запорошит все старые следы, а новые, если погода теплая, отпечатываются на свежем снегу так отчетливо, что даже видны ноготки ходившего зверя. Если снег небольшой, то пороша называется мелкою, если большой — густою, если мокрый — печатною.

Это знаменитые «Записки ружейного охотника» С. Т. Аксакова.

Многие пояснения непонятны ребятам, потому что перенесены без всяких изменений из словарей для взрослых. Например: *Конка* (устарелое слово) — «городская железная дорога с конной тягой». Это не просто вагончик, который тащила по рельсам лошадь. Это было бы слишком просто. «Конная тяга» — это по науке!

Вот еще комментарий для вундеркиндов: «Окна, прорезанные арками — то есть имеющие форму дуги».

Окна в форме дуги?

А перед началом чтения сказки П. П. Бажова «Каменный цветок» учеников предупреждают: «В сказке много народных выражений, употребившихся в старое время мастерами, рабочими уральских заводов. Некоторые слова они произносили неправильно». Ну вот, скажем, бабушка говорит Данилушке: «Папору вот слышал?». И сделано примечание: «правильно: папоротник». Так в разряд неправильных попадают просторечные и диалектные слова.

Не менее важен и сам текст учебника, комментарии составителей, которые учат детей, как понимать ли-

тературу. Показательны, например, толкования загадок: «Почему про петуха загадывается: „Всех я во время бужу, хоть часов не завожу“? А потому, что обычно в дореволюционное время в деревне петух заменял часы».

А в нашу эпоху, современные петухи не будят жителей деревни?

Далее утверждается: «Служители церкви помогали помещикам, капиталистам держать народ в несправедливости, бедности, нищете, призывали его любить господ, терпеть, молиться, затемняли его сознание верой в бога. Народ отрицательно, с насмешкой и презрением отзывался и об этих обидчиках — священниках, монахах...». И приводятся пословицы, в которых ни слова нет ни о монахах, ни о священниках: «Молился, молился, а гол, как родился. Не бог поможет, а наука. На бога полагаться — без хлеба остаться» и др.

Многие суждения противоречивы. Вот как поясняется речевая индивидуализация в отрывке из «Капитанской дочки»: «Речь каждого действующего лица в рассказе „Буран“ отличается своими особенностями. Так, в речи дорожного и ямщика встречаются характерные для них выражения. Дорожный говорит *оттоле* вместо *оттуда* („ветер оттоле потянул“), а ямщик произносит слово *вишь* вместо *видишь* („вишь, как сметает порошу“), *невест* вместо *неизвестно* („невест и так куда заехали“»).

Но в чем же индивидуализация? Ведь в речи и одного и другого «народные выражения». Неужели в том, что один говорит *оттоле*, а другой — *вишь*? Или ямщик не может сказать *оттоле*? Или дорожный не знает слова *вишь*?

Все эти рассуждения составителей тем менее понятны, что ямщик употребляет и *вишь* и *видишь* рядом, в соседних репликах:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?

— Время не надежно: ветер слегка подымается;— вишь, как он сметает порошу.

— Что ж за беда!

— А видишь там что? (Ямщик указал кнутом на восток) ...

Добавим, что в том же отрывке и в речи дорожного встречается *вишь*: «Да, вишь, какая погода: как раз собьешься с дороги».

Досадно, что в учебнике нередки стилистически неудачные фразы: «Лясы да баясы — пустяки болтать, вести шутильную болтовню». Мы говорим *вести разговор, беседу*, но не *вести болтовню*.

Толковать, комментировать, пояснять для детей текст художественного произведения — дело нелегкое. Ошибки тут всегда возможны. Но хотелось бы, чтобы их было меньше.

Учительница Т. П. ОДИНЦОВА,
кандидат филологических наук
В. В. ОДИНЦОВ

О словах

ПОНЯТНЫХ И НЕПОНЯТНЫХ

При чтении статьи В. Белова („Русская речь“, 1969, № 2) возникает желание возразить писателю по поводу его предложения отказаться от словарной работы с учащимися на уроках литературы. С давних пор в школах ведется работа по обогащению словаря учащихся путем толкования новых для них слов. Делается это так: учитель перед чтением объясняет непонятные слова; школьники спрашивают о значении новых для них

слов; учитель, сам задавая ребятам вопросы, выясняет, правильно ли понимают ученики слова, которые, на его взгляд, могут быть для них трудными, новыми.

Василий Белов критикует авторов «Родной речи» для V класса и редактора книги Б. Шергина «Запечатленная слава» за то, что они поясняют такие слова, как *кожемяка*, *надсада*, *ветер с полудня*, *жопыля*, *угор* и некоторые другие. Но ведь в таких пояснениях нет ничего обидного для

писателей, а необходимы они как раз для языкового развития и обогащения читателей.

Еще К. Д. Ушинский писал, что все непонятные ребенку слова нужно разъяснять, так как «дети, которое не привыкло вникать в смысл слова, темно понимает его или вовсе не понимает его настоящего значения и не получило навыка распорядиться им свободно в изустной и письменной речи, всегда будет страдать от этого коренного недостатка» (Родное слово).

Того же мнения придерживался И. И. Срезневский, когда писал, что дети не понимают многих слов и выражений, поэтому нужно им объяснять значение этих слов так, чтобы они понимали оттенки значения всякого основного слова, значения слов, от них произведенных, и отличия в значении слов, сходных по смыслу.

В. Белов, называя авторов и редакторов, вызвавших его раздражение, очевидно, недоглядел еще одного — И. С. Тургенев. Как попало бы великому писателю, если бы В. Белов нашел у него пояснения, данные некоторым словам! В «Записках охотника» Тургенев нашел нужным пояснить:

Дощаник — плоская лодка, сколоченная из старых барочных досок.

Колдобина — глубокое место, яма в пруде или реке.

Казюли — по-орловски, змеи.

Бучило — глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом и др.

Но возражая автору статьи «Чистота, толкающая к убожеству», мы полагаемся не только на авторитетные для нас мнения. Мы сами проверили в двенадцати пятих и седьмых

классах школ Иркутска, как понимают ребята некоторые слова, встречающиеся в текстах художественных произведений. Правильных ответов оказалось чуть больше половины (55 процентов).

Приведем несколько примеров ошибочных толкований слов:

Зрелый возраст — низкий, высочайший, средний возраст; умственное развитие у подростка, человек в расцвете сил (14 лет).

Незатейливый — скучный; не может что-нибудь организовать; невдумщик; несообразительный; неинтересный.

Изваяние — голос из гроба; изгибы реки; изгибы берега; пахучий; неприятный запах.

Упасть навзничь — лицом вниз; без движения; во весь рост; набок; головой вниз.

Иллюминация — болезнь уха; круглое окошечко на корабле; сонный порошок.

Круча — печаль; крутой поворот.

Постылый — бесстыдный; бесстыжий.

Лапти — сапоги до колен; тапочки из тряпочек.

Заповедь — охотник подошел к заповеди.

Результаты, как видим, неважные. Но что было бы, если бы словарную работу не проводили вообще? Тогда в детстве человек использовал бы многие слова неверно, а повзрослев и поняв, что незнакомые слова употреблять нельзя, он отказался бы от них совсем, а нам ничего не оставалось бы, как «в недоумении развести руками».

В. П. ОЩЕПКОВА,
преподаватель Иркутского педагогического института

НЕ ТОЛЬКО ГРАММАТИКА И ОРФОГРАФИЯ

На обложке желтые подсолнухи по бело-красному полю. Художник стилизует свой рисунок под искусство русских умельцев, которым истари славилось село Хохлома, что в Горьковской области. Вечно юное народное искусство оживает под его кистью.

С беседы об этом рисунке на обложке, с рассказа о том, как жили в старину люди, как их талант, их искусство переживали века, как они сумели сохранить и умножить самое главное богатство — родной язык, несмотря на века иноплеменного ига, а потом засилье европейских языков, я, может быть, и начала бы первый урок русского языка в IV классе по учебнику, созданному коллективом научных сотрудников Академии педагогических наук СССР. Ведь только расширяя кругозор ребенка, развивая его мышление, мы сможем научить родному языку. А научить маленького человека родному языку — это значит воспитать в нем любовь к Родине, показать красоту родной земли; развивая ум, воспитать и чувства.

На первый взгляд он во многом необычен, этот новый учебник, не похож на те, к которым мы привыкли. Недавняя еще школьная традиция исходит из того, что нужно выучить детей правописанию. Программа предусматривает в каждом классе по несколько часов на развитие речи. Эти часы идут главным образом на письменные работы, основное мерило грамотности которых опять-таки — грамотность орфографическая. Придите на любой урок русского языка в любую школу и вы увидите за очень редким исключением, что это, несмотря порой ни на какие старания учителя, все-таки урок орфографии и грамматики.

Правила орфографии с самого начала изучения их отрываются от речевой практики: жизнь языка у ребенка идет своим чередом, никак не переkreциваясь с этими правилами. Основной принцип нашей традиционной методики: орфографическое правило — тренировочные упражнения, и так до бесконечности. Мы много работаем над тем, чтобы разнообразить методы преподавания языка, но по существу не выходим за рамки этой схемы и разнообразим вторую часть — тренировочные упражнения.

Тот, кто так или иначе связан со школой, знает, что наибольшую тревогу вызывает неуспеваемость по русскому языку. С орфографическими и грамматическими ошибками пишут многие бывшие школьники. А всякий ли человек, даже имеющий высшее образование, может блеснуть в своем выступлении, на собрании

например, хорошим русским языком? Иные школьные учителя вполне серьезно считают, что правильно говорить и писать — дело только словесников.

Больно сознавать, что, вкладывая так много сил в дело народного просвещения, учитель русского языка далеко не всегда достигает желаемых результатов. Причин этому много, мы обсуждаем их на педсоветах, методических совещаниях, думаем, как их устранить.

Одной из причин нередко считается трудная орфография. Может быть, в самом деле все беды от нее?.. Нет, орфография не виновата. Дети не успевают не потому, что трудны правила орфографии, а потому, что не знают того языка, этапы развития которого закреплены в орфографических правилах. Эти правила оказываются для них схоластическими и применить их на практике школьники не могут.

Мы начинали изучение орфографии в школе (и соответственно строили школьные учебники), бессознательно исходя из того, что перед нами люди, практически хорошо владеющие литературным языком, которому отвечает эта орфография, и нам остается только научить их писать без орфографических ошибок. Но стихийно, без помощи учителя овладеть всем богатством русской речи могут далеко не все дети.

Стремясь натренировать ученика писать без орфографических ошибок, мы забывали, что язык каждого отдельного человека — показатель его мыслительной культуры. Поэтому нельзя научить правильному языку, в том числе и письменному, не научив грамотно мыслить.

Вопрос о воспитании интереса к родному языку никогда не переставал волновать учителя. Но как заинтересовать?! И вот начались поиски занимательных грамматических фактов. Занимательная грамматика из гимнастики для ума превращалась зачастую в развлекательство. Почему труднее всего «идут» в школах факультативы по русскому языку? Потому что учитель либо не может вырваться за пределы программы, и занятия сводятся к занятиям формальной и развлекательно-занимательной грамматикой, либо учителю иной раз не хватает научно-теоретических, лингвистических знаний. В этом опять-таки виновата традиция преподавания языка в средней школе, при которой учителю достаточно было знать правила, изложенные в школьном учебнике.

Еще трудно сказать, насколько полно отвечает учебник новым требованиям. Создана пока только первая часть (для IV класса). Их должно быть, по-видимому, пять или шесть, если будет введен урок русского языка в IX классе (что будет нужно школе). Но уже теперь с уверенностью можно сказать: направление взято авторами правильно; это, несомненно, учебник русского языка, а не учебник орфографии и грамматики. И одно из главных достоинств нового учебника состоит в том, что он будит творческую мысль учителя, требует от него высокой научно-теоретической подготовки.

Материал излагается так, что требует от ученика работы мысли, помогает учителю приучать детей к строгой логичности рассуждений. Авторы учебника заставляют детей сравнивать языковые явления, анализировать их, способствуя тем самым развитию детского мышления. Каждая новая тема как бы отталкивается от предыдущей, что создает представление о языке как системе явлений: все в языке взаимосвязано, взаимообусловлено.

Учебник учит школьников историческому подходу к языковым явлениям. А это в свою очередь развивает чувство языка, учит детей тонкому и бережному обращению с языковым материалом. Интересны и необходимы этимологические справки. В учебнике нашли отражение вопросы культуры речи и стилистики, без которых немислимо изучение любого языка.

Обучение правилам правописания при таком богатстве языкового материала идет попутно, и думаю, что при умелом пользовании учебником вопрос об орфографической неграмотности со временем будет снят с повестки дня. Дело не столько в орфографической тренировке, сколько в приближении языковой практики школьника к общенародному литературному языку. Учебник АПН СССР настойчиво преследует именно эту цель.

Некоторым учителям кажется, что в учебнике мало упражнений. По-моему, дело не в количестве, а в том, дают ли они простор учительской фантазии. Из всякого упражнения можно сделать много вариантов, и совсем не обязательно давать на дом задание выполнить в точности то упражнение, которое есть в учебнике или в каком-нибудь другом сборнике.

Есть ли у нового учебника недостатки? Пожалуй, есть. Но ведь создан пока только проект. Он широко обсуждался, как и другие два. Авторы получили возможность ознакомиться с материалами обсуждения и учесть все замечания при подготовке к изданию стабильного учебника.

Л. И. СКОКОВА, методист Института
усовершенствования учителей
Волгоград

Транскрипция

Замечательный советский методист Е. Н. Петрова писала в свое время, что учащиеся должны остро «пережить идею разницы произношения и письма. Без этой идеи, без этого навыка научиться грамотно писать можно лишь воловьим трудом Акакия Акакиевича». В новом учебнике для IV класса, подготовленном в АПН СССР, эта идея, на мой взгляд, реализована оригинально и с большим знанием дела.

На уроках калининградских учителей, проверявших новый учебник, «идея разницы произношения и письма» сработала безотказно. Оказалось, что постоянно подчеркивая эту разницу, устанавливая при фонетическом разборе несоответствия между произношением и написанием, учитель постепенно приводит школьников к необходимости пользоваться транскрипцией.

Мы заметили, что ученики IV класса, прежде чем охарактеризовать звуковой состав слова, обязательно где-то на листе бумаги записывают его в том виде, в каком оно представляется им звучащим. Это не только обрадовало и помогло преодолеть нерешительность, но открыло нам истину: транскрипция необходима.

Вместе с тем преподавание фонетики в IV классе потребует значительных усилий от учителя. Чтобы преодолеть имеющиеся сегодня серьезные ущербности в выработке навыков звуко-буквенного анализа, ликвидировать путаницу между буквами и звуками, нужна серьезная работа методистов и ученых-языковедов.

В новых методических руководствах для учителя надо дать ответ на целый ряд вопросов, например: как осуществлять в условиях диалектного произношения фонетический разбор; какие слова, помимо указанных в учебнике, стоит использовать. Учителю нужны также звуко-технические наглядные пособия для проведения уроков по фонетике и методические руководства к ним.

Учительница Т. И. ТАМБОВКИНА
Калининград

Друг и помощник

В том, что грамматика преподается скучно, неинтересно, в значительной мере повинен учебник. Как рассматриваются части речи? В учебнике говорится об их общем значении (существительные обозначают предмет, прилагательные — признак предмета, глагол — действие или состояние) и перечисляются их грамматические признаки.

Но для чего употребляется, как используется та или иная часть речи? Об этом мы не найдем в старом учебнике ни слова, а можно было бы привести много полезного и интересного материала.

С помощью существительных поэт И. Садофьев в «Песне о Родине» показал яркую картину жизни нашей страны:

Эта ширь, эта даль заревая,
Эти травы, хлеба и цветы,
Эта радость от края до края,—
Это ты, моя родина, ты!
Эти горы, леса и озера,
Эти реки, дороги, мосты,
Этот свет неоглядных просторов,—
Это ты, моя родина, ты!

Почему бы подобные стихотворения (их немало) не дать ученикам, чтобы они нашли существительные и объяснили их использование?

Прилагательное — благодарный материал для воспитательной работы. С помощью прилагательных мы часто высказываем свое отношение к предметам, к явлениям, к людям, даем им оценку: свежий хлеб, интересный урок, агрессивный блок, реакционная

политика, энергичный человек... «Зимняя дорога» Пушкина и много-много других стихотворений и отрывков из прозы покажут учащимся красоту природы. Пусть они сами разберутся в этом, выполняя определенное упражнение.

Глагол не только обозначает действие, но он дает жизнь предметам, оживляет нашу речь. Без глагола трудно выразить какую-либо мысль. Все это нужно показать на примерах из художественной литературы. Пусть учащиеся прочтут отрывок из стихотворения В. Маяковского «Комсомольская», укажут глаголы и объяснят их значение для выражения мысли:

Строит,
 рушит,
 кроит
 и рвет,
тихнет,
 кипит
 и пенится,
гудит,
 говорит,
 молчит
 и ревет —
юная армия:
 ленинцы.

Причастие — не только форма глагола. Оно сокращает речь, не нарушая смысла. Употребление причастия вместо оборотов со словом *который* помогает точнее выразить мысль. При помощи причастий часто создается яркая и выразительная картина, характеристика:

И пусть не забудет живущий
На этой летящей во мгле
Гудящей, свистящей, ревущей,
Крутящейся в бездне Земле...

Л. Мартынов

Так же можно говорить о значении и употреблении деепричастий, наречий и других частей речи и морфологических категорий.

Связать язык с жизнью, с литературой — это главная задача обучения русской грамматике. Тогда оканчивающий школу не будет говорить, что он любит литературу, а язык не любит. Он поймет, что без языка нет литературы. Конечно, в учебнике должны быть сугубо деловые упражнения: просклонять, проспрягать слово, дописать окончания, писать слитно или раздельно и т. д. Без них обойтись нельзя, но они будут занимать меньше места, чем сейчас, и нужно дать их на более интересном материале.

Пусть новый учебник русского языка станет другом ученика, помощником учителя, пусть он пробуждает творческое отношение к языку.

В. Г. КРАСНОВ,
доцент Ужгородского университета

Две книги

В одной книге учебника надо изложить теоретический материал, где после разбора двух-трех примеров привести определения грамматических терминов и сформулировать орфографические и пунктуационные правила, а в другой — дать упражнения. Можно и то и другое поместить в одной книге: в первой части — теоретические сведения, а во второй — упражнения.

Существует мнение, что учебников по каждому предмету, в том числе по русскому языку, должно быть несколько. Такой порядок будет и непедагогичен и непрактичен. Министерством просвещения должны быть утверждены стабильные учебники: для младших классов, для IV—VI — единый учебник по морфологии, фонетике, орфографии, для VII — единый по синтаксису и учебник для старших классов.

Учитель М. ПАЛЬЧЕВСКИЙ
с. Макаровка Курской области

Изучать словарь

Я убежден, что сейчас в школе преподается не сам русский язык, а его орфография и синтаксис. Лексика, фразеология только вкрапливается. А ведь именно лексика, фразеология, народные пословицы, поговорки, образные выражения и создают в значительной степени богатый, могучий, прекрасный язык.

Несомненно, что лексике языка, обогащению словаря учащихся должно придаваться несравненно больше значения, чем до сих пор. Если мы будем не только следить за ошибками, а изучать образную речь своего народа в повседневной его жизни, то и добьемся более живой речи у наших воспитанников.

Наиболее важным пособием для учителя мне представляется краткий исторический словарь литературного языка. В нем должны быть отмечены наиболее яркие, образные слова, идиомы, народные пословицы и поговорки с описанием их происхождения, с иллюстрациями из лучших произведений литературы. Из него учитель получит представление и о различных путях обогащения русского языка, о неразрывной связи языка с жизнью, культурой народа.

Учитель В. Ф. ФИЛИПОВ
Слюдянка Иркутской области

Редакция благодарит Н. А. Евсеева, доцента кафедры методики языка и литературы Киевского пединститута, Н. Ф. Гнипп, методиста из Свердловска, М. И. Романову и Л. Н. Кабанову, учителей из Владимирской области, М. И. Садогурского из Москвы и всех читателей, принявших участие в обсуждении проекта нового учебника русского языка для IV класса.

Ф А Р И С

В «ТРЕХ ПАЛЬМАХ» М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В стихотворении М. Ю. Лермонтова «Три пальмы» (Восточное сказание) есть загадочное слово *фарис*:

И, стан худощавый к луке наклоня,
Араб горячил вороного коня.
И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копые на скаку.

Ясно, что здесь *фарис* — всадник, верховой воин-араб.

Лермонтов довольно часто включал в свои произведения слышанные им на Кавказе восточные слова: абрек — ‘разбойник’, оглан — ‘юноша’, йок — ‘нет’, чихирь — ‘вино’. О живом интересе поэта к тюркским языкам можно судить по его письму из Тифлиса в конце 1837 года к Святославу Раевскому: «Начал учиться по-татарски — язык, который здесь и вообще в Азии необходим, как французский в Европе...».

Слово *фарис* с таким ударением и значением, как у Лермонтова, тюркское: оно известно в книжном татарском и турецком языках как заимствованное ими арабское название *фā-рис* ‘всадник, рыцарь’. Больше нигде в современном русском языке оно не встречается. Отсюда, однако, вовсе не следует, будто в русском языке вообще никогда не было слов этого корня. Возьмем, например, старинную русскую «Повесть о взятии Царьграда турками в 1453 году», написанную Нестором Искандером и дошедшую до нас в рукописи XVI века. В ней с небольшими изменениями дважды сообщается о том, как византийский император Константин, призвав граждан дать отпор туркам, «всѣдъ на фарисъ, поиде к Златымъ вратомъ, чаяше бо стретити безбожного» [надеясь встретить турецкого султана].

Здесь *фарисъ* обозначает не всадника, как у Лермонтова, а коня и употребляется только в той части повести, где события описываются исключительно по рассказам очевидцев-греков. Нигде в других древнерусских письменных памятниках название *фарисъ* не обнаружено. А грекам это слово в таком значении, как в «Повести», в то время было извест-

но: греческое *phagēs* из арабского *фарас* 'конь', причем среднегреческая *ē* произносилась как *i*. Отсюда видно, что древнерусское *фарисъ* 'породистый конь' — греческого происхождения. Сравнивая его с лермонтовским *фарис*, мы убеждаемся, что это разные по смыслу и по происхождению слова. Но оба слова восходят к одному арабскому корню *ф-р-с*, где, как обычно в арабском языке, состав согласных оставался постоянным, а гласные менялись в зависимости от смысла: *фарис* 'всадник', а *фарас* 'конь'. К первому из этих слов восходит лермонтовское *фарис*, а ко второму — старинное русское *фарисъ*.

Однако древнерусское *фарисъ* наряду с *фарь*, *фарь*, *фарижь*, *върѣжь* из *варижь*, *фарсь* — лишь один из вариантов восточнославянского термина, который употреблялся в древнерусских памятниках до начала XVIII века. В виде *фарь* (и редко *фарь*) мы обнаруживаем его в Ипатьевской летописи, во всех списках «Девгениева деяния», написанного до татаро-монгольского нашествия, и в «Слове Даниила Заточника» (по спискам редакции XIII века). В остальных вариантах этот термин употреблялся позднее: в «Повести о взятии Царьграда турками», в «Александрии» «Хронографа» редакции 1512 года и во многих списках «Повести об Акире Премудром» (XVI—XVII века).

В Ипатьевской летописи под 1150 годом читаем: «Тогда же [на пиру в Киеве у князя Изяслава] Оугре [венгры] на фарехъ и на скокохъ [скакунах] играхуть... многое множество. Княне же дивяхуться Оугромъ множеству... и кономемъ ихъ». Здесь *фарь* — породистая, отличная верховая лошадь.

Восходя во всех своих разновидностях к арабскому *фарас*, этот древне-

русский термин был заимствован отчасти через германское посредничество (*фарижь*, *върѣжь*), но главным образом непосредственно из греческого (все остальные варианты).

Четыре греческие разновидности этого арабизма: *phāras*, *phāgēs*, *phāgion* и диалектное *phars* (все со значением 'породистый конь') — дали соответственно древнерусские варианты *фарь*, *фарисъ* *фарь*, *фарсь* (с тем же значением). Самый факт заимствования русскими этого арабизма то через немецкий, то через греческий, то через один из тюркских языков говорит о большой активности арабского корня *ф-р-с*. По данным словарей, этот корень проник более чем в 20 языков мира: в романские и средневерхненемецкий, в древние южнославянские и современный польский, в персидский и книжный таджикский, в языки афганский, урду, иврит и другие.

Распространение арабского *фарас* в языках очень несхожих между собой (тюркские, индоевропейские, семито-хамитские) объясняется тем, что арабская лошадь в средние века оказала очень большое влияние на коневодство Запада и Востока. В Европе, начиная с XV века, она использовалась при выведении многих быстроаллюрных пород. Широкому ее распространению способствовали завоевания арабов. Корень *ф-р-с* среди народов романской ветви языков наиболее прочно усвоен испанцами, над которыми арабы владычествовали около семисот лет. Большая известность его в языках мусульманских народов связана с тем, что ислам всячески поощрял коневодство, в особенности искусство верховой езды. Ведь мусульманину, как сказано в одной из заповедей Магомета, «запрещены игры, кроме трех: забавы с лошадью своей, бросание стрел из рук и забава с семейством своим».

В современных тюркских и иранских языках этот арабизм — книжный и устаревший, а в современных южно- и восточнославянских, в румынском, немецком языках его нет вообще, тогда как в старину он там был. Пира наибольшей активности слов этого корня — период средневековья — ушла безвозвратно. Постепенное исчезновение термина в неарабских языках связано с потерей когда-то очень важной роли арабской лошади: была выведена английская чистокровная порода, орловский рысак и другие быстроаллюрные лошади; уменьшилось значение верховой лошади в военных действиях, в частности у самих арабов.

На Руси постепенное выпадение этого термина в XVI—XVII веках происходит и по некоторым особым причинам.

Прежде всего, когда бы он ни употреблялся в восточнославянских памятниках, всегда верхом на фаре сидит или грек, или араб, или какой-нибудь другой чужеземец, но только не русский человек. Это указывает на экзотический характер названия. Вместе с тем слово было книжным, оно не получило широкого распространения в живой речи наших предков, о чем можно судить по тому, что его нет в народных говорах (украинское диалектное *фаринник* 'перекушник лошадей' пришло из молдавского языка). Нет этого слова и в русском фольклоре, а также в диалогической речи в древнерусских письменных памятниках. Зато *фарижь* и *фарись* есть в старославянском языке, из которого, как известно, к нам перешло множество книжных слов.

Фарь было самым пассивным в группе близких между собой по употреблению слов *конь* — *комонь* — *фарь* и поддерживалось в русском языке только благодаря живому кон-

такту наших книжников с греками, у которых оно встречалось нередко и сохранилось до наших дней в виде *phari* — шутивное, поэтическое 'конь'. После завоевания Константинополя турками прекращается непосредственный языковой контакт с греками, исчезает и слово *фарь* (а вместе с ним *фаръ*, *фарс*, *фарись*). Такой вывод подтверждается и географией распространения этого термина у восточных славян. Он известен, по летописям, на юго-западе и совершенно не встречается на севере Руси. В последний раз он употреблен в самобытном (непереводном) русском произведении около 1453 года в связи с упоминанием о падении Константинополя.

Слово *фарижь* (с его вариантами) было еще более книжным и сохранялось лишь под влиянием старославянского языка, отчасти же благодаря связям с немцами, у которых в старину оно и было заимствовано. Но так как в самом верхненемецком это слово впоследствии исчезло, а церковнославянское влияние на развитие литературы в Петровскую эпоху было сильно подорвано в связи с бурным развитием светского искусства, то к XVIII веку книжное слово *фарижь* окончательно исчезает из русского языка. Так, по данным словарных картотек Института русского языка АН СССР, это слово ни разу не употребил ни один из русских писателей и поэтов XVIII века.

Замечательно, однако, что корень арабского слова *фарас* продолжает жить в нашем языке как составная часть международных астрономических терминов в названиях звезд *Альфeрас* и *Альфeрас-а* из созвездия Пегаса, где начальное *аль-* — арабский артикль.

Г. Ф. ОДИНЦОВ,
аспирант МГПИ имени В. Л. Ленина

Музыкальные инструменты на Руси

В предыдущей статье о музыкальных инструментах («Русская речь», 1969, № 3) говорилось о свирели, гуслиях, пищали. Теперь речь пойдет еще об одной группе инструментов — трубе, гудке, барабане и бубне. Напомним, что крупнейший славянский этнограф Л. Нидерле считает инструментальной основой славянской музыки трубу, свирель, бубен и гусли.

Труба

Труба (старославянское *трѣба*, древнерусское *троуба*) — общеславянское слово, старое заимствование из древневерхненемецкого *trumba* или среднелатинского *trumba* (итальянское *tromba*). Это слово мы находим уже в «Синайском патерике», памятнике XI века: «и съмоути сѧ старьць о семь. въ себѣ помышляше откоудоу гла(с) троубѣ съде». В словарях *труба* отмечено впервые в 1704 году — в «Лексиконе треязычном» Федора Поликарпова.

Труба — инструмент очень древний. Первоначально она имела прямую, вытянутую форму и изготовлялась из кости, дерева, а также из металла. Звук трубы с далеких времен раздавался во время охоты, торжественных церемоний, религиозных обрядов. Вот как описывается посвящение в орден в памятнике XVIII века: «они [речь идет о посвящаемом в орден и о его окружении] отслушали литургию и вышли из церкви со звоном и шумом на свирелях, на гобоях, барабанах и на трубах» (История о ординах или чинах воинских... Адриана Шхонбека. Ч. I. Перевод с французского. М., 1710).

Широкое применение труба получает в войсках для подачи различных сигналов. Звуки трубы возвещали о приближении неприятеля, о победе над ним:

Затрубили трубы бранные,
Собралася рать могучая,
Стала грудью против недруга.

К о л ъ ц о в. Военная песня

Внешний вид трубы не оставался неизменным: в XV веке она приобретает изогнутую форму. Расширяется и сфера ее применения. В XVII веке трубы вводятся в состав оперного оркестра. Заслуга в этом принадлежит итальянскому композитору К. Монтеверди. В XIX веке появляется еще несколько разновидностей труб, также введенных в оперный оркестр. Большую роль в этом сыграли такие выдающиеся композиторы, как Н. А. Римский-Корсаков, Дж. Верди, Р. Вагнер.

В поэзии труба всегда — символ торжества, славы. Например, в стихотворении А. С. Пушкина «Послание к Юдину»:

...я, Москвою утомленный,
Вдали обманчивых красот,
Вдали нахмуренных забот
И той волшебницы лукавой,
Которая весь мир вертит,
В трубу немолчную гремит
И — помнится — зовется Славой,—
Живу с природной простотой.

В «Евгении Онегине» труба в сочетании с кинжалом и маской — эмблема трагедии:

Довольно, пойте о другом!
— Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал,
И мыслей мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь.

В художественной речи слово *труба* используется для сравнения: «На дворе закричал петух знакомым криком, звонким, бодрым и резким, как труба» (Куприн. Изумруд).

Гудок

Всем, кто знает оперу Бородина «Князь Игорь», вероятно, запомнились веселые хмельные гудошники Скула и Ерощка. Гудошниками они называются потому, что играют на гудке.

Слово *гудок* образовано от глагола *густить*, *гудеть* 'издавать звук, играть на музыкальном инструменте'. Вспомним, что от того же глагола происходит и слово *гусли* — название другого древнерусского музыкального инструмента. Впервые слово *гудок* отмечено в Словаре И. Нордстета (1780). Этот же инструмент носил и другое название — *смык*. Н. Ф. Финдейзен в «Очерках по истории музыки в России» (1928—1929) пишет: «Струнный инструмент [вероятно, гудок и его варианты] назывался смычком».

Гудок — старинный струнный смычковый инструмент, очевидно, один из самых древних. По внешнему виду он напоминал скрипку, а в Словаре В. И. Даля прямо сказано, что *гудок* — 'род скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, о трех струнах'. В сопровождении гудка пелись песни, гудок звучал и вместе с другими инструментами. «Волянка, гудок и дудка, — пишет Н. М. Карамзин в „Истории Государства Российского“, — были также известны предкам нашим, ибо все народы славянские любят их».

В XVII—XVIII веках гудки можно было услышать и при дворе русских царей. Но уже к концу XIX века гудок исчез, причем даже в музеях не сохранилось ни одного экземпляра гудка. Гудок, как и трубу, не обошли вниманием поэты. Гудок — символ поэзии незатейливой и грубоватой:

Вот с милым остряком
Наш песельник тащится
По лестнице с гудком.

Пушкин. Послание к Галичу

Барабан

Слово *барабан*, по Фасмеру (Этимологический словарь русского языка), заимствовано из тюркского: ср. татарское *daġaban* (барабан) или турецкое, крымско-татарское *balaban* (большой барабан). Впервые слово *барабан* зафиксировано в «Лексиконе треязычном» Ф. Поликарпова (1704), а в «Лексиконе» Вейсмана (1731) *барабан* дается в качестве перевода латинского *tympanum*.

Л. Нидерле пишет в «Славянских древностях», что точных сведений о форме древнего барабана у славян мы не имеем. Барабан связывается с инструментом, называемым по-латыни *tympanum* и по-гречески *týmpanon*. Форма его — высокое пустое тулово, обтянутое кожей, по которому били палочкой. Барабан широко распространен у многих народов как Востока, так и Запада. Он использовался для военных сигналов, сопровождал пляски, военные шествия, религиозные обряды. Широкое употребление на Руси барабан получает в Петровскую эпоху, когда звук его раздавался не только на военном плацу, но и во время празднеств: «Оглушительно звякнула медь литавров, бахнул барабан, запели скрипки, трубы, веселая музыка понеслась в вечеряющее небо» (А. Н. Толстой. Петр I).

Со временем барабан в качестве музыкального инструмента занял свое место и в оркестре, не только военном, но и в оперном и симфоническом.

Бубен

Слово *бубен* происходит от старославянского *бѣбѣнь* и имеется во многих славянских языках (сербскохорватское *бубањ* 'большой барабан', чешское *buben, bublati* 'бормотать, жужжать', польское *bęben, bębić*), оно основано на звукоподражании; родственные слова в других индоевропейских языках: литовское *bambù* 'ворчу', латышское *ba^mbals* 'жук', греческое *βομβη* 'низко, глухо звучать'; русский глагол *бубнить*. Впервые слово *бубен* отмечено в «Лексиконе» Ф. Поликарпова (1704). В письменных памятниках мы встречаем его уже в XII веке: «дрогутымъ же въ боубныи бующемъ. и инѣмъ же въ сопѣли сопоущемъ» (Житие Феодосия Печерского).

По внешнему виду бубен — это обруч с натянутой кожей и прикрепленными к нему металлическими звенящими пластинками, колокольчиками и бубенчиками. С ним мы часто встречаемся в произведениях русских поэтов:

На посох опершись дорожный,

Старик лениво в бубны бьет

П у ш к и н. Цыгане

[Лейла] звенящий бубен свой

Подъемлет белыми руками,

Вертит его над головой

Л е р м о н т о в. Хаджи-Абрек

Бубен — инструмент древний, распространен очень широко и известен многим народам мира. Как и барабан, бубен сопровождает пляски, песни, а у некоторых народов, например на Севере, применялся в религиозном культе. На Западе он получил название *гамбури* и под этим названием вошел в оперный и симфонический оркестры; у грузин он называется *дайра*, у таджиков — *дойра*, у азербайджанцев — *даф* или *гавал*.

В. С. ФИЛИПОВ

ИГРАЯ В КАРТЫ...

(О названиях карточных мастей)

Как лучше сказать: пики или вины, трефы или крести, пиковый или пикбый и т. д.? Говоря иными словами: возможно ли разграничение «правильных», литературных, и «неправильных», нелитературных, обозначений для такого незначительного занятия, как игра в карты?

Конечно, к названиям карточных мастей нельзя подходить с теми же мерками, с какими мы подходим к обычной лексике литературного языка. Карточная терминология преимущественно используется в устной разговорной речи, которая более изменчива, в которой часто колебания нормы. Но мы можем выявить те варианты, которые за-

крепились в речи носителей литературного языка, стали в их среде общеупотребительными. Это, по-видимому, и должно иметь решающее значение для определения «нормы» в области карточной терминологии.

Названия карточных мастей вместе с их изображениями пришли на Русь из Европы. Источники и особенно пути заимствования пока известны нам только в общих чертах, многое остается здесь предположительным. По данным памятников письменности, игра в карты на Русь стала распространяться с конца XVI века. В Европе в это время были в ходу две карточные колоды — французская и немецкая, каждая со своими особыми изображениями и названиями мастей. Французские масти назывались соеиг — 'сердце', *rique* — 'пика', 'кошье', *trèfle* — 'трилистник', *carreau* — 'квадратик'. Их изображения сохраняются и в современной колоде. В немецких картах изображение одной масти совпадало с французскими, а сама масть называлась *Rot* 'красное сердечко', остальные отличались и носили иные названия: *grün* (зеленый листик или листики винограда, соответствует современным пикам), *Eicheln* (желудь, соответствует современным трефам), *Schellen* (бубенчик, современные бубны).

В России до конца XVIII века были в ходу названия *черви*, *бубны*, *жлуди* или *желуди*, *вины* или *вини* (зеленые листики или плоды винограда; слово *вино* в старину имело у нас еще значение 'виноград'), в XVIII веке стало известно еще название *кресты* или *крести*. В. И. Чернышев предполагает, что все это (за исключением *кресты*) — перевод немецких названий, усвоенных русскими от чехов и еще преобразованных на русской почве: *черви* восходят к чешскому *červený* (перевод немецкого *Rot*; *červený* — 'красная краска'), *бубны* — к чешскому *bubny* (перевод немецкого *Schellen* — 'жлуди или желуди') — к чешскому *žaludy* (перевод немецкого *Eicheln*), *вины* или *вини* — по всей вероятности, русский перевод чешского *zelený* (немецкое *grün*) и, наконец, *кресты* или *крести* — пере-

вод чешского *kříží* (*kříž* — 'крест') что в свою очередь восходит к французскому *trèfle*, так как чехам помимо немецкой колоды была известна и французская.

В конце XVIII столетия, в пору сильного французского влияния в России, распространяется французская колода с ее характерными изображениями и соответствующей терминологией. Однако новые названия не вытеснили известные ранее, но стали употребляться наряду с ними. В наименовании мастей кроме *жлудей* и *крестей* появились *трефы*, карточная масть *вины* стала называться также и *пиками*.

В настоящее время среди носителей литературного языка самыми ходовыми названиями стали *черви* (червы), *бубны*, *пики* и *трефы*. Старые — *вины* (вины) и *крести* — воспринимаются теперь как просторечные, название *жлуди* излезло, видимо, совсем. Решающее значение для установления современной «нормы» имело распространение французской колоды. Когда на картах появилось изображение, напоминающее наконечник копья взамен виноградных листочков, то для него стало более естественным употреблять название *пики*, а не *вины*; для изображения трилистника, конечно, больше подошло обозначение *трефы* (раньше *жлуди*); изображение червонной масти совпало в старой и новой колоде и это обеспечило сохранение старого названия *черви*. Относительно сохранения старого наименования *бубны* для нового изображения масти (квадратик вместо бубенчика) можно высказывать различные предположения.

Так или иначе, наименования мастей в современном литературном языке установились довольно прочно, однако до сих пор существуют колебания форм и ударений как в названиях самих мастей, так и в производных от них словах: черви — червы, *пиковый* — *пиковый*, *трефам* — *трефам*, *трефам* — *трефам* и т. д.

Название карточной масти *бубны* на первый взгляд представляется тем же самым словом, что и название музыкального инструмента *бубен* (множественное число *бубны*).

В действительности это не так. Слово *бубен* (музыкальный инструмент) издавна известно в русском языке, *бубны* (карточная масть) — как уже говорилось, относительно позднее заимствование из чешского (хотя оба слова восходят к одному и тому же общеславянскому корню). В этом, видимо, причина того, что *бубны* (масть) и *бубен* нередко различаются у нас при склонении: имея в виду музыкальный инструмент, мы говорим во множественном числе: *бубны*, *бубнов*, *бубнам* и т. д., а при обозначении карточной масти: *бубны*, *бубён*, *бубням* и т. д. или *бубны*, *бубен*, *бубнам* и т. д.

В письменном литературном языке мы сталкиваемся с вариантами: *бубён*, *бубням* и проч. (ср. у писателей: «И замечал при выходе с бубен: „Ну, Петр Кузьмич... вы знаете закон!“». Некрасов. Чинovníк; «Ах! часто суровы, упорны, упрямы Дамы черв, бубен и пик». Брюсов. Дама треф); второй вариант, возникший по аналогии со словом *бубен* (инструмент), распространен в устной речи носителей литературного языка. Формы *бубны*, *бубней* или *бубы*, *бубей*, проникающие из говоров в устную, преимущественно ненормированную речь, в литературном языке встречается лишь у писателей как средство речевой характеристики: «Тетя Дуня разложила свои орудия производства тридцать шесть потресканных карт... — Король бубей! — воскликнула старуха пронзительно» (Клевакин. Тетя Дуня и сводки); «— Ходи, ходи, бубни — козыри, — словно в смертном педуге выкрикивал Мишка» (Леонов. Барсуки).

Для обозначения червонной масти среди лиц, говорящих на литературном языке, в равной мере употребительны два варианта слова: *червы*, *червёй*, *червям* и т. д. и *чёрвы*, *черв*, *чёрвам* и т. д. Оба ряда форм включены в толковые и орфографические словари современного русского языка. Распространенность обоих вариантов в литературном языке подтверждают и тексты художественной литературы: «— Двойка червей, десятка треф... Десятка? Прищурился глаза, он посмотрел в потолок, вздохнул

и смешал карты» (М. Горький. Жизнь ненужного человека); «Открыл карту — глядь, а у меня восьмерка в пяти червях» (Пикуль. На задворках великой истории); «[Кеннигсек] произносит сладко: — Мы опять червы» (А. Толстой. Петр Первый). Исходя из употребления, оба варианта надо признать допустимыми.

В современном языке к существительному *червы* известны два относительных прилагательных — *червоновый* и *червовый*: «Червоновая дама легла между семеркой и восьмеркой бубен» (Каверин. Открытая книга); «[Шарлотта]: Какая карта сверху? [Пищик]: Туз червовый» (Чехов. Вишневый сад). Оба прилагательных правильны с точки зрения словообразования, но поскольку суффикс *-н-* более продуктивен, чем *-ов-* в относительных прилагательных, вариант *червоновый* прак-

тически употребляется шире, является основным.

Для относительных прилагательных *пиковый* и *трефовый* толковые и орфографические словари русского языка признают правильным только один вариант ударения: *пико́вый*, *трефо́вый*. И действительно, когда мы называем, например, известное произведение Пушкина и одноименную оперу, мы обязательно скажем: «Пиковая дама». Но, с другой стороны, каждый, вероятно, неоднократно слышал от игроков в карты: *трефбвый туз*, *пикбвая десятка* и под. Ударения эти широко распространены в речи носителей литературного языка, они имеют право на существование, и вряд ли запретительные пометы способны задержать их употребление.

И. Н. ШМЕЛЕВА
Ленинград

В 1883 году великий русский естествоиспытатель В. В. Докучаев выпустил в свет монографию «Русский чернозем». Этот год считается датой рождения новой науки о почве. Но сам термин *почва* уже широко употребляется в научной литературе. Происхождению слова *почва* в ши-

роком значении посвящен один из разделов статьи академика В. В. Виноградова, помещенной в сборнике «Этимология» (М., 1963). *Почва* этимологи производят от древнего русского слова *подъшва* (*подошва*), которое к XVIII веку преобразовалось фонетически в форму *пошва*. Слово это употреблялось в XVIII веке в нескольких значениях, главными из которых были: 'основание', 'опора', 'низ' (*пошва* крепостного вала, *пошва* горы, под печи и т. д.)...

К середине XVIII века *пошва* начинает приобретать значение: 'земная почва', 'материк земли' в противоположность 'земле наносной'. В этом значении *пошва* и его новая фонетическая вариация *почва* отмечается в «Словаре Академии Российской» (1789). Проиллюстрируем указанное положение двумя примерами. В «Трудах Вольного экономического общества» за 1769 год читаем: «Часть болот состоит из жирной иловатой земли..., находящаяся под оною *пошва* обыкновенно есть мелкая глина». В журнале «Эконо-

мический магазин», издаваемом А. Болотовым (1788), находим: «Пашенная земля ... цветом темносерая и имеет пошвою у себя мелкий песок». В обоих примерах слово *пошва* соответствует современному *подпочва*. Но каким же образом термин *почва* стал употребляться в теперешнем значении?

Просмотрев естественно-научную литературу за вторую половину XVIII века, мы склоняемся к выводу, что, по-видимому, первым употребил термин *почва* во вполне современном понимании А. Н. Радищев. «Земля или пошва С.-Петербургской губернии вообще болотистая, мягкая, иловатая», — писал он в статье «Описание Петербургской губернии» (1789). Параллельное употребление слов *почва* и *земля* у Радищева не случайно.

До начала XIX века в научной литературе использовался термин *земля*. Его и сейчас можно встретить в разговорной речи. Однако значение слова *земля* носило несколько определенных характер и не подходило для научного термина. Так, известный специалист по сельскому хозяйству А. Т. Болотов писал в статье «Об удобрении пашенной земли» (1788): «Пашенные земли состоят из глинистой пошвы или земли». Неопределенность этой фразы наглядно свидетельствовала о необходимости создания нового термина.

Не случайно, что впервые его применил А. Н. Радищев, который интересовался сельским хозяйством и даже продельвал простейшие опыты по определению физического состава почв.

Одновременно, возможно даже независимо, в этот же период начали применять термин *почва* и другие исследователи (И. И. Лепехин, П. С. Паллас и И. Г. Георги). Первоначальный его смысл, означающий «подпочва», изменился в современное значение.

Таким образом, *почва* — русское слово, на базе значения которого в конце XVIII века сложился специальный термин.

Интересно отметить, что А. С. Пушкин один раз употребил во вполне современном значении слово *почва*: «... на почве, зноем раскаленной...» (Анчар). Литераторы времен Пушкина, как и многие современные, обычно писали *земля*. Здесь уместно вспомнить и слова М. Ю. Лермонтова: «... из почвы бесплодной» (Три пальмы). Поэтическому дару этих великих поэтов была присуща удивительная чуткость к смысловым оттенкам русских слов. Впрочем, этим свойством наделены все мастера литературного языка.

Кандидат географических наук
В. А. ДОЛотов
Ленинград

В следующем номере читайте статью
о рукописных лечебниках XVII—XVIII вв.

НА-ГОРА

В настоящее время в профессиональной речи и в газетах можно нередко встретить это шахтерское словечко, например: «Уже в нынешнем году Николай Путра и его товарищи выдали на-гора без малого десять тысяч тонн сверхпланового угля» («Правда», 12 февраля 1969). Реже оборот **выдать на-гора** употребляется переносно. Ср. название статьи донецкого журналиста В. Руссова «Таланты — „на-гора“» (Социалистический Донбасс», 25 марта 1967). Широкою известностью выражение **выдать на-гора** получило именно в советскую эпоху, когда профессия шахтера в нашей стране стала особенно почетной. В словарях XIX века его нет, в том числе и в «Горном словаре» Г. Спасского (М., 1841).

В современном русском языке значение 'поднять на поверхность, из шахты' закреплено за всем выражением **выдать на-гора**, а в слове **на-гора** предлог слился с существительным так, что образовал с ним наречие. Этому в первую очередь способствовала необычная для литературного языка форма именительного падежа вместо винительного (на гору).

В речи шахтеров в 20-е годы нашего века слово **гора** в значении 'дневная поверхность шахты' могло употребляться не только в составе наречия и в сочетании с глаголом **выдать**, но вступало в связь и с иными глаголами (работать, выехать и т. д.). В 1924—1929 годах известный собиратель донских говоров А. В. Миртов в речи потомственных горняков центрального района Донбасса наряду с выражением **выдать на-гора** записал такие: «Он работает на горах»; «Опомнился только на горах»; «Выехать на-гора». «Поверхностные рабочие», отмечает автор. — это те, которые не спускаются в шахту, а работают «на горах». А. В. Миртов отметил еще одно утраченное теперь значение в слове

гора — 'место, где построена шахта'. По-видимому, фраза «Он работает на горах» могла просто служить указанием на профессию шахтера (Словник донецкого гірника. — «Етнографічний вісник». Кн. 10. Киев, 1932).

В речи горняков прошлого века словом **гора** мог обозначаться и сам рудник. Так, в «Горном словаре» Г. Спасского приводятся обороты **знать гору** 'иметь практические сведения о положении руд и о производстве работ' и **идти в гору** 'спускаться в рудник'. Замечание о местном пермском слове **гора** 'рудник' мы находим и в газете «Русский инвалид» (1895, № 9): «В рудниках, или, по местному названию, в **горах**, медные руды добываются, смотря по их твердости, порохо-стрельною и кайловою работами; оторванная от месторождения руда подкачивается по деревянной дороге внутри рудников в тачках к шахте, по которой потом поднимается на поверхность вертикальным воротом в бадьях». Слово **гора** употреблено здесь в современном значении 'шахта', 'место добычи полезного ископаемого', а заимствованный из немецкого технический термин **шахта** — в значении 'отвесный колодец, шахтный ствол'. Описанный выше способ доставки руды на поверхность проясняет до некоторой степени происхождение выражения **выдать на-гора**: это означало 'поднять полезное ископаемое вверх, наружу' (ср. приведенный Г. Спасским оборот **идти в гору**, определявший движение в противоположном направлении).

Значение 'верхняя, наружная, дневная поверхность шахты' вошло в наречие **на-гора** под влиянием общеупотребительных предложных сочетаний **в гору, на гору**, где существительное имеет переносное значение 'вверх' (вообще в славянских языках значения 'гора' и 'верх' часто связаны с одним словом: русское диалектное **в горе**

‘вверху, наверху’, украинское **на гору** ‘вверх по склону’, белорусское **гара** ‘гора’ и ‘чердак’ — конкретизация значения ‘верх дома’, польское **góra** ‘гора’, ‘верх’, ‘чердак’, чешское **vrch** ‘верх’, ‘гора, холм’ и т. д.).

Форма именительного падежа существительного **гора**, выступающая в значении винительного (на кого, что? — на-гора) выдает диалектное происхождение интересующего нас наречия. В ряде говоров русского языка (главным образом в северо-западных и северных, в меньшей степени в центральных и южных областях Русского государства, где сейчас находятся среднерусские и южнорусские говоры) издавна была известна конструкция **земля пахать, топить байка (баню), косить трава** и т. д. Разрушение этой конструкции с независимым инфинитивом привело, с одной стороны, к вытеснению формы на **-а** формой винительного падежа на **-у** (вместо **косить трава** стали говорить **косить траву**), а с другой — к тому, что окончание **-а**, утратив исконное значение именительного падежа, «выдвигается как общий показатель винительного падежа, вытесняя собой старую аккузативную форму на **-у**», — так определяет этот процесс Ф. П. Филин в статье «Об употреблении формы именительного падежа имен женского рода на **-а** в значении аккузатива» («Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка». Вып. I. М.—Л., 1947). Примеры, приводимые в работе, исключительно из северо-за-

падных говоров: «Он идет на могила»; «Только на крыша труба проведи надо»; «Мы в байна ходили» и др.

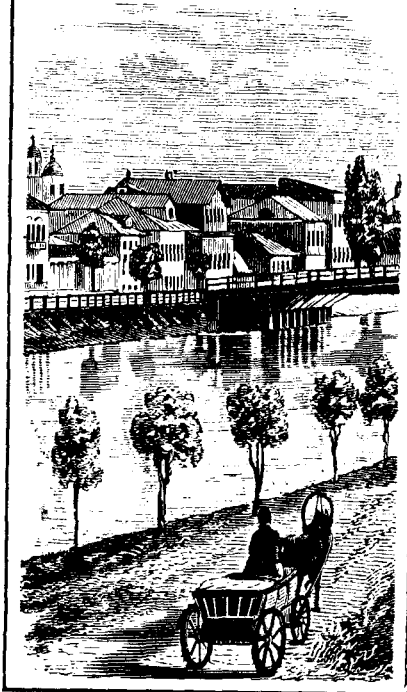
Новгородская земля была колыбелью русской горнодобывающей промышленности. Именно здесь нужды железодобывающего производства вызвали к жизни, особенно с эпохи Ивана Грозного, многочисленные центры добычи железных руд — в Устюжне Железопольской, Каргополе, вблизи Соловецкого монастыря, в Карелии и в других местах. С конца XVI века начинается добыча местных руд в подмосковных районах, и только в XVII веке в орбиту промышленных интересов России входит разработка богатых рудных месторождений Урала. Сейчас трудно определить, где и когда возникло наречие **на-гора** — в горнодобывающих районах средневековой Новгородской земли, перекочевав затем с новгородскими рудознатоками на новые земли, или в более позднюю эпоху на Урале (некоторые исследователи отмечают употребление формы именительного падежа в значении винительного и в ряде уральских и сибирских говоров). Определенным ориентиром может служить распространение этой диалектной черты главным образом в северо-западных говорах.

Дальнейшая судьба слова хорошо известна. Закрепившись в профессиональной речи горняков, наречие **на-гора** в наши дни претендует на общеупотребительность.

Е. С. ОТИН
Донецк

В следующем номере читайте
материалы о языке и стиле
А. И. Герцена и Н. А. Некрасова

ОПОЧКА

В Псковской первой летописи под 1414 годом есть сообщение: «Псковичи поставиша город на Опочкѣ...». В Псковской второй летописи под этим же годом говорится: «Псковичи поставиша город Коложе на новом месте на Опочке, а сделаша весь у двѣ недѣли въ осень по Покрову». На этом основании 1414 год считается годом возникновения города. Однако

возможно, что Опочка как небольшое селение существовало до XIV, а может быть даже и до XIII века.

Название города представляет собой производное от *опока*. В словарях указывается с пометой „специальное“ — «кремнистая осадочная горная порода, богатая кремнеземом».

Это слово широко распространено в русских говорах. Значения его различны: 1) глина беловатого цвета (Зауралье, Вологодская область); 2) всякая известковая порода и окремненный известняк (Пермская, Новгородская, Вологодская области), а также вредные исключения в огнеупорной глине (Вологодская область); 3) в Сибири и на побережье Ледовитого океана опоками называют окатанные водой плитки девонских известняков; 4) мучная пыль (Архангельская область); 5) ровная подводная мель (Архангельская область); 6) круглые камни, насаживаемые на края невода (Новгородская область); 7) алебастр и светлосиние глины (Енисей, Архангельская, Псковская области).

В герб города Опочки, утвержденный в 1781 году, было внесено изображение пирамиды камней, от названия которых (опока), как считали, город получил свое имя. Однако «опочане, — писал Л. И. Софийский, — сами не называют этого камня опокой: он у них известен просто под названием плиты, именем же „опоки“ опочане обозначают другое понятие, а именно маленький камешек, размером с булавочную головку, обладающий разрушительным свойством в глине, когда он в нее попадает; так при обжиге кирпича, в случае наличия в нем опоки, кирпич трескается и разрушается» (Город Опочка и его уезд, Псков, 1912).

Видимо, свое название город и получил от распространенных в этой местности глин с вредными включениями в виде небольших камешков. Эти глины в избытке имелись на берегах реки, где расположено было селение.

Слово *опока* имеет несколько фонетических вариантов, отраженных в названиях поселков Новгородской и Псковской областей: Опока, Опочня, Вопока.

Н. И. АНДРЕЕВА-ВАСИНА
Ленинград

прочитайте

д е т я м

ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

ЕЛЕНА БЛАГИНИНА

СТИРКА

Принесла корыто мать,
Начала белье стирать.

Пухнет пена под руками
И пузырится слегка,
Будто дали нашей маме
Не белье, а облака.

На плите бушует бак,
Крышкой хлопает толстяк.
В нем клокочут полотенца,
И простынки, и платки,
А под ним трещат поленца,
Жарко пляшут огоньки.

Постирала наша мать,
Начинает полоскать.

Не течет вода ручьями —
Так и хлещет из ведра,
Будто дали нашей маме
Толстый слиток серебра.

Постиравши бельецо,
Мать выходит на крыльцо.
Солнце весело взглянуло
Из-за тучки на нее,
Мать веревку протянула
И развесила белье.

Ветер машет рукавами,
Треплет кофты и штаны,
Будто вдруг сбежались к маме
Все танцоры-плясуны.

КАК ЛОДКА НА ВОЛНЕ

Утюг идет по простыне,
Как лодка по волне,
И оставляет ровный след
На белом полотне.

Горячий, ровный-ровный след,—
Ни складки, ни морщинки нет.

Гуляет вместе с утюжком
Проворная рука,
И в доме пахнет воздушком
Погожего денька:
Морозцем, легким ветерком,
Недавно выпавшим снежком.
Хотелось бы пройтись и мне
По этой простыне,
Чтобы остался ровный след
На белом полотне.

Горячий, ровный-ровный след,—
Ни складки, ни морщинки нет.

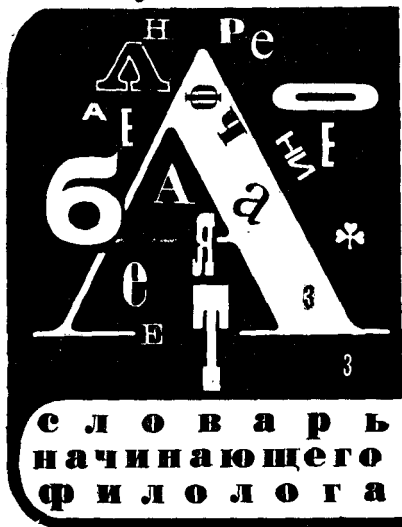
У КОТА-ВОРКОТА

У кота-воркота
Шерстка—бархат-мягкота,
Глазки с искорками,
Ушки с кисточками.
Наш коток-воркоток
Укатил клубок-моток.
Клубок катится,
Нитка тянется...
Уж коту-воркоту
И достанется:
Будут гладить-миловать,
Спать положат на кровать!

ПЛАКУН-ТРАВА

— Ты зачем, плакун-трава,
Колыбельку оплела,
Колыбельку оплела,
Всю слезами залила?
Уж как я плакун-траву
Да схвачу за вихорок,
Да схвачу за вихорок,
Да и кину за порог.
Не гуди,
Не зуди,
Наших деток не буди!
Баю-баю,
Не плачь,
Наших деток не булгачь!
Тс-с-с!

консультации

(Продолжение)

Неопределенно-личное предложение. Односоставное предложение, в котором главный член выражен глаголом 3-го лица множественного числа настоящего или будущего времени или множественного числа прошедшего времени. В таких предложениях все внимание сосредоточено на действии, а деятель не обозначен, так как он безразличен или не важен: «*Просят не курить*»; «*В дверь постучали*»; «*Его работу очень хвалили*»; «*Книги сейчас принесут*».

Неполногласие, неполногласное сочетание. Сочетания *ра, ла, ре, ле* между согласными в старославянских по происхождению словах: град, злато, преграда.

Для русского, украинского и белорусского языков характерны полногласные сочетания *оро, оло, ере*: город, золото, молоко, перегородить.

Неполное предложение. Предложение, в котором отсутствует один или несколько членов. Неполное предложение может быть частью более сложного синтаксического целого и отсутствующие в нем члены предложения представлены в другой части этой конструкции: «*Я сижу в комнате, а брат — на терра-*

се». «Недостающие» члены предложения могут наличествовать также в других репликах диалога (неполные предложения чаще всего встречаются именно в разговорной диалогической речи):

— Разве я больна? Давно ли? — *Вот уже две недели*;

— Будете ли вы стрелять или нет?
— *Не буду*, — отвечал Сильвио;

— Знал ты покойника? — спросил я его дорогой. — *Как не знать*;

— Воля ваша, Лиза Муромская мне вовсе не нравится.
— *После понравится*.

Пушкин

Несобственно-прямая речь. Особый прием слияния и взаимопроникновения повествовательной речи автора и элементов внутренней речи персонажа. В несобственно-прямой речи автор как бы сливается со своим персонажем, говорит и думает за него: «*Когда она улыбнулась, уже не могло быть сомнений: это была Наташа, и он любил ее*» (Л. Толстой. Война и мир); «*Ивану Ильичу нужно было явиться в штаб армии, рапортовать о прибытии парохода с огнеприпасами и передать накладную. Но, черт его знает, где искать этот штаб!*» (А. Толстой. Хождение по мукам).

Номинативный. Служащий для называния, обозначения предметов, явлений; номинативная функция языка.

Обобщенно-личное предложение. Предложение, в котором главный член выражен глаголом 2-го лица единственного числа (реже — в других формах) настоящего и будущего времени и обозначает действие, которое может быть отнесено к любому лицу: «*С кем поведешься, от того и наберешься*»; «*Глядишь и не знаешь, идет или не идет его величаяя ширина...*» (Гоголь).

Такие предложения обычно относятся к односоставным. Однако они могут быть и двусоставными: подлежащее выражено личным местоимением 1-го или 2-го лица единственного или множественного числа: «*Лезет под колеса, а ты за него отвечай*».

Обособление. Выделение какого-либо второстепенного члена предло-

жения с зависящими от него словами посредством интонации, паузы, фразового ударения. Обособленные члены предложения обладают относительной смысловой самостоятельностью в предложении. Обособленное определение: «Старинный парк, *угрюмый и строгий, разбитый на английский манер*, тянулся чуть ли не на целую версту...» (Чехов); обособленное приложение: «Таню и ее отца, *Егора Семеновича*, он застал в большой тревоге» (Чехов); обособленное обстоятельство: «Жюли первая, *по просьбе всех*, сыграла на арфе песенку с вариациями» (Л. Толстой); «Когда я уезжал отсюда в последний раз, *пять лет назад*, вы были еще совсем дтя» (Чехов).

Обращение. Слово или словосочетание, называющее того, к кому обращена речь. Обращение стоит вне предложения или входит в его состав, грамматически не будучи связано с членами предложения; оно выделяется особой интонацией и паузой: «— *Маменька!.. голубчик!..* Я тут, *друг мой. Маменька*, — шептала она ей, не замолкая ни на секунду» (Л. Толстой);

Шумы, шуми, *послушное ветрило!*
Волнуйся подо мной, *угрюмый океан!*
Пушкин

Обстоятельство. Второстепенный член предложения, обозначающий качественную характеристику действия, характеристику действия по способу его совершения или проявления (пространственную, временную, количественную), а также по сопровождающим его условиям (указание на причину, цель, условие). Обстоятельства могут быть выражены наречиями, деепричастиями, существительными в косвенных падежах с предлогом и без предлога, неопределенной формой глагола и фразеологическими словосочетаниями: «Он *проснулся поздно*»; «Она *поглядела на него виновато и умоляюще*»; «Мы *ехали рысью*»; «*По средам* у нее бывали вечеринки»; «Художник *побледнел от волнения*»; «*Встали рано* и ушли *купаться*»; «Он *работал не покладая рук*».

Однородные члены предложения. Члены предложения, выполня-

ющие одинаковую синтаксическую функцию и объединяющиеся одинаковым синтаксическим отношением к одному и тому же члену предложения. Однородные члены характеризуются также особой интонацией перечисления или сопоставления и сочинительной связью, которая выражается сочинительными союзами или соединительными паузами. «Он бросил на стол фуражку и, *бледный, замученный, в грязных сапогах*, опустился на лавку» (однородные определения); «Его праздничный *вид, поза, голос и то, что он сказал* (однородные подлежащие) поразили ее своею *красотой и изяществом* (однородные дополнения)»; «Продолжая идти за своею барышней, она уже ни о чем не *думала, ничего не видела*, и только *улыбалась* (однородные сказуемые) *то блаженно, то горько* (однородные обстоятельства)» (Чехов).

Односоставное предложение. Предложение, в котором представлен лишь один главный член с зависящими от него словами:

Жуки на березах.

Туман. Жара.

На журавлей урожай.

Багрицкий

Одушевленные существительные. Существительные, обозначающие живые существа — людей и животных; противоположность — неодушевленные существительные, обозначающие явления, неживые предметы.

Оглушение. Переход звонкого согласного в соответствующий глухой, например на конце слова или перед глухими: дуб [дуп], трубка [трупка], ров [роф], все [фсе].

Озвончение. Переход глухого согласного в соответствующий звонкий. Озвончение глухих в положении перед звонкими согласными: отбить [адб'ять], просьба [пр'обзба], сделать [з'делать].

Оканье. Различие гласных звуков *о* и *а* в безударных слогах (иногда только в первом предупредном), свойственное севернорусским говорам. Так, в литературном языке произносят *вада, гара*, а в северных говорах — *вода, гора*.

(Продолжение в следующем номере)

КОСНОЯЗЫЧИЕ

Ничто не останется неподвижным, неподатливым. И все всегда может быть достигнуто, изменяться к лучшему, лишь бы были осуществлены соответствующие условия.

И. П. ПАВЛОВ

Наиболее распространенное речевое нарушение — косноязычие — проявляется в неправильном произношении звуков, преимущественно согласных: сонорных *р, л*, свистящих *с, з, ц* или шипящих *ш, ж, ч*. Дети искажают их, заменяют сходными по звучанию или не произносят совсем. Причины такого произношения разнообразны. Это могут быть нерезко выраженные отклонения в строении речевого аппарата (долгое отсутствие зубов во время их смены, слишком глубокий прикус и т. д.). Неправильное произнесение звуков может также возникнуть в результате подражания и затем закрепиться. Однако у большинства косноязычных детей нет никаких серьезных повреждений органов слуха и речи. Ошибочное произношение — неестественное для старших дошкольников — закрепилось в них под влиянием неправильного воспитания (о речевом воспитании дошкольников см.: «Русская речь», 1969, № 4). В результате задерживается овладение грамматическим строем, словарным запасом родного языка, замедляется умственное и психическое развитие ребенка.

Если же учесть, что косноязычием страдает довольно значительный процент учащихся начальных классов, то преодоление этого речевого расстройства и его последствий, а также пропаганду логопедической работы по искоренению недостатков звукопроизношения следует признать задачей особой общественной важности. И решать ее, по нашему мнению, должны не только специалисты, но и с их помощью родители. Они могут, поддерживая тесный контакт с логопедом, принять самое активное участие в исправлении детской речи. Это сложная кропотливая работа, которая, помимо знаний, требует незаурядной выдержки и терпения, но вести ее — в интересах вашего сына или дочери — необходимо. Пока нервная система ребенка гибка и податлива, пока неверные произносительные навыки недостаточно укоренились, нужно устранять их и одновременно утверждать новые, правильные.

Прежде всего нужно отвести ребенка к врачу: проверить органы слуха и речи и выправить (возможно, путем хирургического вмешательства) недостатки языка, челюстей, неба и т. д. Дефекты, которые не поддаются исправлению (узкое небо, толстый язык, снижение слуха и т. п.), учитываются при последующих занятиях.

Логопедическую работу следует начать с обследования речи ребенка. Для этого можно использовать различные приемы: беседу с ребенком, произнесение им хорошо знакомого стихотворения или сказки, повторение за воспитателем нескольких простых фраз. Произношение отдельных сомнитель-

СТРАНИЧКА ЛОГОПЕДА

ных звуков уточняется названием предметов по картинкам. Каждый из проверяемых звуков должен быть в начале, в середине и в конце слова (шапка, кошка, палаш.)

Работа по исправлению звуков состоит из трех этапов: постановка звука, автоматизация его (в речи), различение смешиваемых звуков (дифференциация). Своеобразие каждого из этих этапов мы рассмотрим на примере коррекции звука *ш*. Дети зачастую искажают или вовсе не произносят его, потому что не усвоили правильной артикуляции. Нужно показать ее (желательно перед зеркалом): губы слегка выдвинуты («трубочкой»), зубы чуть-чуть приоткрыты, боковые края и кончик языка несколько приподняты («ковшиком»), голосовые связки разомкнуты. Теперь ребенок должен произнести звук вместе со взрослым, затем вслед за ним и наконец самостоятельно. Если это не удается, нужно положение речевых органов закрепляется многократным повторением специальных упражнений. Однако продолжительность каждого занятия не должна превышать 10—15 минут.

После многократного безошибочного повторения звука, постановку его можно считать законченной и перейти к произнесению слогов: ша-шо-шу; аш-ош-уш; шна-шта-шка. Закреплению звука способствуют и звукоподражательные игры. С этой же целью используют картинки (шуба, машина, шишка). Более сложный материал — развернутая речь; стихи, загадки, сказки и т. д. Например: «Сидит на крыше всех выше и дымом дышит», или

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Маслена головушка,
Шелкова бородушка...

Нередко вновь усвоенный звук как бы вытесняет близкие по произношению звуки. Получается:

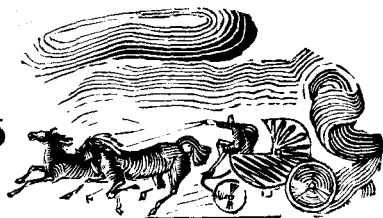
Ей *ш* поклоном штарик отвечает:
Шмилуйшя, гошударыня рыба!

В таких случаях следует переходить к занятиям по разграничению смешиваемых звуков. Материал для упражнений — картинное лото или домино, сюжетные картинки, просто рисунки, в названиях которых встречаются нужные звуки: шуба — сумка, сосна — шишка, вишня — слива. Причем особое внимание надо обратить на слова, близкие по звучанию: уши — усы, мышь — мыс, мишка — миска. На таких примерах дети быстрее улавливают смысловую разницу в словах и отвыкают от небрежного звукопроизнесения. Каждую беседу с ребенком надо строить так, чтобы в его речи перекликались смешиваемые звуки. Темой для бесед можно избрать названия игрушек, растений, птиц, животных и т. д. С большим интересом дети выполняют далее игровые задания, придумывая, например, слова с тем или иным неустойчивым звуком. В таких играх не только совершенствуется звуковая сторона речи, но и расширяется активный словарь.

Для постановки следующих звуков требуется иной уклад речевых органов, иные движения губ и языка, изменится, безусловно, и содержание речевых упражнений. Однако основные принципы работы — от показа правильной артикуляции звука до закрепления его — должны сохраняться.

Ю. А. СТЕПАНОВ

поэма «Русской рези»

П и с ь м а ч и т а т е л е й о р у с с к о м я з ы к е

Без записной книжки

В Москве 20-х годов многие рестораны и столовые носили подчас удивительные наименования. Мне помнится, например, такое — жирное: «Радость желудка»; сентиментальное: «Брошенная фиалка»; и, наконец: «Я никого не ем» (вегетарианская столовая).

На Большой Калужской улице, близ Горной Академии, нельзя было не заметить «Столовую с адом»... Одна из букв с на вывеске проржавела, стерлась или свалилась; вывеску долго не подновляли и столовую с садом превратили в столовую с адом!

Вот таким-то садом или адом часто звучит наша собственная речь.

Калуга наших дней. Тихая и милая. Я ее помню и в 20-е годы. Тогда в городе не было ни одной почти улицы — одни проспекты!

А недавно, не обратив внимания на вывеску, я зашел там в один магазин. Достаточно мне было взглянуть на вывеску по выходе из магазина, как я забыл обо всех его достоинствах. Вывеска была «с адом», на ней было написано: «Изобразительная продукция».

Я путешественник не великий — даже по своей родной стране. Мне редко случалось отправляться из Москвы — «до самых до окраин»... Но меня давно поражают слова-скороходы, выражения-вездеходы. Они пересекают большущие расстояния! Без записной книжки — я давно наблюдаю этот процесс, огромный психологический процесс кочевания одних и тех же слов, выражений и даже интонаций, с которыми они произносятся.

Вот уже несколько лет, как мы все «почемукаем» и «нуиштокаем». Почему? Ну и что? — Прислушайтесь и к себе и ко всем... Зачем, зачем мы дарим друг другу эти устные сувениры, эти слова-междометия, служащие реакцией на любой вопрос или обращение друг к другу?

Лев Толстой не выносил выражения: «Этот номер не пройдет...». В. И. Немирович-Данченко хмурился, читая на первой афише даже собственной новой постановки слово *преьера*. Но, увы, без этого французского слова теперь не обходится ни одна афиша... премьеры.

При всем богатстве и при всей своеобразной красоте наш родной язык не может чуждаться слов иностранных. Но всегда ли они уместны? Не могу забыть, как в каком-то доме отдыха массовик, культурник или затейник упорно уничтожал действительно неприятное выражение *мертвый час*; он вывешивал ежедневно одно и то же объявление: «От 15 до 16 часов в доме отдыха *абсолют...*».

Нельзя чинить расправу над словами, рожденными профессией. Моряки никому и никогда не отдадут *полундру*, *побудку*, *отдай концы*... Но, хорошо ли, что профессионализмы вводятся в быт?

Нет больше в магазинах *непромокаемых* плащей. Сколько бы раз вы ни спрашивали их — все равно услышите один и тот же ответ: *плащи водоотталкивающие*...

Однажды я купил в подарок ребенку маленькую игрушечную шарманку, а на ней «пропечатано»: фабрика *дидактической* игрушки — Ленинград. Может ли называться так фабрика, выпускающая игрушки, да еще с плясовой музыкой?

Следовало ли указывать на фабричном бутылочном ярлыке: «пиво оригинальное»? Тогда допустимы и «брюки в арифметику», как спрашивали при мне в голицинском магазине, под Москвой.

Нельзя вмешиваться в «ласковые» слова. Я запомнил редкое уменьшительное *сыненок*, может быть, оно и родилось у меня на глазах. Нравится мне и «алитературное» слово *полуклиника*. В клинике лежат, в поликлинику ходят, следовательно, она полуклиника.

Когда-то, по пути в прекрасное Михайловское и Тригорское я увез из Пскова сувенир — неизвестный мне глагол *баулить*. Стремись проникнуть в магазин минута в минуту после его закрытия на перерыв, я вел себя «сдержанно», по-московски. А вокруг меня держались по-псковски. И я заслужил от кого-то такое нравоучение: «Кассирша, знать, еще деньги баулит»...

Я обращаюсь с предложением и просьбой к редакции одного из самых молодых в СССР журналов — открыть для людей без записной книжки отдел словесных сувениров. Будем снабжать редакцию поразившими нас словами и выражениями! Будем их обсуждать, отбирать, браковать, защищать!

Кандидат искусствоведения

Ник. Алексеев

Вишня цветет

Знакомый лесник сказал:

— Вишни нынче много будет. Цветет — сугробы!

Старое-новое слово

Автобус шел из города Южноуральска в город Пласт. У околицы стоял старик. Он поднял руку.

— Останови,— попросили кондуктора пассажиры,— старик...

Раздвинулись дверцы. Ласковая, пьянькая улыбка старика и вопрос:

— До *розвертей* довезешь?

— Куда?

— До розвертей...

— Садитесь.

Все, кто был в автобусе, это слово слышали впервые, но все поняли.

У свертка на Летагино старик вышел.

— Ну и старик, новое слово придумал.

— Старое слово, должно быть.

— Хорошее, точное: разворачиваться, значит.

А старик колыхался вдали и уносил с собою, наверное, еще несколько старых-новых слов.

А. А. Черепанов,
сотрудник районной газеты «Искра»
с. Еткуль Челябинской области

От редакции. В письме А. А. Черепанова употреблено еще одно народное слово, обозначающее поворот,— *сверток*. Тоже синоним *розвертей*!

Моя дочка маленька...

Публикуемые в «Русской речи» лингвистические викторины много дают и, кроме того, многое вызывают в памяти. Хочу сказать несколько слов в связи с викториной в № 1 за 1969 год по поводу слов *щец*, *дровец* и краткой формы от прилагательного *маленький*.

Мои родители — выходцы из б. Вятской губернии, из Нолинского (возможно, Глазовского) уезда. Себя я стал помнить, когда они жили уже в Казани. В речи их было много слов, которых я потом в других городах не слышал и теперь не слышу. А над некоторыми выражениями даже тогда в Казани смеялись, и я старался отвыкнуть от них. Например, *лакать* — *лачешь*, а не *лакаешь*; *чихать* — *чишешь*, а не *чихаешь*. *Лачешь* упоминается в 17-томном Словаре, а *чишешь* нет.

Так вот, от матери своей я не раз слышал слово *дровца* и родительный падеж к нему *дровец*. Например: «У меня на печке дровца сушатся — на лучину». Для *щец* именительного падежа не слышал.

От матери же слышал слово *малёнок*: «Так ведь он маленок еще...». Не является ли это краткой формой от *маленький*? В женском роде не слышал. Может быть, вот это женский род.

Моя дочка маленька,
Чуть побольше валенка...

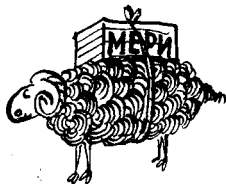
Читатель

От редакции. Слово *малёнок*, встречающееся в народной речи, — это не краткая форма прилагательного *маленький*, а самостоятельное суффиксальное образование от прилагательного *мал* со значением усиления признака, ср.: «Ты еще мал» и «Ты еще малёнок». Вспомним Пушкина:

Ты, бесенок, еще молодёнок,
Со мною тягаться слабёнок.

Сказка о попе и о работнике его Балде

Еще один член семейства

Многим, вероятно, хорошо известно, как латинское название первого общественного экипажа *омнибус*, что буквально значит 'всем', после того как лошадиную тягу в нем заменил мотор: сменило свой корень *омни* на *авто*, но, сохранив окончание латинского дательного падежа, превратилось в *автобус*. Многим известно также, что слово это, «если судить по корню, не значит ровно ничего» (Л. Успенский), так как в нем падежное окончание *-бус* стало чем-то вроде второй части двухкорневого слова, которая по смыслу должна бы означать что-нибудь вроде *-воз*. Произошло это, надо полагать, потому, что реальный смысл слова *омнибус* — средство общественного транспорта — заслонил собой его этимологию. Потом вслед за *автобусом* появился такой же нелепый с этимологической точки зрения *троллейбус*, потом *аэробус*, *вертобус* и т. д. А потом в английском языке первый корень отмер, отвалился — и экипаж стал называться (по правилам английского произношения) *бас*.

Сейчас входит в русский язык образованное по тому же рецепту новое слово.

«Известия» (15 февраля 1969) сообщают, что алтайские животноводы вывели новую породу коз, дающую высококачественный материал для пуховых платков и, как говорится, с ходу и даже без кавычек дают этому животному имя *пухонос*: «Только один пухонос горно-алтайской породы „носит“ на себе до трех оренбургских шалей», — читаем в заметке «Платки „растут“ в горах».

Наши словоизобретатели пошли здесь несколько иным путем,

ПЛАТКИ «РАСТУТ» В ГОРАХ

Знатки считают лучшим тот пуховый платок, который можно протаскать через кольцо, снятое с пальца. Самый хороший пух для них поставяет сейчас Горно-Алтайская автономная область. Его дает новая порода коз, выведенная алтайскими учеными и животноводами. Только один пухонос горно-алтайской породы «носит» на себе до трех оренбургских шалей. Неприхотливые горные красавицы почти не знают болезней, легко переносят холод. К тому же козы очень плодовиты.

Сейчас в Горном Алтае оноло ста тысяч пухоносов новой породы. А в 1975 году их станет вдвое больше. Три района области специализируются на козоводстве.

С. НИМ,
общеста. корр. «Известий».
БАРНАУЛ. (По телеф.).

чем автор автобуса. Им была известна порода овец *меринос*. Слово это испанское, обозначает множественное число от *мерино*. Но если есть меринос — посетитель какого-то «мери», то почему бы не быть пухоносу, носителю пуха? Так было осмыслено еще одно иностранное окончание. Лично мне этот пример словотворчества кажется вполне доброкачественным.

Е. Г. Ромашков

Москва

От редакции. Конечно, слово *пухонос* образовано не без оглядки на слово *меринос*. Однако нельзя забывать о том, что и до *пухоноса* в русском языке существовала словообразовательная модель сложных слов со вторым глагольным корнем *-нос*: медонос, сахаронос, каучуконос, эфиринос и т. д.; все они — названия растений, несущих, приносящих что-либо. Несомненно, что к этой модели относится и слово *пухонос* (хотя и обозначающее животное) — ‘приносящий пух’. В этом его отличие от слова *автобус*, распространение которого привело к появлению в языке совершенно новой словообразовательной модели.

Где-то в июле

За несколько последних лет в разговорной речи укоренились такие выражения: «Мы будем выступать где-то в середине июля»; «Я прибуду к вам сегодня где-то в третьем часу» и т. д. Затем так стали и писать, будь то диалог или прямая авторская речь.

Я считаю такие выражения просто неграмотными...

Е. Леднев,

сотрудник газеты «Стерлитамакский рабочий»

Наречию места *где-то* стали придавать необоснованное универсальное значение: «Где-то в начале января»; «План выполнен где-то около 60 процентов». И т. д., и т. п. Я возражаю, да не действуют мои возражения.

Учитель *Г. Г. Ласточкин*

с. Объячево Коми АССР

Об окиси водорода

Меня поражает наша всеобщая отсталость. Несмотря на столь глубокое проникновение науки в нашу повседневную жизнь, мы до сих пор говорим *вода, водопровод, водоем*, так часто применяем длинейшее слово *водохранилище*. Ведь давно точно установлено: вода есть окись водорода. Пора бы оставить невежество первобытных людей и говорить: «Хранилище окиси водорода»; «дайте мне окиси водорода умыться»... Пора! Давно пора! Ведь изгнали же года два-три назад слово *аспирин*, столь популярное лекарство теперь именуют *ацетилсалициловая кислота*.

Вот написал я все это, и стало мне жаль воду. Берет раздумье. Конечно, хорошо говорить по-ученому. Но жаль воду: коротко и ясно. Да и надо ли так щеголять в быту научной терминологией? Не попадем ли мы в число тех людей, которых давно высмеял Н. А. Добролюбов?

Ты хочешь ум свой показать
В высокопарном разговоре,
Но можно ль что-нибудь понять
В мудреном слов твоих наборе?..
И как же смертные узнают —
Ты всех умней иль всех глупей,
Коль ничего не понимают
Из темных всех твоих речей.

Мое предложение расстаться с водой, конечно, поддержат явные люди, а имеющие дело со стандартами — подавно. Но их мнение не будет ли просто результатом профессиональной узости мышления, привычки повседневно вращаться среди ученой терминологии?

У нас постепенно изгоняют вошедшие в жизнь имена лекарств: давно исчезло сказочное лекарство нашего детства *капли датского короля* (впрочем, может быть, теперь это лекарство и не применяют). Вместо *капель Зеленина* на этикетке длинный перечень трав, входящих в состав лекарства. И это еще не самое тяжкое. *Уротропин* стал *гексаметилентетрамином*, *салам* — *фенилсалицилатом*.

Зачем? Ведь нехимику это и выговорить трудно и прочесть можно лишь по складам. Ведь и врачу легче запомнить, проще и быстрее написать краткое имя. Врачу важно знать основы химии. Но он не должен быть химиком. И без того слишком велик объем чисто медицинских знаний. Нельзя объять необъятное. Сами химики руководствуются этим афоризмом Козьмы Пруткова: нет химика — специалиста во всех областях химии.

При кратком имени и врачу и аптекару меньше возможности опшибиться. А это важно, очень важно. За такие ошибки расплачиваются люди своим здоровьем.

Да! Снимаю свое предложение насчет воды. Умыться мне нужна вода, мне совсем не надо сообщать при этом, что она определенным образом составлена из водорода и кислорода. Лечиться мне нужен уротропин, а не... В речи прогресс, движение вперед — в возможности кратко передать только нужную информацию. Это движение назад, когда нужную информацию передают многословно, загромождая ее привлечением не требующихся в данном случае сведений.

Доктор физико-математических наук
Д. И. Журавлев
Москва

Муму или му-у?

Посылаю вам бумажку от конфетки.

Если это «Муму» (тургеневская!), то надо бы нарисовать собаку, а не корову. Если же хотели воспроизвести мычание коровы, по-моему, то правильной; написать «Му-у»!

Читатель А. Д.
Москва

Помогите достать Словарь Ожегова

Начну словами Белинского: «Знание точного значения слов и их различия между собою, хотя бы самого легкого, есть необходимое условие всякого истинного мышления».

Недавно я с большим удовольствием познакомился с книгой В. И. Максимова «Точность и выразительность слова» (М., 1968). Продолжаю словами В. И. Максимова: «Систематическое пользование толковыми словарями приносит каждому неоценимую пользу. Мало того, что это способствует зрительному запоминанию слов и предохраняет от орфографических ошибок. Это расширяет и углубляет наши знания, учит самостоятельности при овладении языком, порождает добрую привычку находить ответ на вопросы, которые ставит жизнь, в книгах».

Там же читаем: «Словарь С. И. Ожегова является очень нужным и удобным справочником для пишущего и говорящего. Сейчас трудно представить образованного человека, для которого это пособие не было бы настольной книгой».

В магазине «Букинистическая книга» мне предложили стать на очередь, тринадцатым, и предупредили (спасибо!), что за год поступает один-два словаря, не больше. Но, увы, достать Словарь Ожегова невозможно. Я получил уже от трех отделов «Книга — почтой» одинаковые, похожие уже стандартные, ответы: «На Ваше письмо сообщаем, что выполнить Ваш заказ мы лишены возможности ввиду отсутствия просимых Вами книг».

Так вот, поскольку «толковые словари приносят неоценимую пользу», надо бы не скупиться на тираж выпуска этих словарей. Говорят: «скупость — не глупость», но насчет толковых словарей было бы правильной сказать: «щедрость — не глупость». Тем более, что речь наша пока еще повсеместно оставляет желать лучшего.

Право же, я не завидую и тем, которые хотели бы приобрести книгу Л. Успенского «Слово о словах», «Орфографический словарь», «Словарь иностранных слов», словарь-справочник «Русское литературное произношение и ударение».

Л. А. Чемезов
Пермь

Язык меняется, но однажды созданный словарь можно приравнять к крупнейшим литературным памятникам эпохи. К сожалению, словари русского языка малодоступны.

Ни семнадцатитомного академического словаря, ни четырехтомного академического, ни Словаря Ушакова достать невозможно. Непрестанно переиздающийся Словарь Ожегова купить даже в букинистическом магазине чрезвычайно трудно. То же можно сказать о ценном «Словаре русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина, «Этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского, о чудесном «Словаре-справочнике „Слова о полку Игореве“».

Но ведь нужны не только эти словари. Необходимо, чтобы наши современники имели возможность знакомиться с прежними словарями русского языка. Нужна повторная перепечатка словарей В. И. Даля, А. Преображенского, И. И. Срезневского, в том числе и областных — В. Н. Добровольского, А. О. Подвысоцкого и др.

Новые же словари русского языка надо издавать любовно. Печатать не на газетной бумаге, применять особые шрифты, снабжать словарные издания превосходными, не на один день рассчитанными иллюстрациями. Надо прививать вкус к чтению словарей, постоянному, внимательному, пытливому и окрыленному. Кто может сказать, какой живой кровью народной мысли и искусства обернется забота о лингвистическом просвещении, сколько слов, несправедливо забытых, продлят свое существование.

Э. Джилкибаев
Алма-Ата

От редакции. Издательство «Советская энциклопедия» в 1968 году выпустило в свет «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, в 1969 году — «Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой, «Словарь трудных случаев» Ю. А. Бельчикова и М. С. Панюшевой. Готовятся к изданию «Орфографический словарь» и «Словарь синонимов».

Раздумья в заголовках

Квартира обеспечивается...

«Русская речь» уже писала о досадной небрежности работников печати, публикующих неграмотные объявления. Приведу два примера из отдела объявлений газеты «Ставропольская правда». В номере от 2 августа 1969 года:

ПРИГЛАШАЮТСЯ НА РАБОТУ:

ЦМК № 13

СТАВРОПОЛЬСКОГО

РЫБОПРОМЫШЛЕННОГО

ТРЕСТА

ГЛАВНЫЙ МЕХАНИК.

КВАРТИРА ОБЕСПЕЧИВАЕТСЯ НА ОБЩИХ ОСНОВАНИЯХ...

Почему бы не написать так: «Квартирой обеспечивается на общих основаниях»?

Другой пример — из объявления конторы разведочного бурения № 5 треста «Ставропольбурнефть» (19 июля 1969):

К ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЕ ДОПЛАЧИВАЕТСЯ 40 ПРОЦ. ПОЛЕВЫХ
И 15 ПРОЦ. БЕЗВОДНЫХ

Правильно было бы написать: «На полевых работах зарплата повышается на 40 процентов, а в безводных местностях еще на 15 процентов».

К сожалению, редактированию объявлений в иных газетах уделяют мало внимания.

А. П. Колотов
Ставрополь

Чет — нечет

Посылаю копию объявления в душевой, в доме отдыха «Ясная поляна», на родине великого мастера русского слова Льва Толстого. Оно не требует комментариев.

Д У Ш Е В А Я
Работает ежедневно
с 9⁰⁰ до 15 ч.
Выходной день суббота и воскресенье
по четным числам женщины
по не четным числам мужчины

Сроки, сроки...

На плакате в витрине Дома обуви города Новомосковска Тульской области написано:

Своевременный уход за обувью сохраняет срок ее носки

Мне кажется, что слово *сохраняет* могут поставить здесь только немцы, переводящие проспект на русский язык. Немцам это простительно — они могут не знать слов *продлевает, увеличивает* и многих других.

А. И. Магковский
Узловая Тульской области

И речь эта запоминается...

«Ложь на место!» — говорит мама. И я поправляю: «Не ложь, а кладь». «Откуда ты такой грамотей?» — не обижаясь, говорит она. Мне казалось неудобным, когда она приходила в школу и разговаривала с учителями: она неправильно делала ударения (магазин), у нее странные были окончания в словах: «на руке» (руке), «на ноге» (ноге); она вообще говорила не так, как учили в школе: «с чьм ты пришоу?».

В нашей деревне людей было действительно со всех волостей: украинцы и белорусы, русские и поляки — все в свое время ехали в Сибирь искать себе доли и детям счастья. Было это 68 лет назад. И вот странно переплелись все эти говоры, и получился ни на что не похожий, наш, деревенский язык. И даже окончившие школу иногда «щеголяли» своим «деревенским» языком: «Дей, буду ще по-бородскому ховорить?».

И я, став учителем, старался «выправлять» речь. А язык-то уходил от

меня и моих учеников. То есть он был, но мы проходили мимо его богатства. А ведь у тех же старых людей был и другой язык.

Не хитрой, но трудной была жизнь в деревне: труд, дом, семья. Окружение крестьян, его среда обитания: лес, поле, в лесу — звери, птицы. Казалось бы, откуда быть сочному выразительному языку?

А вот послушаем, как говорят в деревне.

Что ты надулся как сын? — это когда я сержусь.

Что ты каркаешь как ворона? — о сердобольных предсказаниях.

Ну, ты что медведь! — о неповоротливом, неуклюжем человеке.

Он что крот зарылся — говорят о тех, кто высоким, крепким забором отгородился от соседей. Явно неодобрительный отзыв.

И уж совсем некрасиво о болтуне, тут уж не до эстетики: *Брешет как пест!*

А вот лес. И он «помощник» языку.

Осталась я что пень при дороге... И я представляю этот пень, который можно срубить, если он мешаает, безжалостно воткнуть в него топор, если случилось присесть около него. Никому он не нужен.

Дрожит как осиновый лист — сочувственно о ком-то.

Руки что коряжины — это огрубелые в работе, обветренные руки.

Он как кряж — и перед вами плотно сбитый человек.

Крепкий как дуб звучит полной противоположностью выражению *Жидкий как осина*. Из осины в деревне делали корыта в бани, для нужд хозяйства, потому что она мягка, древесина хорошо обрабатывается.

Про озябшие руки говорят: *Руки как грабли*. И вы видите плохо повиனுющиеся, негнущиеся пальцы.

Стал как столб — стал неподвижно, застыл, забыл про поручение.

Осрамил пень колоду: сам такого же роду — колода — это большая поилка для скота, корыто, делается из длинного ствола дерева, колоды. Пень — остаток того же дерева. Значит, кичиться особенно нечем.

Про плохую хозяйку — *В доме что в хлеву*.

Если стены давно не белены — *Курно как в бане*.

Да и выражение о человеке, не умеющем понять простой истины, о тупице, тоже красноречиво — *Колун*.

Про очень маленькие окна избы говорят: *Слепые окна*. И вы видите узкие, щурящиеся глаза.

Дом — полная чаша: и чашу надо представить, и что она полная. Это о трудолюбивой, дружной семье.

А какая наблюдательность! Вот некоторые примеры выразительности, эмоциональности речи.

Что ты пристал как слепой к плоту? Плот — это забор, у которого бревна плотно подогнаны друг к другу.

Пристал как смола! — о навязчивом, надоедливом человеке.

А вот уж совсем архаичное, но все-таки выразительное: *Делай щитно*. Это ясно: чтоб не было щелей, чтоб было как щит.

Шерсть на нем как шелк — о хорошем ухоженном коне.

Красный как маж — когда стыдно кому-то.

Позеленел от злости. Побелел со страху!

Почернел, бедняга! — сочувственно.

Эта же наблюдательность и в загадках: «Мать — толстуха, дочь — краснуха, сын — перебор, вышел во двор». Русская печь, огонь, дым (перебирающий, то есть кольцами уходящий в трубу).

Иногда услышишь и такое:

Что ты носишься как дурень с дверьми?

Осталась я как та старуха у разбитого корыта.

Когда я спросил женщину, знает ли она, что это за старуха, оставшаяся у разбитого корыта, то та ответила, что это старуха, которой всего много надо было. А вот почему «дурень с дверьми» — не знала.

Очень забавляли меня такие сравнения, как *постол неподплетенный*. Постолы — это лапти, сплетенные из тонких веревочек. Чтобы дольше носились, их подплетали, то есть делали еще одну «подошву». Ну, а «неподплетенный» — это незаконченный, недоученный, мало знающий. Каждое такое выражение вызывает образ, картину. И речь эта, конечно, запоминается.

Учитель В. Ф. Филиппов
Слюдянка Иркутской области

Полет в горизонтальном положении

В газете «Вечерняя Москва» (19 июня 1969) помещена заметка «Три рекорда за две недели». В ней сообщается о том, что женский экипаж самолета «ИЛ-18» завершил новый рекордный полет. Вдумаемся в подчеркнутые мною слова. Известно, что в полете самолет не находится в горизонтальном положении, он идет с углом атаки. Так кто же находился в «горизонтальном положении?» Экипаж? Может быть, автор хотел сказать: «рекорд высоты в горизонтальном полете?»

И. Ч.,
инженер-авиатор

ТРИ РЕКОРДА ЗА ДВЕ НЕДЕЛИ

Сегодня

ЗАВЕРШЕН НОВЫЙ
РЕКОРДНЫЙ ПОЛЕТ
ПЕРВОГО В МИРЕ
ЖЕНСКОГО ЭКИПАЖА
САМОЛЕТА «ИЛ-18».

Огенью 1967 года экипаж во главе с Героем Социалистического Труда Любовью Улановой установил мировые рекорды для класса турбовинтовых машин, посвятив их 50-летию Советского государства. И вот спустя два года летчицы почти в том же составе вновь сделали три попытки для установления высших авиационных достижений.

Все попытки оказались успешными. В течение двух недель отважные женщины установили рекорды высоты полета в горизонтальном положении, скорости по замкнутому маршруту протяженностью 5 тысяч километров. А сегодня они приземлились в аэропорту «Внуково» после сверхдальнего перелета. По замкнутому «треугольнику» Москва — Омск — Хатанга — Москва экипаж пролетел 8027 километров. Установлен новый рекорд!

Напомним имена небесных подруг. Командир корабля — Л. Уланова, второй пилот — В. Слободская, штурман — Г. Казырь, бортинженер — В. Попова, бортрадиот — О. Петрова.

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, ОПУБЛИКОВАННЫХ
В ЖУРНАЛЕ «РУССКАЯ РЕЧЬ»
ЗА 1969 ГОД**

А что думают дети	4	Василевская И. А. Дискобол и бабочник	4
Аванесов Р. И. Учебник родного языка (Письмо в редакцию)	4	Василенко А. Ф. «Сибирские фамилии»	2
Авилова Н. С. Фру-фру	1	Василенко И. А. Учебник родного языка (Письмо в редакцию)	4
Алексеев Д. И., Бондалетов В. Д. Народный филолог В. С. Дубровин	3	В. Б. Наши фамилии	4
Альтман М. С. О названиях художественных произведений	1	В. Д. Объявления в газете	2
Андреева-Васина Н. И. Опочка	6	В. Д. Покупают или покупают?	6
Антонов Е. М. Больше имен разных и благозвучащих	6	Веселитский В. В. Словари	3
Бабиев М. А. Пусть газета станет безукоризненно грамотной!	3	Веселитский В. В. «Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка».	3
Бакина М. А. <i>Оплечь</i> у Ал. Блока	4	Веселитский В. В. Критик	5
Балихин А. Е. Живое слово с экрана	2	Веселов П. В. Стандартизация терминов	3
Бархударов С. Г., Крючков С. Е. Учебник родного языка (Ответы на анкету)	2	Веселов П. В. Оправданный случай синонимии в терминологии	5
Белов В. Чистота, толкающая к убожеству	2	Виноградова В. Н. «Vie et langage»	1
Бессарабова Н. Д. «Краткий словарь трудностей русского языка»	3	Виноградова Л. И., Дурыгина Э. М. Теплые холодильники и сухие ливни	2
Благикина Е. Из разных книг	6	Вомперский В. П. Русские риторики XVII века	2
Бондарко А. В. О будущем сопоставительном	4	Вомперский В. П. В. К. Тредиаковский	4
Борисова М. Народное красноречие	5	Воронцова В. Л. Ваятель	1
Брагина А. А. Точки: две и три	1	Воронцова В. Л. Вам звонят по телефону	4
Булохов В. Я. Слова-словята	2	Герасимов Н. И. Экзаменатор говорит начистоту	1
Бурцева Л. П. Спор о русских именах (Письмо в редакцию)	6	Герасимов Н. И. Учитесь читать медленно	2
Вакуров В. Н. Выбор слова	3	Гиршман М. М. Три «чудных мгновенья»	1
Василевская Е. А. Афанасий Матвеевич Селищев	2	Глебова Т. С. Фронтовые блокноты К. Симонова	1
		Гордеев Ю. Живая речь	3
		Горшков А. И. «Письма из Франции» Д. И. Фонвизина	1
		Грановская Л. М. Наименования цвета в русском языке XVIII—XIX веков	1

Гринберг Е. М. Новые учебники в Узбекистане	4	амбарышко	1
Гриншпун Б. М. Недостатки речи у детей	3	Клебанов Е. С. Сочинения с суффиксами	6
Громова Н. М. Девушки, девочки, девочки	6	Князевская О. А. Древнейшая книга для чтения	1
Гуреева М. С. Просторечие в «Поэме о разных точках зрения» Р. Рождественского	6	Ковалев В. П. Однородные неоднородности у Паустовского	3
Дельская Т. Ф. Сценарий	6	Коготкова Т. С. Ошибки в произношении иностранных слов	1
Дементьев А. А. Максимко, Тимошка и другие	2	Коготкова Т. С. О местном «акценте»	4
Денисов П. Н. Русская разговорная речь (Хроника)	4	Кожин А. Н. Военное слово в речи В. И. Ленина	4
Дерягин В. Я. Язык «Советской России»	4	Кожин А. Н. О популярности и меткости языка Н. К. Крупской	5
Дерягин В. Я. Русский язык в национальной школе (Хроника)	6	Козаржевский А. Ч. Курс мастерства устной речи	6
Дмитриев В. Под вымышленными именами	4	Колыбельные и потешные песни. Считалки	4
Добродомов И. Г. Гювеч	3	Комякова Г. В. «Ию нана си знают»	1
Добродомов И. Г. Как писать собственные имена?	5	Копыленко М. М. О греческом влиянии на язык древнерусской письменности	5
Долотов В. А. Почва	6	Костинский Ю. М. Подлежащее — в родительном падеже	6
Дорохова Н. В. 33 или 32?	4	Краснов В. Г. Глаголы и прямая речь	2
Дудырева З. А. Заголовки	3	Краснов В. Г. Друг и помощник	6
Елигулашвили Г. Ленин — трибун революции (Хроника)	3	Краснощекова Е. А. Поэтическая речь раннего Всеволода Иванова	4
Емельченко И. Р. Диалектологические заметки М. И. Михайлова	5	Кузнецов Ю. А. Автор говорит со зрителем	6
Ермолинский С. А. Речь в кино (Ответы на анкету)	5	Кузницын Е. А. Волны штампов	1
Зинин С. И. Нужны разные имена	2	Кузьмин Н. В. Графический образ русского слова	2
Золотова Г. А. Предлог <i>со стороны</i>	1	Ладыженская Т. А., Баранов М. Т., Григорян Л. Т., Кулибаба И. И., Тростенцова Л. А. Учебник родного языка (Ответы на анкету)	2
Золотова Г. А. Предлог <i>в качестве</i>	5	Ларин В. Что такое хорошо	4
Иванов В. О стиле	4	Ласкина А. С. Подарю имя	6
Из черновиков «Кавказского пленника»	3	Левин Ю. Д. Мегафора в «Скупом рыцаре»	3
Ильинская И. С. Учебник родного языка (Письмо в редакцию)	4	Леонову Л. М. — 70 лет	2
Илюшин А. А. Глаголы жеста у Ф. М. Достоевского	6	Леонтьев А. А. Психолингвистика	1
Иорданский А. М. Василий Ильич Чернышев	4	Леонтьев А. А. «Ваш эксперимент меня заинтересовал..»	5
Каравашкова С. В. Редактор и друг начинающего автора	6	Лившиц В. А. К изучению языка и стиля произведений В. И. Ленина	2
Катаев В. Б. «Умри, Денис, лучше не напишешь»	2		
Катлинская Л. П. Зимой — зимой	3		
Кассиль Л. О законах и тайнах родного слова	3		
Качаева Л. А. Язык «Труда»	4		
Качевская Г. А. Домишко,			

Логинова К. А. Золото и серебро	5	Пальчевский М. Две книги	
Лопатина Л. Е. Семинар в Суздале	3	Панфилов А. К. Тема сочинения	1
Лукинский И. В. Речь в кино (Ответы на анкету)	5	Петрова Н. К. Речевая характеристика Иудушки Головлева	6
Лукочы В. и Вл. О ремарках в пьесах Л. Леонова	2	Петровичева Г. И. Почему датчанин не даниец	6
Львов А. С. Впопыхах. Грозный. Кропотливый	1	Петушков В. П. Стилистические синонимы	1
Львов А. С. Бахвал. Дача. Метель	2	Писатель правит. Из двух редакций повести Гоголя «Тарас Бульба»	2
Львов А. С. Негодяй	4	Плискович З. М. Зодчий — здание	4
Маймин Е. А. Стихотворения М. Ю. Лермонтова «Дума» и «1 января»	6	Плямоватая С. С. Из школьных сочинений	5
Максимов В. И. Загадка суффикса <i>-ин-а</i>	1	Подольский П. В. Погрешности	3
Маловицкий Л. Я., Попов Р. Н. Профессии, которые мы выбираем	2	Попов А. Н. Ошибки в переводах	3
Марковский И. К. Настоящие находки	3	Попова Н. В. Нижегородский диалект в повести М. Горького «Детство»	5
Матвеев А. К. Каргополь. Холмогоры	5	Промптова И. Ю. Выразительность спенического произношения	2
Медведев. Неправильности	3	Пругалова И. А. Воспитание интереса к русскому языку	3
Мехти-Заде М. М. Язык братства	6	Пустовалов П. С. Отбор материала. План сочинения	3
Митрофанов Г. Ф. В. И. Ленин о языке печати	5	Пустовалов П. С. О языке сочинений	4
Михайлова Н. Г. Народный рассказчик и литературный повествователь в прозе Н. С. Лескова	5	Пятницкий В. Д. Их нет в словарях	3
Михайловская Н. Г. Язык персонажей в пьесах Л. М. Леонова	2	Разоренов А. Г. Язык «Советской России»	4
Моисеев А. И. Проскачу и проскочу	1	Республиканские, краевые, областные	6
Мурзаев Э. М. Названия географических зон	1	Русинов Р. Кульгура речи в Болгарии	5
Невзглядова Е. В. Поэтическое слово	5	Самвелян Г. К. Речь в «языке кино»	6
Нехорошев Л. Н. Речь в кино (Ответы на анкету)	5	Селиванова С. Д. Об эволюции стиля «Кавказского пленника»	3
Никонов В. А. Иван и Винегрет	1	Сергеев В. Н. Карета, автомобиль, машина	5
Новое издание («Вестник Белорусского университета»)	1	С. И. Возьми то, не знаю что	6
Одинцов Г. Ф. Фарис в «Трех пальмах» М. Ю. Лермонтова	6	Скворцов Л. И. Говорливые фильмы	2
Одинцова Т. П., Одинцов В. В. Листая учебник	6	Скворцов Л. И. Основы нормализации русского языка	4
Орлов М. М. «Лучше сказать...»	6	Скокова Л. И. Не только грамматика и орфография	6
Осетров Е. Поэтическая душа Севера	4	Скшидло А. Я. О книжной лексике у Шолохова	5
Отин Е. С. На-гора	6		
Ощепкова В. П. О словах понятных и непонятных	6		

Славина О. С. Спор о русских именах (Письмо в редакцию)	6	Фесуненко П. М. Научно-популярный стиль В. И. Ленина	6
Славяне и тюрки (Хроника)	2	Филин Ф. П. Институт русского языка теперь и в будущей пятилетке	3
Словарь начинающего филолога	1—6	Филиппов В. С. Музыкальные инструменты на Руси	3,6
Смолина К. П. Всегда ли обыватель был обывателем?	5	Филиппов В. Ф. Изучать словарь	6
Смолицкая Г. П. Речки-деревья	1	Хаустова Ю. Ф. «Избранные труды» А. М. Селищева	2
Солганик Г. Я. О хорошем газетном языке	4	Хузе О. Ф. Экспедиции в художественную литературу	4
Соловцов Ю. В. Дата прописью	2	Цаленчук С. О. Языковые ошибки на газетной полосе	2
Сорокин Ю. С. Махры — махровый	3	Черепанова О. А. Готовятся статьи языковедами	6
Сорокин Ю. С. Производные слова	3	Чернов В. И. Он был веселый человек	1
Старостин Б. А. Нормы практической транскрипции	5	Чернов В. И. 25 рублей за одно слово	6
Степанов Ю. А. Погрешности	4	Чернышев В. И. Язык и стиль стихотворений Е. А. Баратынского	4
Степанов Ю. А. Предупреждение речевых нарушений	5	Чистяков В. Ф. О грамматике разговорной речи	4
Степанов Ю. А. Косноязычие	6	Чистяков С. Л. Спор о русских именах (Письмо в редакцию)	3
Стрыжак А. С. Украинские названия	5	Читая словари. Что такое <i>обечайка</i> ?	4
Сумникова Т. А. Термины родства и свойства	2	Что читали древние?	2,5,6
Суперанская А. В. Сколько муз было на Олимпе?	2	Чурмаева Н. В. Почему остроумный?	1
Суперанская А. В. Ртутный столбик	3	Шердакова Л. Н. Нормативны ли многочленные словосочетания?	3
Суслова А. В. Сколько имен у малышей? Какие они?	1	Шергин Б. Сказительница М. Кривополенова	4
Тамбовкина Т. И. Транскрипция	6	Шергин Б. Слово устное и слово письменное	4
Тарабасова Н. И. Буква <i>э</i> в скорописи	4	Шибяев А. А. Удивительные слова	3
Текучев А. В. Школа и современность	2	Шмелева И. Н. Играя в карты	6
Темы сочинений на вступительных экзаменах по русскому языку и литературе в 1968 году	1—3	Шустов А. Н. Нерукотворный памятник	3
Токмакова И. Весело и грустно	5	Этерлей Е. Н. «...Напена кружку кислых щей». Куриная уха	5
Трифонов П. Д. Письмо в редакцию	3		
Тулапина Э. М. Инфинитивные предложения с <i>было/будет</i>	1		
Утяев Р. З. Один из них оказался в полку	6		
Фадеев В. И. Русские слова в английском языке	3		
Федоренко Л. П. Учебник родного языка (Ответы на анкету)	2		
Федоров Б. В. Стиль «Сельской жизни»	3		
Федосеева Л. Н. Веселые названия и чувство меры	3		
		ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
		Без записной книжки	6
		Берегиня	5
		«Бова» Радищева и «Песнь о Гайавате»	2
		Брить лбы	6
		Вишня цветет	6

Вожженный электрод	1	Обратные словари	2
Возразить	5	Откуда слово <i>зря</i> ?	4
Где-то в июле	6	Отсоединить	5
Данилович или Данилович?	2	По	4
Дискутировать или дискуссиро- вать?	3	Пожарный или пожарник?	5
Еще один член семейства	6	Полет в горизонтальном положе- нии	6
Задолжник	4	Помогите достать Словарь Ожего- ва	6
Зачем крынка, когда есть крин- ка?	3	Предварительный	5
И речь эта запоминается	6	Раздумья в заголовках	6
<i>К</i> и <i>ко</i>	5	Райх и рейх	1
Квартира обеспечивается	5	Сроки, сроки	6
Компонент и компонента	6	Старое-новое слово	6
Краев	1	Стюардесса — бортпроводница	5
Лазер	1	Туфля	1
Летопшнй снег	5	Факт	1
Меж крутых бережков	5	Хлопотливая должность	2
Мисюсь или Мисюсь?	1	Ходит, плавает	3
Моя дочка маленька	6	Чет — нечет	6
Муму или Му-у?	6	Читатели о русском языке и «Рус- ской речи»	1
Названия предприятий	3	Шефствовать или шефировать	4
Нужна ли латинизация?	4	Экцентриситет	5
Об окиси водорода	6		